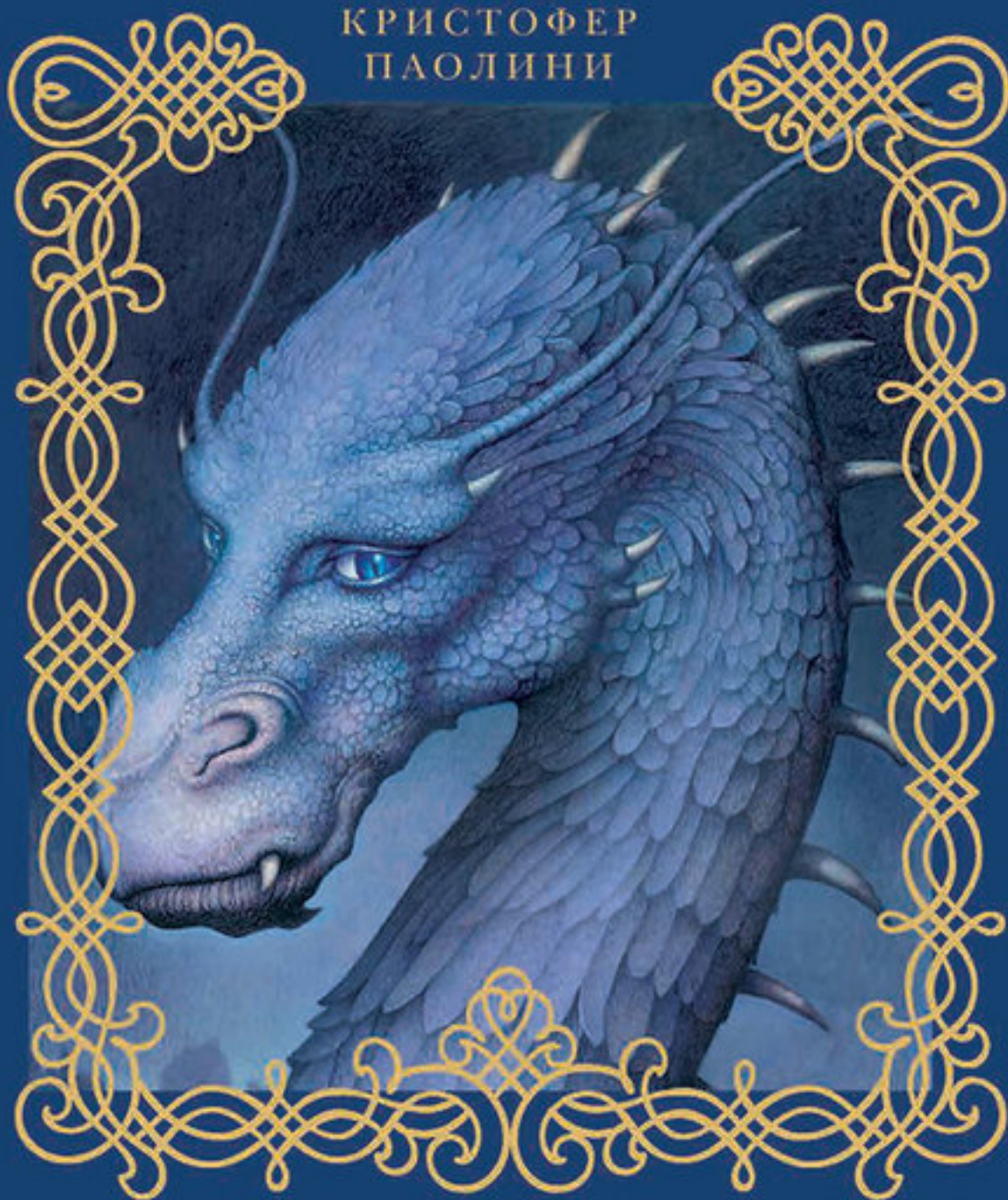


КРИСТОФЕР  
ПАОЛИНИ



ЭРАГОН

Наследие

Кристофер Паолини

**Эрагон**

«РОСМЭН»

2003

УДК 821.111(73)-312.9-93  
ББК 84(7Coe)

**Паолини К.**

Эрагон / К. Паолини — «Росмэн», 2003 — (Наследие)

ISBN 978-5-353-04133-7

В волшебных лесах родной Алаганзии деревенский мальчик по имени Эрагон находит удивительной красоты голубой камень. Он собирается продать его, чтобы помочь своей семье пережить зиму. К его изумлению, камень оказывается яйцом, из которого вылупляется прекрасный дракон, которого он называет Сапфира. В одну из ночей жизнь этого простого мальчишки полностью переворачивается – с его семьей жестоко расправляются темные силы, которые обитают в королевстве. От старика сказочника Брома Эрагон узнает о своем особом предназначении: он наездник драконов. Однако об этом знает и могущественный и вероломный король Галбатроикс, в прошлом также наездник драконов, который готов утопить все живое в крови, чтобы остаться властелином плененной им Алаганзии. Эрагон и Сапфира – последняя надежда королевства на спасение от власти зла.

УДК 821.111(73)-312.9-93

ББК 84(7Coe)

ISBN 978-5-353-04133-7

© Паолини К., 2003

© Росмэн, 2003

## Содержание

Пролог	6
Открытие	9
Долина Паланкар	11
Истории о драконах	18
Подарок судьбы	29
Пробуждение	31
Чай для двоих	37
Волшебное имя	44
Будущий мельник	47
Чужаки в Карвахолле	49
Полет судьбы	54
Бремя неведения	58
У постели умирающего	62
Безумное горе	68
Меч всадника	69
Изготовление седла	80
Теринсфорд	82
Конец ознакомительного фрагмента.	85

# Кристофер Паолини Эрагон

**Christopher Paolini**  
**ERAGON**

*Text copyright © 2003 by Christopher Paolini*

*Jacket art copyright © 2003 by John Jude Palencar*

*This translation published by arrangement with Random House Children's Books, a division of Random House, Inc.*

*Все права на книгу на русском языке принадлежат издательству «РОСМЭН».*

*Ничто из нее не может быть перепечатано, заложено в компьютерную память или скопировано в любой форме – электронной, механической, фотоконии, магнитофонной записи или какой-то другой – без письменного разрешения владельца.*

© Издание на русском языке. ЗАО «РОСМЭН», 2009

\* \* \*

## Пролог

### Тень страха

Ветер выл в ночи, принося запахи, грозившие великими переменами. Высокий шейд, встрепenuвшись, потянул носом. Выглядел он почти как человек, если не считать странных густо-красных волос и темно-карих глаз, лишенных зрачков.

Шейд испытывал легкую неуверенность, хотя вроде бы сведения, полученные им, были точны: они где-то здесь. А вдруг это ловушка? Взвесив все «за» и «против», он ледяным тоном приказал:

– Продвигайтесь вперед широким фронтом, прячьась за деревья и кусты. И чтобы дажемышь мимо вас не пробежала! Никому не давайте пройти... лучше умрите!

Вокруг шейда неловко переступали с ноги на ногу двенадцать неуклюжих ургалов, вооруженных короткими мечами и круглыми металлическими щитами. Щиты и лезвия мечей были покрыты какими-то черными символами. Ургалы, как и люди, были двуногими, только ноги у них были короткие и ужасно кривые, а толстенные могучие ручищи словно специально были созданы для того, чтобы крушить все вокруг. Над маленькими звериными ушками торчали изогнутые рога. Услышав приказ шейда, ургалы поспешно кинулись в заросли и с тихим ворчанием попрятались и затихли. Вскоре в лесу опять установилась полная тишина.

Шейд осторожно выглянул из-за ствола огромного дерева, всматриваясь в следы на тропе. Ни один человек не смог бы ничего различить на земле в такой темноте, но для шейда, обладавшего невероятно острым зрением, даже самый слабый лунный свет был подобен ярким лучам солнца, и он ясно и четко видел любую мелочь, способную привлечь его внимание. Держался он как-то неестественно спокойно, но крепко сжимал в руке свой длинный клинок со светлым лезвием, по которому спиралью вилась тонкая, как волос, насечка. Клинок был достаточно узок, чтобы легко вонзиться в грудь противника меж двух соседних ребер, но очень прочен и запросто мог пробить насквозь даже самые надежные латы.

Ургалы, не способные видеть в темноте так же хорошо, как шейд, ползли на ощупь, точно нищие слепцы, то и дело спотыкаясь о собственное снаряжение. Нарушив ночную тишину, пронзительно закричала сова. Ургалы напряженно застыли, но птица пролетела мимо. Было холодно, и рогатые чудовища дрожали и явно злились. Под тяжелой ногой одного из ургалов хрустнула ветка, и шейд сердито зашипел на него. Остальные тут же остановились, испуская «аромат» протухшего мяса, и шейд с отвращением отвернулся: в конце концов, ургалы – всего лишь винтики в его игре, не больше.

Однако же нетерпение шейда росло, ибо минуты ожидания стали превращаться в часы. Должно быть, думал он, запах проклятых ургалов уже разнесся повсюду, весь лес пропах этими рогатыми уродами! Ничего, пусть пока посидят в засаде; он не позволит им ни размяться, ни согреться. Он и себе-то подобной роскоши не позволит. И шейд снова застыл за деревом, внимательно следя за тропой. В листве опять зашелестел ветер, принеся новую порцию ненавистных запахов. На этот раз запах был куда сильнее и невыносимо раздражал шейда. Он даже глухо зарычал, приподняв тонкую верхнюю губу и обнажив клыки.

– Приготовиться! – шепотом приказал он ургалам. От возбуждения он весь дрожал, нервно размахивая в воздухе клинком. Ах, сколько потребовалось колдовских заклятий, сколько разнообразных усилий, чтобы наконец настал этот миг возмездия! И этот миг ни в коем случае упускать нельзя!

Глаза ургалов в глубоких глазницах вспыхнули ярким светом, и они крепче сжали в руках свои тяжелые мечи. Впереди послышался громкий стук – словно железом по камню – и из темноты выплыли и устремились по тропе неяркие огоньки.

Три белых коня с седоками легким галопом мчались прямо к устроенной шейдом засаде. Всадники ехали, высоко и гордо вскинув голову, их плащи струились в лунном свете, точно расплавленное серебро.

Первый явно был эльфом – острые уши, изящные брови вразлет, стройное, но очень гибкое и сильное тело, подобное рапире. За плечами у эльфа был большой лук и колчан со стрелами с лебяжьим оперением; с пояса свисал меч.

Замыкал процессию всадник, удивительно похожий на первого; черты его лица были столь же красивы, хотя, может быть, и несколько угловаты. Этот эльф в правой руке держал длинное копье, на поясе у него висел кинжал в белых ножнах, голова была покрыта шлемом редкой красоты, украшенным янтарем и золотой чеканкой.

А между юношами ехала темноволосая девушка с гордым и спокойным лицом. Длинные кудри цвета воронова крыла обрамляли нежное лицо, на котором страстно горели глубокие очи. Девушка была одета очень просто, но это ничуть не умаляло ее красоты. На поясе у нее тоже висел меч, а за плечами – лук со стрелами. Она бережно прижимала к себе замшевый мешочек, то и дело на него поглядывая и словно желая удостовериться, что мешочек на месте.

Один из эльфов что-то тихо сказал прекрасной даме – шейд не расслышал его слов, – и она ответила ему властным тоном. Тотчас же сопровождавшие ее юноши поменялись местами, и эльф в золоченом шлеме поехал первым, взяв свое копье на изготовку. Ни о чем не подозревая, они миновали дерево, за которым прятался шейд, и кусты, под которыми притаились ургалы.

Шейд уже внутренне ликовал, предвкушая победу, но тут ветер вдруг сменил направление, и до эльфов донесся тяжкий смрад, исходивший от ургалов. Лошади тревожно заржали и замотали головами. Всадники напряглись; глаза их недобро блеснули, и они, пришпорив коней, помчались прочь.

Конь, на котором ехала черноволосая дама, вырвался далеко вперед, оставив ее охрану позади. Забыв о том, что им запрещено себя обнаруживать, ургалы, злобно рыча, выскочили из засады и выпустили вслед прекрасной всаднице тучу черных стрел. Шейд стремительно выскочил из-за дерева, воздел к небесам правую руку и громогласно воскликнул: «Гаржзла!»

Тяжелая красная стрела светящейся молнией взвилась с его ладони, отбрасывая кровавые отблески на стволы деревьев, и вонзилась в коня эльфийки. Конь споткнулся и с пронзительным ржанием рухнул на передние ноги, ударившись грудью о землю. Девушка птицей слетела с седла, отпрыгнула в сторону и оглянулась.

Смертельно опасные стрелы ургалов уже успели сразить обоих ее спутников. Истекая кровью, эльфы лежали на земле. Ургалы устремились было к ним, но шейд громко приказал:

– За ней! Мне нужна именно она! – И рогатые чудовища, ворча, ринулись в погоню за девушкой.

Горестный вопль вырвался из уст прекрасной эльфийки; она рванулась было к раненым юношам, но потом, осыпая врагов проклятиями, побежала от тропы в чащу леса.

Пока ургалы ломались сквозь заросли, стараясь ее настигнуть, шейд поднялся на вершину возвышавшейся неподалеку гранитной скалы. Отсюда ему хорошо было видно все вокруг. Воздев правую руку, он крикнул: «Бётк исталри!» – и примерно с четверть квадратной мили леса вспыхнула ярким пламенем. Шейд с суровым видом выжигал один участок леса за другим, создавая огненное кольцо в пол-лиги диаметром вокруг того места, где была устроена засада. Сверху языки пламени напоминали зубцы огромной огненной короны на темном челе густого леса. Шейд, явно довольный собой, внимательно следил, чтобы кольцо пламени нигде не погасло.

Пожар полыхал вовсю, захватив и ту территорию, где прятались ургалы. Шейд уже слышал их хриплые вопли, а потом сквозь ветви деревьев увидел, как трое ургалов рухнули на

землю, смертельно раненные, и краем глаза успел заметить, куда метнулась теперь прекрасная эльфийка.

Она с невероятной скоростью мчалась прямо к той отвесной гранитной скале, на вершине которой притаился он сам. Шейд тщательно примерился, прыгнул с двадцатифутовой высоты и приземлился точно перед эльфийкой. Девушка резко свернула в сторону и бросилась назад, к тропе. Черная кровь ургалов капала с ее меча, пятная замшевый мешочек, который она по-прежнему прижимала к груди.

Тем временем рогатые чудовища, выбравшись из чащи, окружили ее плотным кольцом, не оставив ни малейшей надежды на спасение. Она судорожно пыталась отыскать хоть какую-нибудь лазейку, но выхода не было. Девушка остановилась, гордо выпрямилась и посмотрела на врагов с поистине королевским презрением. Шейд неторопливо подошел к эльфийке, наслаждаясь ее полной беспомощностью, поднял руку и приказал:

– Взять ее!

Но как только ургалы бросились к ней, она быстро достала что-то из своего замшевого мешочка, а сам мешочек бросила на землю. В ее высоко поднятой руке ярко сверкнул в пламени близкого пожара какой-то синий камень, видимо крупный сапфир. Эльфийка подняла сапфир над головой и что-то гневно прошептала. Слегка растерявшись от неожиданности, шейд рявкнул: «Гаржзла!» – и снова с его ладони слетела красная огненная стрела, готовая поразить девушку, однако он опоздал. Вспышка изумрудного огня на мгновение осветила весь лес, огромный сапфир исчез, а эльфийка, пронзенная красной молнией, замертво рухнула на землю.

Взвыв от ярости, шейд бросился к ней, в бешенстве пронзил своим тонким клинком ствол ближайшего дерева и выпустил с ладони еще девять таких же огненных молний, тут же сразивших и всех ургалов. Шейд страшно выругался, вытащил из ствола свой клинок и вернулся к девушке.

Жуткие проклятия, неведомые более никому, и обещания отомстить так и сыпались у него с языка. Стиснув тонкие длинные пальцы, он злобно посмотрел в небеса. Оттуда на него холодно глянули немигающие глаза звезд, безмолвных и бесстрастных неземных стражей. Оскалившись, он в бессильной ярости посмотрел на лежавшую без чувств девушку.

Ее красота, которая могла бы свести с ума любого смертного, на шейда не произвела ни малейшего впечатления. Убедившись, что синий камень бесследно исчез, он свистом призвал к себе коня, прятавшегося в чаще, привязал прекрасную эльфийку к седлу, позвал второго коня, вскочил на него и поспешил убраться из горящего леса, притушив пожар лишь там, где он мешал ему проехать, а в остальных местах оставив все выгорать дотла.



## Открытие

Эрагон опустился на колени: жесткая примятая трава явственно свидетельствовала, что олени были здесь, на лугу, всего полчаса назад. Охотился он, впрочем, только за молодой оленихой, которая явно хромала на левую переднюю ногу, но все еще паслась вместе со стадом. Странно, удивился он, что ее до сих пор не задрал ни волк, ни медведь.

Ночное небо было безоблачным, дул слабый ветерок. Над горами медленно проплывало серебристое облако, и края его сверкали в свете полной луны, которая, точно из колыбели, выглядывала из округлого просвета между двумя вершинами. Ручьи, сбегавшие по склонам гор от вечных льдов в предгорья, таинственно поблескивали. Мрачноватый туман расплзался по долине, настолько плотный, что Эрагон едва различал собственные ступни.

Эрагону исполнилось пятнадцать, ему всего год оставался до посвящения в мужчины. У него был внимательный взгляд опытного охотника, над темными глазами чернели густые брови. На нем были старая куртка и штаны, а на поясе в ножнах висел охотничий нож с костяной ручкой. Чехол, сшитый из бычьей шкуры, надежно предохранял от сырого тумана тисовый лук. За спиной – удобный самодельный ранец с деревянной основой.

Та олениха завела его далеко в Спайн, горный хребет, протянувшийся через всю Алагейзию. Это были дикие края, и отсюда в Карвахолл часто приходили странные люди, рассказывавшие странные истории, и обычно их приход предвещал несчастья. Но Эрагон этих гор не боялся – он, единственный из местных охотников, осмеливался в поисках добычи заходить глубоко в Спайн.

Охотился он уже третий день подряд, запасы еды кончались, и он понимал, что если так и не завалит эту олениху, то придется возвращаться домой с пустыми руками. А ведь зима была уже на носу, пора было запастись солониной, но покупать мясо в Карвахолле им было не по карману.

Эрагон немного постоял под темными, залитыми лунным светом небесами и решительным шагом двинулся к той лощине, где, как ему казалось, должны были устроиться на ночлег олени. Вскоре он вошел в лес. Там было гораздо темнее, пушистые сосновые лапы отбрасывали на землю неровные перистые тени. Эрагон лишь время от времени поглядывал на землю, проверяя след: путь в лощину он и без того знал прекрасно.

Осторожно подобравшись к спящим оленям – луна хорошо освещала десятка два неподвижных холмика в траве, – он уверенным движением натянул тетиву и, вытащив из колчана три стрелы, одну вложил в лук, а остальные зажал в левой руке. Олениха, за которой он охотился, лежала с краю, неловко вытянув левую поврежденную ногу.

Эрагон медленно подполз поближе, держа лук наготове. Три дня непрерывного преследования все-таки сказывались, и он боялся промахнуться от усталости. В последний раз глубоко вздохнув и затаив перед выстрелом дыхание, Эрагон приготовился и... вдруг словно какой-то взрыв разорвал ночную тишину.

Олени вскочили. Эрагон бросился вперед, спотыкаясь в траве, и поспешно выпустил стрелу в неловко скачущую олениху. Он промахнулся совсем чуть-чуть, стрела со свистом улетела во тьму, а Эрагон выругался и мгновенно вложил в лук вторую стрелу, но выстрелить не успел.

У него за спиной, где только что паслись олени, горел лес. Многие сосны уже лишились хвои, трава вокруг выжженного пространства скукожилась. В воздухе висел густой запах гари. А в самой середине пепелища, где все сгорело дотла, Эрагон заметил крупный и блестящий синий камень. Пожар уже затухал, и туман, наползая на выгоревшую поляну, тянул к камню свои колдовские щупальца.

Эрагон, всем своим нутром чувствуя близкую опасность, выждал еще несколько мгновений, но единственным движущимся предметом в обозримом пространстве был туман, и, вынув из лука стрелу, он шагнул к синему камню. В лунном свете юноша казался бесплотной тенью. Он осторожно поддел камень концом стрелы и отскочил, но ничего не произошло, и только тогда он поднял камень.

Природа не в силах так замечательно отполировать камень – это Эрагон понял сразу. Поверхность темносинего самоцвета была безупречно гладкой и вся опутана, точно паутиной, беловатыми прожилками. На ощупь камень был холодный и скользкий, как атлас. Овальной формы, большой – ладони две длиной, – он весил, должно быть, не меньше нескольких фунтов, хотя казался значительно легче.

Камень был одновременно прекрасным и пугающим. «Интересно, откуда он взялся? – думал Эрагон. – И нет ли в его появлении какого-то злого умысла? – Ему вдруг стало не по себе. – А что, если камень попал сюда не случайно, что, если он предназначался *специально для меня?*» Эрагон не слишком верил старинным сказкам, но не сомневался в справедливости утверждения о том, что с магией и с теми, кто магией занимается, следует быть очень осторожным.

«Ну, и как же мне с этим камнем поступить? – ломал себе голову Эрагон. – Мало того, что он довольно-таки тяжелый, так еще и опасным запросто оказаться может. А не оставить ли его здесь?» Он уже почти решил бросить камень на землю и уйти, но его остановила мысль о том, что можно, наверное, попробовать расплатиться этим самоцветом за продукты на зиму, которые были им так необходимы. И Эрагон, пожав плечами, сунул камень в ранец.

Устраиваться в лощине на ночлег он не стал – слишком уж местность была открытой – и снова вернулся в лес, устроив себе постель у вывороченного с корнями дерева. Поужинав всухомятку сыром и хлебом, он завернулся в одеяло и долго еще размышлял над случившимся, пока не заснул.

## Долина Паланкар

Утром все вокруг было залито победоносным золотистым светом. В прозрачном холодном воздухе разливались дивные лесные ароматы. Вода в ручье у берега покрылась ледяной коркой, а в маленьких бочажках и вовсе замерзла за ночь. Сварив себе немного овсянки на завтрак, Эрагон быстро поел и вернулся в лощину, где уже при дневном свете тщательно обследовал выгоревший участок леса, однако ничего нового не обнаружил и направился к дому.

Охотничья тропа вилась в густых зарослях. Будучи протоптанной дикими животными, тропа эта часто петляла и уходила в сторону, но все же была самым коротким путем к селению Карвахолл.

Горный хребет Спайн являлся одним из немногих мест в Алагейзии, которые король Гальбаторикс никак не мог назвать своей собственностью. И поныне существовало немало страшных историй о том, как он потерял половину своего войска, решившись войти в древние леса Спайна. Казалось, над этими горами и ущельями висят тучи бед и неудач. И хотя деревья там чувствовали себя превосходно, а небо над горами Спайна ярко сияло, мало кто решался долгое время провести в этих горах, опасаясь неведомо каких несчастий. К этим немногочисленным смельчакам принадлежал и Эрагон – причем, как считал он сам, отнюдь не благодаря какому-то дару или везению, а просто в силу привитой с детства бдительности и быстрой реакции охотника. Он уже несколько лет охотился самостоятельно и надолго уходил в горы, но всегда вел себя там крайне осторожно. Каждый раз, когда он начинал думать, что горы уже открыли ему все свои тайны, случалось нечто такое, что полностью сбивало его с толку, и он понимал, как мало, в сущности, знает. К подобным случаям можно было отнести и его теперешнюю, столь неожиданную находку.

Эрагон шел быстрым ровным шагом, легко оставляя позади одну лигу за другой. Поздним вечером он вышел к оврагу с обрывистыми берегами, по дну которого несла свои воды быстрая горная река Анора, устремлявшаяся в долину Паланкар. Питаемая сотнями ручейков, река эта, сбегая с круч, обретала в итоге невероятную силу, превращая в гальку огромные валуны и скалы, встающие у нее на пути. Басовитый гул потока заглушал здесь все остальные звуки.

Эрагон устроился на ночлег в кустах на крутом берегу Аноры и, прежде чем лечь спать, долго смотрел, как восходит луна.

На следующий день сильно похолодало. Эрагон прибавил ходу и почти не смотрел по сторонам, а потому и осторожного лесного зверья почти не замечал. Вскоре после полудня он услышал шум водопада Игвальда. Вода здесь падала с огромной высоты, окутанная плотным облаком холодных мелких брызг. Тропа вывела Эрагона на мокрый каменистый выступ, с которого хорошо было видно, как река внизу, огибая поросшие мохом скалы, мчится с бешеной скоростью в долину.

Долина Паланкар лежала у ног Эрагона точно старинная карта, разложенная на столе. Озеро, образовавшееся у водопада Игвальда, было сейчас примерно на полмили ниже того места, где стоял Эрагон. Здесь, у северного края долины, находилось и селение Карвахолл – целый выводок неприметных, коричневых домишек, точно в страхе прижавшихся друг к другу. Белый дымок, пахнувший домом и очагом, плыл над селением, словно бросая вызов этим диким краям. С высоты утеса знакомые поля казались Эрагону крошечными квадратными заплатками на желто-коричневом осеннем платье земли, сотканном из пожухших трав. Река Анора, петляя, неслась от водопада дальше, к южному концу долины; в ее воде широкими полосами отражался солнечный свет. Чуть дальше река, несколько умерив свой разбег, проно-

сила свои воды мимо селения Теринсфорд и одинокой горы Утгард. А затем, насколько было известно Эрагону, она снова поворачивала на север и устремлялась к морю.

Немного постояв над водопадом, Эрагон вышел на тропу и стал спускаться в долину, спотыкаясь от усталости и даже негромко постанывая. Долина встретила его мягкими сумерками, окрасившими все предметы одинаковой серо-голубой краской. Огни Карвахолла приветливо мерцали ему навстречу; возле домов лежали темные тени. В долине Паланкар было только два селения – Теринсфорд и Карвахолл, – и ее со всех сторон окружала дикая и прекрасная горная страна, так что гостей здесь бывало немного. Редко кто добирался до этих мест, разве что купцы да охотники-трапперы.

Дома в Карвахолле, довольно неказистые с виду, были весьма прочными, бревенчатыми, с невысокими крышами, крытыми тростником или дранкой. Над каминными трубами поднимались в небо столбы дыма, в воздухе пахло горящими дровами и приготавливаемой пищей. У каждого дома имелаась широкая крытая веранда, где можно было посидеть вечером с соседями, побеседовать или обсудить неотложные дела. То и дело в сгущавшихся сумерках вспыхивали теплым светом новые окна, в вечернем воздухе далеко разносились громкие голоса мужчин и брань женщин, пытавшихся загнать домой непутевых мужей и сердитых за то, что те опоздали к ужину.

Петляя между домами, Эрагон добрался наконец до лавки мясника. Это был просторный бревенчатый дом; из большой трубы над крышей клубами валил черный дым.

Он рывком распахнул дверь. В лавке было тепло и светло, в облицованном камнем очаге жарко горел огонь. Вдоль стены тянулся совершенно пустой и чисто вымытый прилавок. Пол был устлан свежей соломой. Казалось, хозяин лавки только и делает, что подбирает каждую соринку и вытирает каждое пятнышко. За прилавком стоял мясник Слоан, маленький человечек в надетом поверх рубахи рабочем халате, покрытом кровавыми пятнами. На поясе у него висело множество разнообразных ножей. Лицо у Слоана было желтоватое, покрытое оспинами; черные глаза смотрели подозрительно. Он вытер прилавок тряпкой и, скривив презрительно рот, спросил у вошедшего Эрагона:

– Ну что, великий охотник, неужто решил все же вернуться к нам, простым смертным? И сколько же дичи тебе удалось подстрелить на этот раз?

– Ничего я не подстрелил, – буркнул Эрагон неохотно. Слоана он всегда терпеть не мог. Мясник всегда разговаривал с ним так, словно и за человека его не считал! Будучи вдовцом, Слоан любил только свою единственную дочь Катрину – просто души в ней не чаяли.

– Что ж ты так? – притворно удивился Слоан и тут же повернулся к Эрагону спиной, чтобы отодрать от стены прилипший к ней кусочек мяса. – Значит, мяса ты не добыл, потому и сюда пожаловал?

– Да, – признался Эрагон.

– А есть ли у тебя денежки? Ну-ка, покажи. – И Слоан нетерпеливо забарабанил пальцами по прилавку. (Эрагон лишь неловко переминался с ноги на ногу и молчал.) – Ну же, говори, есть у тебя деньги или нет?

– Денег у меня и вправду нет, но у меня есть...

– Как это – нет денег? – возмущенно прервал его мясник. – И ты еще собрался мясо покупать! Что же, другие купцы тебе даром свой товар отпускают? Может, ты хочешь, чтобы и я тебе мяса без денег отвесил? А впрочем, – он вдруг заговорил совсем другим тоном, – сейчас все равно слишком поздно. Завтра приходи. И с деньгами. А на сегодня с меня хватит. Лавка закрыта.

Глаза Эрагона сердито сверкнули.

– Я не могу ждать до завтра, Слоан. Между прочим, ты внакладе не останешься, если немного и задержишься. Я кое-что нашел и, наверное, вполне смогу расплатиться с тобой. –

Эрагон жестом фокусника извлек синий камень из ранца и осторожно положил его на шерба-  
тый прилавок. Камень так и засиял в отблесках пылавшего в камине огня.

– По всей видимости, ты его где-то стащил... – пробормотал Слоан, но с нескрываемым  
любопытством склонился над камнем.

Эрагон, решив не обращать внимания на слова мясника, с вызовом спросил:

– Ну что, этого хватит?

Слоан взял камень в руки и с сомнением взвесил на ладони. Потом потрогал пальцем  
белые прожилки на гладкой поверхности, поцокал языком, положил синий самоцвет на при-  
лавок и заявил:

– Красивый камешек! Вот только понятия не имею, сколько он может стоить.

– И я тоже, – признался Эрагон. – Только вряд ли кто-то стал бы над ним трудиться,  
полировать его и все такое, если б он ни гроша не стоил!

– Так-то оно так, – протянул Слоан, – да только хотелось бы все же его настоящую цену  
узнать. А раз ты сам ее не знаешь, так найди такого торговца, который смог бы тебе это сказать,  
а не найдешь, я тебе за него больше трех крон никак дать не смогу.

– Но это же нечестно! – возмутился Эрагон. – Камень наверняка раз в десять дороже! –  
За три кроны ему и на неделю мяса не купить, не то что на всю зиму.

Слоан пожал плечами:

– Ну, если тебе мое предложение не по душе, дожидайся, пока к нам купцы пожалуют.  
Ступай себе, надоело мне с тобой болтать без толку.

«Купцами» в Карвахолле называли всех без разбору бродячих торговцев, жонглеров и  
сказителей, которые приходили сюда каждую весну. Они покупали у местных крестьян любые  
излишки продовольствия и продавали им то, что всегда необходимо в деревне, чтобы суметь  
продержаться еще год: семена, молодняк, ткани и всякую бакалею вроде соли и сахара.

Но Эрагону ждать до весны совсем не хотелось; солить мясо на зиму пора уже сейчас.

– Хорошо, я согласен, – сердито буркнул он.

– Вот и прекрасно. Сейчас я тебе мясо отвешу, а ты пока расскажи, хоть мне и не больно  
интересно, где это ты такой камень раздобыл?

– В Спайне, отсюда до тех мест двое суток хода...

– Убирайся! – вдруг заорал Слоан, отталкивая камень и отскочив к дальнему концу при-  
лавка, где, чтобы скрыть свой внезапный страх, принялся яростно отскребать ножом присох-  
шую кровь.

– Но почему? – удивился Эрагон. – Что я такого сделал? – Он накрыл камень рукой,  
словно желая защитить его от разгневанного Слоана.

– Не желаю я иметь дело с какой-то колдовской штуковиной, которую ты с этих прокля-  
тых гор притащил!

Неси свой камень куда хочешь, а мне он не нужен. – Руки у Слоана так дрожали, что он  
даже порезался, но, казалось, этого не замечал, продолжая машинально скрести прилавок и  
пятная его собственной кровью.

– Значит, отказываешься мне мясо продать?

– Отказываюсь, отказываюсь! Или плати за него обычными монетами! – грозно прорычал  
Слоан и крепче ухватил свой тесак. – А ну живо убирайся отсюда, пока я тебя не порешил!

Дверь вдруг со стуком распахнулась. Эрагон резко повернулся, готовясь к новым непри-  
ятностям, но... Но в лавку, громко топая, вошел Хорст, человек богатырского роста и тело-  
сложения. За ним с решительным выражением лица следовала дочь Слоана, Катрина, высокая  
шестнадцатилетняя девушка. Эрагон очень удивился, увидев ее; она обычно избегала споров  
и ссор с покупателями, которые частенько случались в лавке ее отца. Слоан осторожно глянул  
в сторону вошедших и тут же напустился на Эрагона:

– Он, видите ли, не желает!..

– Тихо, – пророкотал Хорст, с треском распрямляя плечи. Он был местным кузнецом, о чем свидетельствовали его могучая шея и драный кожаный фартук. Мощные ручки Хорста были по локоть обнажены, а в расстегнутую рубаху виднелась широченная волосатая грудь. Черная борода, не слишком аккуратно подстриженная, колыхалась в такт его словам: – Ну, Слоан, что ты еще затеял?

– Ничего я не затеял! – возмутился мясник, бросая на Эрагона злобные взгляды. – Это все он! – Слоан сплюнул и продолжал: – Явился сюда на ночь глядя да еще дразнить меня начал. Я его как человека попросил, уходи, мол, так он даже с места не сдвинулся! А когда я ему как следует пригрозил, он и ухом не повел! – Рядом с Хорстом Слоан, казалось, стал еще меньше ростом.

– Это правда? – спросил кузнец.

– Нет! – выкрикнул Эрагон. – Я ему вот этот камень в уплату за мясо предложил, и он уже согласился его взять, но, когда я сказал, что нашел камень в горах, он тут же стал меня прогонять и от камня отказался. А какая разница, откуда я этот камень принес?

Хорст с любопытством взглянул на камень, но тут же снова повернулся к мяснику:

– Что ж ты раздумал мясо-то ему продавать, а, Слоан? Я и сам в Спайн не больно люблю соваться, но камень-то драгоценный, это точно. И, если хочешь, я за него готов собственными деньгами поручиться.

Какое-то время его предложение оставалось без ответа. Затем Слоан, нервно облизнув губы, заявил:

– Это моя лавка! И я здесь что хочу, то и делаю!

Тут из-за спины кузнеца появилась Катрина. Отбросив назад длинные медно-рыжие волосы, она спокойно возразила отцу:

– Но ведь Эрагон же хотел по-честному расплатиться с тобой, папа! Продай ему мясо, и пойдем наконец ужинать.

Слоан злобно прищурился.

– Ступай назад в дом, девчонка! – велел он дочери. – Эти дела совершенно тебя не касаются. Ступай, я сказал!

Катрина, сердито закусив губу, гордо вскинула подбородок и вышла из лавки.

Эрагону все это очень не понравилось, но вмешиваться он не решался. Зато Хорст поскреб бороду и заявил с упреком:

– Вон ты как! Тогда будешь иметь дело со мной. Ты, Эрагон, сколько мяса хотел купить? – Зычный голос кузнеца гулким эхом отдавался от стен лавки.

– На сколько денег хватило бы.

Хорст вытащил кошелек, достал оттуда горсть монет и выложил их столбиком на прилавок.

– Этого хватит? Подай-ка мне лучшего мяса для бифштексов, Слоан, да побольше, чтоб этот вот ранец доверху набить. (Мясник все еще колебался, злобно поглядывая то на Хорста, то на Эрагона.) А коли не продашь, сам потом пожалеешь, – предупредил его кузнец.

Слоан побагровел и скользнул в кладовую, откуда донесся стук топора и невнятные проклятия. Ждать, впрочем, пришлось недолго; вскоре мясник вернулся, неся несколько кусков отличного мяса. Он с равнодушным видом взял у Хорста деньги и тут же принялся сосредоточенно чистить свой нож, делая вид, что покупателей рядом нет.

Хорст сгреб мясо в кучу и вышел за порог. Эрагон поспешил за ним следом, держа в руках синий камень. Морозный ночной воздух приятно охлаждал лицо – он совершенно взмок в духоте мясной лавки.

– Спасибо тебе, Хорст! То-то дядя Гэрроу будет доволен!

Хорст тихонько рассмеялся:

– Не благодари, мне давно уже хотелось поставить этого мясника на место. От него вечно одни неприятности – уж больно злобен, может, теперь чуточку присмирееет. За мной ведь Катрина прибежала, услышав, как вы в лавке ругаетесь. Мы с ней как раз вовремя подоспели, иначе вы просто подрались бы. Вот только вряд ли он тебе или кому из твоих мясо теперь продаст, даже если у вас деньги будут.

– И с чего это он так на меня взъелся? Мы, правда, с ним никогда не дружили, но деньги наши он всегда брал охотно. Да и с Катриной он никогда раньше так не разговаривал, – сказал Эрагон, укладывая мясо в свой ранец.

– А ты у дяди спроси, – посоветовал Хорст. – Он-то скорей разберется, какая муха этого Слоана укусила.

– Ладно, спрошу. Прямо сейчас домой и побегу. А это тебе. – И Эрагон протянул Хорсту камень. – Он тебе по праву принадлежит.

– Нет уж, – засмеялся кузнец, – оставь лучше свой странный камешек при себе! А если хочешь мне долг отдать, так я тебе вот что скажу: мой Олбрих весной в Финстер собрался, хочет настоящим мастером стать, так что мне помощник понадобится. Приходи, если хочешь, в кузню, когда время будет, вот долг и отработаешь.

Эрагон, страшно обрадовавшись, низко поклонился кузнецу. У Хорста было двое сыновей, Олбрих и Балдор, и оба работали у него в кузне. То, что он предложил место своего сына именно ему, Эрагону, было в высшей степени великодушно с его стороны.

– Вот уж спасибо! Я даже и мечтать не мог с тобой в кузне работать! – Эрагон был страшно доволен тем, что сможет теперь и отплатить Хорсту за доброту, и помочь семье. Дядя ведь ни за что не согласится принять «милостыню» даже от Хорста, а тут такая удача.

Эрагон вдруг вспомнил, о чем просил его двоюродный брат, Роран, когда он уходил на охоту. Умоляюще посмотрев на кузнеца, он сказал: – Видишь ли... Роран просил меня кое-что передать Катрине, но теперь мне к ним в дом дорога заказана. Не мог бы ты ей сказать, что он придет в Карвахолл, когда придут купцы, и тогда они непременно с ней увидятся.

– Конечно скажу, – пообещал Хорст. – А больше ничего?

Эрагон немного смутился, но все же сказал:

– А еще он просил передать ей, что она самая красивая девушка на свете и он все время только о ней и думает.

Кузнец широко улыбнулся, подмигнул Эрагону и лукаво спросил:

– Да у него никак самые серьезные намерения?

Эрагон тоже ухмыльнулся и кивнул.

– Не мог бы ты еще сказать, – прибавил он, – что я очень ей благодарен и это было так благородно с ее стороны – заступиться за меня перед Слоаном. Надеюсь, он ее за это хотя бы наказывать не станет, не то Роран в ярость придет, если узнает, что у нее из-за меня неприятности.

– Не тревожься, Слоан ведь не подозревает, что это Катрина меня позвала, а за остальное вряд ли он будет слишком сильно ее бранить. Кстати, вот хочу тебе предложить: прежде чем домой-то идти, может, поужинаешь с нами вместе?

– Спасибо, да только не могу я. Меня Гэрроу ждет. – И Эрагон, надев свой ранец, махнул Хорсту на прощание рукой и двинулся по дороге к ферме.

Груз за спиной был довольно тяжел, и Эрагон шел не так быстро, как обычно, но поскорее попасть домой да еще и с такой «добычей» ему очень хотелось, так что он упорно шагал, ни разу не остановившись, чтобы передохнуть. Деревня как-то неожиданно кончилась, и светившиеся теплым светом окна ее домов остались далеко позади. Полная луна висела над вершинами гор, заливая все вокруг своим неземным жемчужным сиянием, в котором предметы казались странно плоскими и совершенно бесцветными.

Наконец Эрагон свернул с дороги, уходящей дальше на юг, на неширокую тропку, протоптанную в густой и высокой траве, и тропа вскоре привела его на вершину холма, скрывавшегося в тени высоченных вязов. Отсюда он наконец увидел слабо светившиеся в ночи окна родного дома.

Дом был крыт гонтом, над крышей торчала кирпичная каминная труба. Над выбеленными стенами низко нависали карнизы, и под ними таились густые тени. Одна половина крытой веранды была плотно забита дровами, во второй был свален всякий сельскохозяйственный инвентарь.

Когда после смерти Мэриэн, жены Гэрроу, они решили переехать сюда, в этом доме вот уже лет пятьдесят никто не жил. Отсюда до Карвахолла миль десять – дальше, чем от любой другой фермы, – а люди считали, что жить на отшибе опасно, ведь в случае чего никто и на помощь не придет, да только Гэрроу никого слушать не захотел.

В ста шагах от дома стоял серый бревенчатый сарай, где размещались две лошади – Бирка и Бру, а также куры и корова. Иногда там держали еще и свинью, но в этом году выкормить поросенка они себе позволить не могли. Конские стойла разделяла втиснутая туда повозка. Их владения своим дальним краем упирались в довольно густую рощу на самом берегу реки Аноры.

С трудом переставляя ноги, Эрагон поднялся на крыльцо и заметил, как качнулся огонек за окном: его ждали.

– Дядя, это я, Эрагон, открой!

Послышалось шарканье ног, дверь отворилась, и перед Эрагоном возник дядя Гэрроу. Поношенная одежда висела на нем, как на огородном пугале, из-под седеющих волос смотрели тревожно и внимательно печальные глаза, лицо было худым и каким-то измученным. Казалось, Гэрроу уже отчасти мумифицировали и лишь случайно обнаружили, что он еще жив.

– Ранан спит, – сообщил он в ответ на немой вопрос Эрагона.

Юноша скинул с плеч ранец и показал Гэрроу мясо.

– Это еще откуда? Ты что же, мясо купил? А деньги где взял? – сурово спросил тот.

Эрагон только вздохнул; он знал о чрезмерной щепетильности Гэрроу.

– Это Хорст нам мясо купил.

– И ты ему это позволил? Ты же знаешь, что я никогда не стану христарадничать, лучше с голоду умру! Если уж мы не в состоянии на ферме себя прокормить, так давайте снова в город переедем. И глазом моргнуть не успеешь, а тебе начнут из милости всякие обноски присылать да еще спрашивать, сумеем ли мы зиму продержаться! – Гэрроу даже побледнел от гнева.

– Я не христарадничал! – возмутился Эрагон. – Хорст мне разрешил весной этот долг у него отработать. Ему помощник нужен, потому что Олбрих уезжает.

– А где ты время найдешь, чтоб ему помогать? Ты что же, решил на наше хозяйство плюнуть? – Гэрроу с трудом сдерживался, чтобы не перейти на крик.

Эрагон повесил на крючок у входной двери лук и колчан со стрелами и сердито ответил:

– Откуда я знаю, как со всем этим управиться! Между прочим, я кое-что нашел, и, возможно, это немалых денег стоит! – Он положил на стол синий камень.

Гэрроу склонился над камнем; в его тоскливых глазах вспыхнул огонек, пальцы судорожно сжались.

– Ты где это нашел? В Спайне?

– Да. – И Эрагон рассказал, как это случилось. – Жаль только, что самая лучшая стрела зря пропала. Придется сразу несколько запасных изготовить...

Они оба не сводили глаз с камня.

– Непогода-то тебя не застала в горах? – опомнившись, спросил племянника Гэрроу, задумчиво взвешивая камень на ладони и так судорожно в него вцепившись, словно боялся, что синий самоцвет возьмет вдруг и исчезнет.



– Холодно было, – ответил Эрагон. – Снег, правда, не шел, но подмораживало каждую ночь.

Это сообщение, похоже, встревожило Гэрроу.

– Раз так, придется тебе завтра помочь Рорану убрать с поля ячмень. А если успеем, так и тыквы бы неплохо убрать, тогда нам никакой мороз не страшен. – Гэрроу протянул камень Эрагону. – Возьми-ка. Когда придут купцы, надо постараться выяснить, сколько он может стоить. Наверное, лучше всего будет его продать. Нам с колдовством связаться ни к чему... А с чего это Хорст вдруг раскошелиться-то решил?

Эрагон наскоро рассказал о своем споре с мясником.

– Вот только я так и не понял, что же его так рассердило, – закончил он.

Гэрроу пожал плечами:

– Жена Слоана, Измира, ушла за водопад Игвальда примерно за год до того, как твоя мать привезла тебя сюда. С тех пор Слоан даже близко к горам не подходит. Хотя, по-моему, не в его привычках от такой щедрой платы отказываться... Я думаю, он просто хотел тебе досадить. Он нас недолюбливает.

Эрагон от усталости уже едва стоял на ногах, его даже пошатывало, глаза сами собой закрывались.

– Господи, до чего же хорошо домой вернуться! – сказал он, сладко потягиваясь.

Взгляд Гэрроу сразу смягчился, и он, прекратив всякие расспросы, велел Эрагону идти спать. Едва добравшись до своей спальни, тот сунул камень под кровать и ничком рухнул на постель. Все, он дома. Впервые с того дня, как ушел на охоту, он мог совершенно расслабиться и с головой провалиться в сон.

## Истории о драконах

Взошло солнце, и его теплые лучи, проникнув в щель между ставнями, коснулись лица Эрагона. Он сел в постели, протирая глаза, потом спустил ноги на пол. Сосновые доски показались очень холодными. Эрагон с наслаждением потянулся, распрямил усталые, стертые в кровь ноги и встал, зевая и почесываясь.

На полках рядом с кроватью он разместил свою «коллекцию»: особым образом изогнутые и переплетенные ветки и корни, раковины, куски скальной породы, внутри которых виднелись сверкающие кристаллы, пучок целебных трав... Больше всего он любил узловатый корень, части которого так переплелись, что невозможно было определить, где конец, а где начало; этот корень ему никогда не надоедало разглядывать. Еще в комнате имелся маленький прикроватный столик да небольшой комод.

Эрагон надел башмаки да так и застыл, глубоко задумавшись и уставившись в пол. По рассказам дяди он знал, что ровно шестнадцать лет назад его мать, которую звали Селена, вернулась в Карвахолл – беременная и без мужа. Она ушла из дома шесть лет назад и за все это время ни разу даже весточки не прислала. Известно было лишь, что она предпочитала жить в больших городах. И вот через шесть лет она вернулась домой – в богатой одежде, с жемчугами в волосах – и попросила у своего брата Гэрроу разрешения пожить у него, пока не родится ребенок. Через пять месяцев на свет появился ее сын, и тут Селена, заливаясь слезами, обратилась к брату и его жене Мэриэн с новой просьбой: воспитать мальчика. Когда они спросили, почему она хочет оставить сына, она лишь горше заплакала и сказала: «Я должна так поступить». Селена так отчаянно молила их, что они наконец согласились. Назвав мальчика Эрагоном, она уже на следующее утро покинула Карвахолл и никогда больше туда не возвращалась.

Эрагон хорошо помнил, как Мэриэн перед смертью рассказала ему об этом. Его тогда больше всего потрясло то, что Гэрроу и Мэриэн не являются его настоящими родителями. Казалось, зашаталась и рухнули сами основы его бытия. Вскоре, впрочем, он научился как-то жить с ощущением «брошенного ребенка», но его и до сих пор мучили подозрения, что для собственной матери он просто оказался недостаточно хорош. Наверное, думал он, у нее были веские причины, чтобы так поступить, но мне бы очень хотелось знать, каковы они, эти причины!

И еще одно не давало ему покоя: кто его отец? Селена никому не сказала о нем ни слова; и кто бы ни был этот человек, он никогда не приходил в селение в поисках сына. Эрагону очень хотелось узнать хотя бы его имя и откуда он родом.

Он вздохнул и принялся тщательно умываться, вздрагивая, когда капли ледяной воды попадали ему на шею и на спину. Приведя себя в порядок, он вытащил из-под кровати синий камень и положил его на полку. Утренний свет ласково коснулся его гладкой поверхности, отбрасывая на стену синеватые блики. А Эрагон поспешил на кухню, где Гэрроу и Роран уже сели завтракать. На завтрак был цыпленок. Эрагон поздоровался, и Роран с улыбкой поднялся ему навстречу.

Роран был на два года старше своего двоюродного брата. Крепкий, мускулистый, ловкий, он, казалось, не делал ни одного лишнего движения. Они с Эрагоном были удивительно близки, больше чем многие родные братья.

– Хорошо, что ты вернулся! – воскликнул Роран. – Как охота?

– Плохо, – мотнул головой Эрагон, жадно вгрызаясь в кусок цыпленка. – А дядя тебе не рассказал, что со мной у мясника случилось?

– Нет, – удивился Роран, и Эрагону пришлось поведать всю историю с самого начала.

Роран потребовал, чтобы Эрагон немедленно показал ему камень. Сперва он долго восхищался удивительным самоцветом, а потом, словно опомнившись, встревоженно спросил:

– А с Катриной-то ты поговорить сумел?

– Нет. Куда уж тут – после такой-то ссоры с ее отцом! Но она будет ждать тебя, когда придут купцы. Я попросил Хорста все ей передать, и он, конечно же, мою просьбу уже выполнил.

– Ты рассказал о нас Хорсту? – возмутился Роран. – Да как ты мог! Если б я хотел, чтобы о наших отношениях знали все вокруг, я и сам запросто растрезвонил бы об этом. Теперь Слоан никогда больше не позволит ей со мной видеться!

– Хорст никому ничего не скажет, – заверил его Эрагон. – И не позволит Слоану обижать ни ее, ни тебя. Причем тебя-то в первую очередь!

Роран, похоже, не очень-то поверил словам брата, но спорить с ним не стал, и оба снова принялись за еду, а Гэрроу молча на них поглядывал. Когда все было съедено подчистую, они быстро убрали со стола и отправились в поле.

Солнце в небе казалось каким-то на редкость бледным и холодным, и проку от него было мало. Под его недреманым оком они трудились весь день: убрали с поля оставшийся ячмень, перенесли в амбар тыквы, срезав их с колючих выющихся стеблей, потом выкопали брюкву, свеклу и турнепс, разложили все это на просушку и перенесли в кладовую уже собранные и посушенные стручки позднего гороха и бобов. Лишь поздним вечером они наконец смогли выпрямить ноющие от усталости спины и с облегчением вздохнули: с уборкой урожая было покончено.

В последующие дни они только и делали, что солили и мариновали овощи, лушили горох и бобы, заготавливая продукты на зиму.

Через девять дней после возвращения Эрагона с охоты ветер переменялся и принес с гор противную пелену мокрого снега, затянувшую все вокруг, и вскоре снег уже валил вовсю, укрывая землю белым покрывалом. Метель поднялась такая, что из дому выходить не хотелось – разве что за дровами да покормить животных. Все трое сгрудились у очага, слушая, как воет ветер и стучат под его порывами тяжелые ставни. Непогода бушевала несколько дней, а когда метель наконец улеглась, за порогом, казалось, раскинулся новый мир – мир белых снегов и безмолвия.

– Ох, боюсь, купцы в этом году и пройти к нам не смогут, уж больно снег рано выпал да такой глубокий, – заметил Гэрроу. – Они уж и так задерживаются. Ну да, может, еще придут, подождем несколько дней. Но если они так до Карвахолла и не доберутся, придется нам в деревне все покупать, а это куда дороже. – В голосе Гэрроу слышалась тревога.

Прошло несколько дней, но купцы так и не появились. В доме воцарилась мрачная тишина.

На восьмой день с утра Роран все же вышел на дорогу и вскоре получил подтверждение: купцы в Карвахолл не приходили. Весь день Гэрроу готовился к походу в деревню за припасами, с мрачным видом прикидывая, что можно там продать или обменять. Вечером, уже ни на что не надеясь, Эрагон решил на всякий случай снова сходить к дороге. И, к своей великой радости, обнаружил в снегу глубокие колеи и отпечатки конских копыт. Он тут же бросился домой, чтобы сообщить приятную новость Гэрроу и Рорану: купцы наконец прибыли!

Повеселев, они сложили часть урожая, приготовленную на продажу, в тележку, чтобы еще до восхода солнца двинуться в путь. Гэрроу надел на пояс кожаный кошель с несколькими монетами, а Эрагон пристроил синий камень, бережно завернутый в тряпицу, между мешками с зерном, чтобы он ненароком не скатился на ухабистой дороге.

На скорую руку позавтракав, они впрягли в тележку лошадь и по расчищенной заранее тропе выехали на дорогу. Повозки купцов уже проложили в снегу довольно плотную колею, так что ехать было нетрудно, и к полудню они должны были до Карвахолла непременно добраться.

Карвахолл был самой обыкновенной небольшой деревней, но сейчас, когда прибывшие купцы раскинули вокруг него свои палатки, он казался гораздо больше. Повсюду слышались смех и крики детей. На свежавыпавшем снегу яркими пятнами выделялись многочисленные

повозки и костры. Особенно впечатляли четыре пестрых шатра, где устроились бродячие артисты. Между деревней и палаточным лагерем тянулся непрерывный человеческий поток.

Возле ярких палаток и прилавков толпились люди. Испуганные шумом, ржали лошади. Снег был утрамбован до блеска, а в иных местах снег до земли растопили горящие костры. Запах жареных орехов перекрывал все прочие разнообразные и соблазнительные ароматы, висевшие в воздухе.

Гэрроу нашел местечко для своей тележки, привязал лошадей и, вынув из кошелька несколько монет, протянул их Рорану и Эрагону:

– Вот, можете немного развлечься. Ты, Роран, сразу по своим делам отправляйся, но к ужину чтоб был у Хорста. А ты, Эрагон, бери свой камень и ступай за мной. – Эрагон подмигнул Рорану и сунул деньги в карман, уже зная, как их потратит.

Роран тут же ушел, лицо его выражало чрезвычайную решимость. А Гэрроу с Эрагоном нырнули в толпу. Женщины, сбившись в стайки, выбирали ткани и одежду, а их мужья поодаль изучали новые замки, рыболовные крючки и сельскохозяйственный инвентарь. Дети так и шныряли взад-вперед, вопя от возбуждения. В одном ряду торговали ножами, в другом – специями, в третьем красовались сияющие горшки и кастрюли, а в четвертом – конская упряжь.

Эрагон с любопытством смотрел на купцов. Дела у них, похоже, шли не так хорошо, как в прошлые годы. Их дети настороженно, даже испуганно поглядывали на покупателей, одежда на них была вся в заплатках. Сами же торговцы, худые и мрачные, были опоясаны мечами и кинжалами, с которыми явно не расставались. Даже их жены носили на поясе небольшие клинки.

Чего это они так вооружились? – думал Эрагон. Купцы всегда были людьми веселыми и добродушными, но теперь от их добродушия не осталось и следа, и Эрагон с удивлением поглядывал на них, продираясь вслед за Гэрроу сквозь толпу. Гэрроу искал Мерлока, ювелира, у которого местные модницы обычно покупали всякие побрякушки.

Наконец они его обнаружили за одним из последних шатров; он показывал женщинам новые брошки, то и дело вызывая у них восторженные возгласы. Судя по всему, вскоре должен был опустеть не один кошелек. У Мерлока, похоже, торговля шла хорошо, каждый раз он привозил все больше самых разнообразных товаров. Одетый в добротное платье, потиравая козлиной бородкой, он добродушно и слегка презрительно подшучивал над женщинами и все время смешил их.

Возбужденные покупательницы не давали Гэрроу и Эрагону подойти поближе к прилавку, и они пока присели в сторонке, решив немного отдохнуть. Увидев, что Мерлок наконец освободился, они поспешили к нему.

– А вам, господа мои, что будет угодно? – вежливо спросил Мерлок. – Амулет или, может, какой-нибудь приятный пустячок для дамы? – И он изящным движением выложил на прилавок серебряную розу, сделанную с удивительным мастерством. Эрагон уставился на розу, точно замороженный, и Мерлок, заметив это, сказал: – Между прочим, за этот дивный цветок я прошу всего лишь три кроны, хотя сделали его знаменитые резчики Белатоны.

– Мы, господин мой, хотели не купить, а продать, – тихо промолвил Гэрроу.

Мерлок тут же спрятал розу и с новым интересом посмотрел на них.

– Понятно... Ну что ж, если вещь у вас достаточно ценная, так, может быть, вы захотите ее обменять на эту розу или на что другое из моих прекрасных изделий. – Он вопросительно умолк, но Гэрроу и Эрагон тоже смущенно молчали, так что Мерлоку пришлось самому продолжить разговор: – Итак, ваша драгоценность при вас?

– Да. Но мы бы предпочли показать ее тебе где-нибудь в другом месте, – твердо заявил Гэрроу.

Мерлок удивленно приподнял бровь, однако ласковый тон его ничуть не переменился:

– В таком случае позвольте пригласить вас в мою палатку.

Он собрал свои побрякушки, бережно сложил их в окованный железом сундук, запер его на замок, а затем повел своих гостей в лагерь. Они долго петляли меж палатками, пока не добрались до той, что стояла несколько на отшибе. Верхняя часть палатки была алой, а нижняя – черной; их края, выполненные в виде треугольников, как бы пронзали друг друга. Мерлок откинул полог палатки и пригласил их войти.

В палатке было еще несколько сундучков с товаром, довольно странное округлое ложе и три сиденья, сделанные из древесных пней с корнями. На белой подушке лежал кривой клинок, рукоять которого украшал крупный рубин.

Мерлок опустил полог палатки и повернулся к гостям:

– Прошу вас, садитесь и, наконец, покажите мне то, ради чего затеяли этот разговор с глазу на глаз.

Эрагон развернул тряпицу и положил камень на пол между двумя старшими мужчинами. Глаза Мерлока хищно блеснули, он протянул было руку к самоцвету, потом отдернул ее и спросил:

– Можно посмотреть?

Гэрроу молча кивнул, и Мерлок, положив камень на ладонь, нагнулся и достал из узкого ящичка медные весы со множеством маленьких гирек.

Взвесив камень, Мерлок принялся внимательно изучать его поверхность в лупу, потом слегка протер камень шерстяной тряпочкой и провел по нему острым краем какого-то маленького прозрачного камешка. Затем тщательно измерил длину камня и его диаметр, записывая цифры на грифельной доске, и долго задумчиво смотрел на них. Наконец, точно очнувшись, спросил:

– А вы знаете, сколько он стоит?

– Нет, – признался Гэрроу, нервно дернув щекой, и от смущения заерзал на жестком сиденье.

– К сожалению, и я этого определить не могу, – усмехнулся Мерлок. – Но вот что я могу вам сказать точно: эти белые прожилочки – точно такой же минерал, что и сам камень. Просто у них цвет другой. А вот что это за минерал – понятия не имею. Я такого ни разу в жизни не встречал. Он прочнее даже алмаза! Не знаю уж, какой ювелир его обрабатывал, но инструменты у него были просто небывалые. А может, он и магией пользовался. Да, но самое главное то, что камень этот полый внутри!

– Как это? – воскликнул Гэрроу.

И Мерлок с некоторым раздражением пояснил:

– Вы когда-нибудь слышали, чтобы цельный камень издавал такой звук? – Он схватил кинжал, лежавший на белой подушке, и плашмя ударил клинком по камню.

Возник чистый звук, похожий на звон колокола, и медленно угас. Эрагон даже вскочил, опасаясь, что Мерлок повредил камень, но ювелир подтолкнул камень к нему и заявил:

– Ни малейшей царапины мой клинок на нем не оставил! Сомневаюсь, что этому камню можно вообще нанести хоть какой-то ущерб, даже если стукнуть по нему молотком.

Гэрроу скрестил на груди руки и, задумавшись, долго молчал. Эрагон озадаченно поглядывал то на него, то на ювелира. «Мне тоже показалось, – думал он, – что в Спайне этот камень оказался не случайно... Но неужели он был обработан с помощью магии? Интересно, для чего? Или для кого?» Наконец Эрагон не выдержал и прямо спросил:

– А сколько он стоит-то? Хотя бы примерно.

– Не могу сказать. Не знаю, – ответил Мерлок и горестно покачал головой. – Но я не сомневаюсь, что кое-кто все на свете бы отдал, лишь бы этот камень заполучить. Только здесь вы таких людей не найдете. Для этого вам на юг надо ехать, в большие города. А для местных

жителей твой камень, мальчик, не более чем занятая безделица, никто не станет тратить на нее деньги, когда нужно купить еще столько куда более необходимых вещей.

Гэрроу неподвижно смотрел куда-то вверх, словно игрок, подсчитывающий свои шансы на успех.

– Значит, ты его покупать не будешь? – спросил он наконец.

Купец ответил мгновенно:

– Не хочу рисковать. Возможно, я и смог бы найти для него достаточно богатого покупателя, но уверенности в этом у меня нет. Даже если бы я его и нашел, вы-то денег все равно раньше следующей весны не получили бы – я ведь до весны больше сюда не приеду. Кстати, интересно было бы знать... Но скажите, почему вы так настаивали на том, чтобы разговор наш сохранить в тайне от других?

Эрагон сперва бережно завернул камень и убрал его за пазуху, а уж потом осторожно ответил, опасаясь, что после его слов и Мерлок взорвется от гнева, как Слоан:

– Потому, что я нашел его в Спайне! И кое-кому здесь это очень не нравится.

Мерлок как-то странно на него посмотрел и сказал:

– А ты знаешь, почему и я, и остальные купцы в этом году так задержались? (Эрагон молча покачал головой.) Дело в том, что нас весь год преследуют несчастья. Похоже, в Алагейзии наступило царство хаоса. Мы постоянно страдали от болезней, от бандитских налетов и вообще от невезения. Из-за участвовавших нападений варденов Гальбаторикс заставляет население городов посылать все больше и больше солдат в приграничные полки, вынужденные теперь сражаться еще и с ургалами. Эти твари отчего-то мигрируют на юго-восток, по направлению к пустыне Хадарак, и никто не знает, почему это происходит. На это, в общем, можно было бы и не обращать внимания, если бы их маршрут не пролегал по густонаселенным местностям. Их видели и на дорогах, и близ больших городов. Но хуже всего, что поступают сведения о том, что в Алагейзии все чаще появляются шейды. Правда, сведения эти пока не получают должного подтверждения – ведь после встречи с этими тварями мало кто остается в живых.

– Но почему же у нас никто об этих событиях даже не слышал? – воскликнул потрясенный Эрагон.

– Это началось относительно недавно, всего несколько месяцев назад. – Мерлок заметно помрачнел. – Порой жителям целых деревень приходится сниматься с насиженных мест, потому что ургалы вытаптывают их поля и уничтожают урожай и людям грозит голод.

– Ерунда, – проворчал Гэрроу, – мы тут никаких ургалов давным-давно не видели. Когда-то, правда, побывал тут один, так теперь его рога украшают таверну Морна.

Мерлок, презрительно приподняв бровь, заметил:

– Может, оно и так, да только у вас селение небольшое, горное, сюда редко кто заглядывает. Ничего удивительного, что вы и ургалов могли не заметить, если они стороной прошли. Хотя вряд ли тут все так и останется. Я ведь и заговорил-то об этом только потому, что и здесь уже очень странные вещи творятся, раз ты, парень, в Спайне такой камень нашел. – И Мерлок умолк, намекая, что им пора уходить. Он проводил их до выхода из палатки, поклонился, но на устах у него играла легкая усмешка.

Гэрроу решительно зашагал обратно в Карвахолл. Эрагон плелся сзади, едва за ним поспевая.

– Ну, и что ты об этом думаешь? – спросил он дядю.

– Хочу сперва еще людей поспрашивать, а уж потом решим, что делать дальше. Ты камень в повозке спрячь и до обеда можешь делать что хочешь. Встретимся у Хорста.

Эрагон тут же нырнул в толпу, пробираясь к их повозке. Торговля и обмен займут у дяди несколько часов – за это время можно успеть повеселиться всласть. Эрагон спрятал камень под мешками и, чрезвычайно довольный собой, бодрой походкой направился к торговым рядам.

Он переходил от одного лотка к другому, прицениваясь и рассматривая товары, хотя денег у него было негусто. Беседуя с купцами, он получил полное подтверждение словам Мерлока о том, что в Алагейзии неспокойно. Снова и снова он слышал одно и то же: с прошлого года стало опасно бродить по дорогам и, похоже, стране грозят новые беды.

Эрагон купил себе несколько солодовых леденцов и очень горячий пирожок с вишнями. Поест горячего после нескольких часов, проведенных на снегу, было очень приятно. Он с наслаждением облизал перепачканные липким вишневым соком пальцы и хотел было купить еще пирожок, но передумал и, присев на ступеньку какого-то крыльца, сунул в рот леденец. Рядом для собственного развлечения боролись двое парнишек из Карвахолла, но Эрагону почему-то совсем не хотелось к ним присоединяться.

День начинал клониться к вечеру; купцы стали расходиться, чтобы продолжить деловые переговоры за обеденным столом. Эрагон с нетерпением ждал вечера, зная, что тогда из своих шатров выйдут жонглеры и сказители, будут показывать фокусы, рассказывать старинные истории, устроят представление. Он обожал слушать сказки о волшебниках, древних божествах и особенно о Всадниках, повелителях драконов. В Карвахолле имелся, правда, и свой сказитель по имени Бром – они с Эрагоном были хорошими друзьями. Но истории Брома за эти годы всем здорово поднадоели, а бродячие артисты всегда исполняли что-нибудь новенькое, и деревенские жители слушали их с наслаждением.

Эрагон каблуком сбил с крыльца сосульку и вдруг увидел совсем рядом с собой Слоана, который, не замечая его и как-то боязливо втянув голову в плечи, спешил к таверне Морна. Эрагон, разумеется, тут же пошел за ним следом.

В таверне было жарко, под низким потолком висел жирный неприятный дым от сальных свеч. Над дверью красовались черные блестящие рога ургала; между их изогнутыми остриями было не меньше сажени. В одном конце вытянутого пивного зала была стойка, за которой высался и сам МORN в рубаше с закатанными по локоть рукавами. Нижняя часть лица у Морна казалась какой-то стесанной, словно он случайно приложился подбородком к вращающемуся мельничному колесу. Людей за дубовыми столами было полно; все слушали двух купцов, которые, пораньше закончив свои дела, зашли к Морну выпить пива.

Морн мыл кувшин и сразу заметил Эрагона:

– Здорово, парень! А дядя твой где?

– Покупает, меняет, – пожав плечами, ответил Эрагон. – Он хочет сегодня со всем покончить.

– И Роран здесь? – спросил Морн, вытирая кувшин чистой тряпицей.

– Ага. В этом году у нас все животные здоровы, вот никому и не пришлось на ферме оставаться.

– Хорошо, хорошо.

Эрагон, указав Морну на тех двоих, спросил:

– Кто они?

– Скупщики зерна. Несут всякие небылицы, будто повсюду им зерно за бесценок продавали. Надеются, что и наши им поверят.

«Ну что ж, всем деньги нужны», – рассудительно подумал Эрагон, понимая, что в этих купцах так злит Морна.

– И что же еще они рассказывают? – спросил он.

Морн фыркнул:

– Говорят, будто вардены заключили союз с ургалами и собирают армию, чтобы напасть на нас. И вроде бы мы только милостью нашего короля и живем до сих пор в безопасности – как будто Гальбаториксу есть до нас какое-то дело! Да ему плевать, даже если все наши селения дотла сгорят! Пойди, если хочешь, сам послушай. А у меня и без их брехни забот хватает.

Первый купец был такой толстый, что даже не помещался в кресле, выползая из него, как тесто из квашни, и при каждом его движении кресло начинало жалобно и протестующе скрипеть. На лице у толстяка не было и намека на растительность, а пухлые ручки были младенчески нежными. Он, причмокивая толстыми губами, пил пиво и постоянно улыбался. Второй купец, как бы в противоположность первому, был чрезвычайно худ и мрачен. Его обветренное красное лицо было покрыто какими-то неприятными гнойными прыщами, возникшими, видимо, от грязи.

Толстяк, тщательно пытаясь устроиться поудобнее в узковатом для него кресле, с воодушевлением говорил:

– Нет, вы просто не понимаете! Вы здесь в безопасности только благодаря неустанной заботе нашего короля. Только благодаря ему вы еще живете спокойно и даже можете спорить с нами. Но если он в милосердии своем все же лишит вас своего покровительства – тогда горе вам! Помяните мое слово!

Кто-то насмешливо крикнул ему в ответ:

– Вот уж врёт и денег не берет! Может, ты еще расскажешь нам, что и Всадники вернулись? А сами вы с приятелем по сотне эльфов убили? Ты что же, думаешь, мы, как дети, тотчас сказкам твоим поверим? Ты за нас не волнуйся, мы и сами отлично можем о себе позаботиться!

Вокруг дружно засмеялись.

Купец хотел было возразить, но тут вмешался его тощий приятель. Он поднял руку, и безвкусные, но дорогие перстни блеснули у него на пальцах.

– Вы нас неправильно поняли, – сказал он. – Все мы прекрасно понимаем, что Империя не в силах заботиться о каждом в отдельности, хотя нам, может быть, этого и хотелось бы, зато она способна отогнать от наших границ ургалов и прочую нечисть и сохранить установившееся равновесие... – Купец запнулся, точно подыскивая нужное слово, но так и не нашел его. Помолчав немного, он снова заговорил: – Вы вот злитесь, что наши власти к людям несправедливы. Законный упрек, но на то они и власти, чтобы не всем одинаково нравиться. В любом государстве возникают всякие споры и раздоры, повсюду есть недовольные. А ведь, если честно, нам тут не на что жаловаться. Впрочем, у нас и недовольных не так-то много.

– Ну да-а, – протянула какая-то женщина, – если, конечно, считать, что у варденов в войске людей немного...

Толстяк вздохнул:

– Мы уже объясняли вам: вардены совершенно не намерены помогать никому из простых людей. И все слухи об их возможной помощи – ложные. Их распространяют всякие предатели, которые стремятся подорвать основы Империи и убедить всех в том, что истинная угроза таится внутри, а не снаружи наших границ. На самом деле их единственная цель – свергнуть нашего короля и захватить власть в стране. У них повсюду шпионы, но вам никогда не узнать, кто именно на них работает!

Эрагону слова толстяка очень не понравились, однако оба купца говорили так складно и убедительно, что многие кивали в знак согласия. Не выдержав, Эрагон сделал шаг вперед и воскликнул:

– А откуда вам-то все это известно? Я, например, могу заявить, что облака зеленые, но ведь это еще не значит, что они и в действительности такие. Докажите, что правду сказали!

Оба купца смотрели на него с нескрываемой злобой, а деревенские выпивохи примолкли, ожидая, каков будет их ответ Эрагону. Первым заговорил тощий купец. В глаза Эрагону он не смотрел.

– Неужели у вас детей уважительному отношению к взрослым не учат? Или, может, у вас любой мальчишка может уважаемого человека на спор вызвать, если ему это в голову взбредет?

Многие нахмурились, с неудовольствием поглядывая на Эрагона, потом кто-то из мужчин все же решительно потребовал:



– Ты сперва на вопрос ответь, а уж потом нам нотации читать будешь.

– Но ведь любой здравомыслящий человек... – начал было толстяк, и голос его потонул в поднимавшемся шуме. Над верхней губой толстого купца заблестели капельки пота: спор явно разгорался с новой силой.

Эрагон, понимая, что еще слишком молод, чтобы в этом споре участвовать, вернулся к стойке. Во рту у него был противный кислый вкус. Он никогда еще не встречал человека, который бы настолько преклонялся перед Империей и готов был до потери сознания спорить, отстаивая ее интересы. Жители таких отдаленных селений, как Карвахолл, уже давно ненавидели слуг Империи, передавая свою ненависть из поколения в поколение. Империя ни разу не оказала им помощи в голодные годы, когда люди в деревнях умирали сотнями, да и королевские сборщики налогов были поистине безжалостны. Эрагон чувствовал, что в этом споре с купцами правда на его стороне, однако же упоминание о варденах заставило его задуматься.

Варденами называли группу мятежников, постоянно совершавших дерзкие налеты на земли Империи. Группировка эта возникла почти сразу после воцарения Гальбаторикса, то есть уже более ста лет назад, но кто ее создал и кто руководил варденами теперь, так и осталось тайной. Вардены приобрели за эти годы немало сторонников и сочувствующих, благодаря которым им удавалось избегать любых попыток Гальбаторикса уничтожить их. Известно о них было немного; все знали, что слуги Империи считают их изгоями, что они вынуждены скрываться, но готовы принять в свои ряды любого, кто всем сердцем ненавидит Империю. Вот только найти варденов было чрезвычайно трудно...

Морн, низко склонившись над стойкой, сказал Эрагону:

– Невероятно, правда? Да эти двое хуже стервятников, что кружат над издыхающим зверем! Ох, и будут у них неприятности, коли они тут еще задержатся!

– Неприятности? – переспросил Эрагон.

– Ну да! – И голос Морна потонул в сердитых выкриках спорящих.

Спор явно угрожал перерасти в потасовку, и Эрагон решил уйти из таверны от греха подальше. Дверь, захлопнувшись за ним, сразу отрезала его от царившего в таверне шума. Близился вечер, солнце уже садилось, от домов пролегли длинные тени. Быстро шагая по улице, Эрагон заметил в одном из проулков Рорана и Катрину.

Роран что-то говорил ей – Эрагону не было слышно, – а Катрина, потупившись, тихо ему отвечала. Потом приподнялась на цыпочки, поцеловала его и сразу же убежала прочь. Эрагон, разумеется, тут же со смехом подскочил к Рорану:

– Ну, кажется, ты отлично время провел?

Роран что-то нехотя буркнул и быстро пошел по улице. Эрагон не отставал.

– Ты слышал, что купцы рассказывают? – спросил он.

Улица была почти пуста. Все уже сидели по домам – кто вел деловую беседу с купцами, а кто просто ждал, когда стемнеет и артисты начнут наконец свое представление.

– Слышал, а что? – рассеянно откликнулся Роран. – Ты насчет Слоана что думаешь?

– Уж тебе-то, по-моему, это должно быть ясно! – съязвил Эрагон.

– Боюсь, дело плохо кончится, если он о нас с Катриной узнает. Я ведь не отступлю! – заявил Роран.

Эрагон промолчал. Прямо на нос ему вдруг села снежинка, и он, подняв лицо к небесам, увидел, что все вокруг затянуто темными тучами. Что он мог ответить Рорану? Ну да, Роран прав: ничего хорошего от Слоана ждать не приходится. Эрагон дружески стиснул плечо брата, и дальше они пошли уже рядом.

Обед в гостеприимном доме Хорста всегда был мероприятием чрезвычайно приятным. За столом царило веселье, вино и пиво лились рекой, из-за чего гости шумели еще пуще. Покончив с обедом, все дружно вышли из дома кузнеца и направились туда, где раскинули свои шатры купцы и артисты. Вокруг большой поляны в землю были воткнуты высокие шесты

с зажженными свечами на макушках. Чуть поодаль горели огромные костры, и вокруг них по земле плясали неровные тени. Деревенские жители неторопливо собирались вокруг освещенной площадки и, несмотря на холод, радостно ждали начала представления.

Наконец из шатра пестрой толпой высыпали жонглеры в ярких, украшенных кисточками костюмах. Следом за ними вышли сказители – эти были постарше и поспокойней. Аккомпанируя себе на различных музыкальных инструментах, они вели рассказ, а артисты помоложе представляли пантомиму или живые картины. Первые несколько пьесок были шутливо-развлекательными, в них без конца кто-то падал, спотыкался и попадал в дурацкое положение. Позже, однако, когда свечи на шестах уже начинали шипеть, догорая, а слушатели теснее сомкнули круг, к ним вышел старый сказитель Бром. Клочковатая седая борода спускалась ему на грудь, сутулые плечи и исхудавшее от старости тело скрывались под черным плащом с капюшоном. Широко разведя в стороны руки со скрюченными пальцами, больше похожими на когти, Бром начал свой рассказ:

– Пески времени нельзя остановить. Дни и годы текут, текут, хотим мы этого или нет... Зато нам дана память. И минувшее остается жить в нашей памяти. То немногое, что вы услышите от меня сегодня, все же может оказаться ценным для вас, ибо я расскажу вам нечто давно забытое, скрывшееся в туманной дымке былых веков. Однако же и без вас, слушателей, прошлое это не смогло бы ожить, превратившись в мой рассказ.

Острый взгляд Брома впивался то в одно лицо, то в другое и наконец остановился на Эрагоне, который слушал особенно заинтересованно.

– Орден Всадников был создан еще до того, как на свет появились ваши прадеды и даже отцы ваших прадедов, – сказал Бром. – На Всадников была возложена ответственная миссия: защищать и охранять наши земли от врагов, и в течение многих веков им это удавалось весьма неплохо. Доблестные воины, они не знали себе равных в бою, ибо каждый из них обладал силой десятерых. Они были почти бессмертны, и погубить их могли лишь яд и клинок. Невероятно могущественные, они служили только добру. Под их эгидой воздвигались города и мощные твердыни. Пока они охраняли в Алагейзии мир и покой, страна процветала. Эльфы были нашими союзниками, а гномы – друзьями. Города богатели, людям жилось хорошо и привольно. Но увы... счастье не могло длиться вечно.

Бром помолчал, глядя в землю, а когда заговорил снова, бесконечная печаль звучала в его голосе:

– Никто из врагов не мог победить Всадников, а вот от себя самих они защитить себя не сумели! Их могущество достигло расцвета, когда на свет родился мальчик по имени Гальбаторикс. Родился он в провинции Инзильбет, которой более, увы, не существует, и в десять лет, согласно обычаю, был подвергнут испытанию, и тут обнаружилось, что он обладает невиданной магической силой. Вскоре Всадники приняли его в свои ряды.

Гальбаторикс прошел полный курс обучения, значительно превосходя в успехах всех остальных. Наделенный острым умом, сильным и ловким телом, он быстро занял в ордене подобающее место. Кое-кто, правда, усматривал опасность в столь внезапном возвышении молодого Всадника и предупреждал об этой опасности остальных, но Всадники, обладая невероятным могуществом и всеобъемлющей властью, совершенно позабыв об осторожности, не обратили на эти предупреждения должного внимания. Что и привело в итоге к непоправимой беде.

Вскоре после завершения своего обучения Гальбаторикс вместе с двумя своими приятелями предпринял одно весьма дерзкое путешествие, отправившись далеко на север. Они летели на драконах днем и ночью и в итоге попали в такие края, где все еще властвовали жестокие ургалы. Впрочем, молодые Всадники рассчитывали – что было, надо сказать, весьма глупо с их стороны – на свои необыкновенные силы и только что обретенные умения. И вот, когда они устроились на ночлег в горах, среди вечных льдов, не таявших даже летом, ургалы окру-

жили их на толстом ледовом пласту (большом леднике), который не таял даже летом, и зверски убили друзей Гальбаторикса вместе с их драконами. Сам Гальбаторикс тоже был тяжело ранен, но ему все же удалось отбиться. Вот только во время этого сражения погиб его дракон, точнее дракониха. Случайно пущенная стрела попала ей прямо в сердце, и, поскольку лечить драконов Гальбаторикс научиться не успел, она умерла у него на руках. И ее смерть посеяла в его душе первые семена безумия...

До боли стиснув пальцы, старый сказитель медленно обвел глазами лица слушателей, черты его казались особенно резкими в отблесках костра. Помолчав немного, он продолжил свой рассказ, и голос его гулко звучал в ночной тишине, подобный погребальному звону.

— Оставшись один, обессиленный и почти утративший разум после смерти любимого дракона, Гальбаторикс скитался по этим пустынным землям в поисках смерти. Но смерть к нему не приходила, хотя он бесстрашно вступал в схватку с любыми чудовищами. Ургалы и прочие монстры вскоре стали спасаться бегством при виде его. И постепенно под воздействием своего безумия Гальбаторикс пришел к мысли о том, что Всадники должны подарить ему нового дракона. Одержимый этой идеей, он пустился в трудный обратный путь, пешком преодолев горы Спайна. Долгое путешествие, с легкостью проделанное им на спине дракона, теперь потребовало от него многомесячных тяжких усилий. Он, разумеется, мог бы охотиться с помощью магии, добывая себе пропитание, вот только в тех местах звери да птицы редко встречаются. Так что, когда ноги наконец вынесли его за пределы Спайна, он умирал от голода. Какой-то фермер нашел его лежащим без чувств в грязи и сумел сообщить об этом Всадникам.

Так, бесчувственным, они и доставили его в свою обитель, и целители в первую очередь, разумеется, принялись лечить его тело, не предполагая, что более всего пострадала его душа. Четыре дня подряд Гальбаторикс проспал. А проснувшись, ничем не выдал, какая страшная лихорадка пожирает душу его. И вскоре, представ перед советом ордена, потребовал, чтобы ему дали нового дракона. И столь отчаянно и безумно звучала эта просьба, что все собравшиеся смогли воочию убедиться, каково в действительности состояние Гальбаторикса. И когда надежды его не оправдались, ему, совсем утратившему разум, стало казаться, что именно Всадники виноваты в гибели его драконихи. Каждую ночь мысль об этом не давала Гальбаториксу уснуть, и в конце концов у него созрел план мести. — Бром уже не говорил — он шептал, и шепот этот завораживал слушателей. — Среди Всадников был один, кто ему сочувствовал, и в душе этого человека безумные речи Гальбаторикса пустили прочные корни. С помощью постоянных убеждений и темного колдовства, которому научился у шейдов, Гальбаторикс окончательно настроил своего нового дружка против братьев по ордену. Вместе они предательски заманили и убили одного из старейшин, а потом Гальбаторикс без предупреждения набросился на своего верного помощника и тоже его убил. А когда Всадники его нашли, глазам их открылась страшная картина: с пальцев у Гальбаторикса капала кровь, а из уст вырывались страшные нечеловеческие вопли. Но ему удалось вырваться и убежать. Он скрылся в ночи и, несмотря на свое безумие, прятался так хитро, что Всадники так и не сумели его отыскать.

Долгие годы Гальбаторикс скрывался в диких краях, точно загнанный зверь. И был так же жесток. Он всегда был начеку, не подпуская к себе преследователей. Его страшные преступления не были забыты, но искать его со временем прекратили. А потом проклятая судьба дала ему еще один шанс: он познакомился с молодым Всадником по имени Морзан. Был этот Всадник могуч телом, да слаб умом. И Гальбаториксу удалось уговорить его оставить незапертыми ворота крепости Илирии — теперь она называется Урубен, — и через эти ворота Гальбаторикс проник в крепость и выкрал только что вылупившегося из яйца юного дракона.

Гальбаторикс и его новый последователь Морзан скрылись в местах, пользовавшихся такой дурной славой, что Всадники там бывать не отваживались. И Морзан стал учиться черной магии, стараясь проникнуть в самые сокровенные ее тайны, даже такие, которые никогда и никому открывать было нельзя. И вот наконец обучение его было завершено. К этому времени

подрос и черный дракон Гальбаторикса, Шрюкн, и тут-то Гальбаторикс вновь и явил себя миру, а Морзан стал его верным и незаменимым помощником. Вместе они могли одержать победу над любым Всадником. И истребляли их по одиночке. И с каждым новым убийством сила их все возрастала. Двенадцать Всадников, правда, присоединились к Гальбаториксу добровольно, гонимые жадой власти или же мести тем, кто некогда задел или оскорбил их. Эти двенадцать да еще Морзан и стали называться Чертовой Дюжиной Проклятых. Это был очень сильный отряд, и Всадники оказались неподготовленными к битве с этим войском. Они терпели одно поражение за другим. Эльфы тоже яростно сражались с Гальбаториксом, Проклятыми и их воинами, но и эльфы в итоге были отброшены и вынуждены бежать. Они скрылись в неведомых потаенных местах, и больше никто их так и не видел.

Один лишь предводитель Всадников, Вraith, все еще как-то старался противостоять Гальбаториксу и его Чертовой Дюжине. Старый и мудрый, Вraith бился изо всех сил, чтобы спасти то, что еще можно было спасти, сохранить последних драконов и не позволить врагам захватить их. Во время последней битвы у ворот Дору Арибы он одержал над Гальбаториксом победу, но не решился сразу нанести ему смертельный удар. Зато Гальбаториксу колебания были чужды, и он, воспользовавшись минутным замешательством Вraithа, исподтишка нанес ему тяжкую рану в бок. Истекая кровью, Вraith бежал на гору Утгард, надеясь отдохнуть там и набраться сил. Но, увы, этому не суждено было сбыться, ибо Гальбаторикс отыскал его, вызвал на поединок и во время сражения нанес ему запретный удар в пах.

Вraith рухнул на землю, и тогда Гальбаторикс своим сверкающим мечом отсек ему голову.

И тут в его крови вскипела жажда власти и могущества, и он провозгласил себя правителем всей Алагейзии.

С той поры король Гальбаторикс и правит нами. Закончив свое повествование, Бром поклонился слушателям и как-то чересчур поспешно пошел прочь, но Эрагон мог поклясться, что видел слезы на щеках старика.

Потрясенные услышанным, люди расходились молча, лишь изредка обмениваясь парой слов. А Гэрроу сказал Эрагону и Рорану:

– Считайте, что вам здорово повезло! Я эту историю слышал всего два раза за всю свою жизнь. И если слугам Империи станет известно, что Бром снова ее рассказывал, то вряд ли ему удастся дожить до конца этого месяца!

## Подарок судьбы

В тот вечер, вернувшись из Карвахолла, Эрагон решил поставить над синим камнем кое-какие опыты – вроде тех, которые, как ему казалось, ставил Мерлок. Уединившись в своей комнате, он положил на кровать камень и три инструмента. Сперва он взял в руки деревянный молоток, киянку, и несильно стукнул им по камню. Камень негромко зазвенел в ответ. Довольный собой, Эрагон взял второй молоток – тяжелый, таким обычно размягчают кожу перед шитьем. Глубокий звон, долгий и печальный, был ему ответом, стоило ему ударить по камню этим молотком. И наконец, взяв молоток и долото, он попытался отколоть от камня хотя бы крошку, но ему не удалось даже просто поцарапать гладкую синюю поверхность, хотя звук от камня исходил по-прежнему чистый и звонкий. А когда он замер, Эрагону показалось, что он слышит слабый писк.

Мерлок же говорил, что камень внутри пустой, вспомнил Эрагон. А вдруг там, внутри, что-нибудь ценное? Впрочем, вряд ли удастся до его внутренностей добраться. Но зачем, зачем кому-то понадобилось так потрясаяще обтачивать и шлифовать этот камень?! И почему тот, кто отнес камень в горы Спайна, не позаботился о том, чтобы вынуть его содержимое? А может, он об этом содержимом и не знал вовсе? А может, забыл, где оставил сам камень? Впрочем, вряд ли настоящий маг, которому оказалось вполне по плечу отделать самоцвет, а потом еще и перенести его в Спайн, мог позабыть, как снова отыскать подобную драгоценность! Так, может, именно мне судьбой предначертано было его найти?

Вопрос, разумеется, остался без ответа. Стремясь разобраться в этой неразрешимой загадке, Эрагон убрал инструменты, а камень снова положил на полку.

В ту ночь что-то неожиданно его разбудило. Он настороженно прислушался: в доме стояла полная тишина. Но отчего-то Эрагону стало не по себе, и, быстро сунув руку под матрас, он сжал в руке рукоять ножа. Выждав пару минут, он снова рухнул на подушку и тут же заснул.

Пронзительный писк, раздавшийся вдруг прямо у него над ухом, снова заставил его проснуться. Он скатился с кровати, выхватив оружие из ножен и крепко сжимая его в руке. Погремев в темноте трутьницей, он зажег свечу и убедился, что дверь в его комнату плотно закрыта. Потом заглянул под кровать, хотя писк этот был слишком громким для мыши или крысы. Под кроватью ничего не было. Эрагон присел на краешек постели и протер заспанные глаза. И снова услышал тот же писк! Сильно вздрогнув от неожиданности, он огляделся, пытаясь понять, откуда же этот писк исходит?

Ничего такого ни на стенах, ни на полу он не обнаружил – они были сделаны из прочного дерева, как и его кровать. И он бы, конечно, заметил, если бы какое-то существо заползло ночью под его соломенный тюфяк. И тут взгляд его скользнул по синему камню и остановился на нем. Он взял камень в руки, рассеянно покачал на ладони, по-прежнему диковато озираясь по сторонам, и пронзительный писк чуть не оглушил его! У Эрагона даже пальцы задрожали: писк исходил из камня!

Что за чертовщина! Этот камень не принес ему ничего, кроме дурацких, не дающих покоя мыслей, разочарования и гнева, так теперь он ему еще и спать мешает! Но камень, как бы ни пытался Эрагон испепелить его гневным взглядом, спокойно лежал у него на ладони, время от времени довольно громко попискивая. Потом писк стал еще громче и вдруг стих. Эрагон тут же остороженько пристроил камень на полку и забрался под одеяло. Черт с ним! Какую бы тайну этот камень ни хранил, с отгадками придется подождать до утра.

Когда Эрагон снова проснулся, прямо в его окно светила луна, и камень на полке был виден очень ясно. Он быстро-быстро раскачивался и подскакивал, стучаясь о стену, настолько залитый лунным светом, что казался белесым. Эрагон вскочил, по-прежнему не выпуская из

рук нож. Камень перестал подскакивать, но странное напряжение не отпускало Эрагона. И вдруг камень снова запищал и принялся скакать на месте гораздо сильнее, чем прежде.

Выругавшись, Эрагон стал одеваться. Ему уже было все равно, ценный это камень или нет. Сейчас он унесет его подальше от дома и закопает! Стоило ему об этом подумать, и камень перестал подпрыгивать и раскачиваться. Он совсем было затих, потом как будто вздрогнул, прокатился по полке и с громким стуком упал на пол. Эрагон в страхе отскочил к двери, но камень, точно живой, устремился за ним.

Вдруг на поверхности его появилась трещина. Потом вторая, третья... Оцепенев от неожиданности, Эрагон наклонился и внимательно всмотрелся в треснувшую поверхность камня. Нож он из рук так и не выпускал. У верхнего конца камня, где сходились все трещины, закачался небольшой кусочек, потом приподнялся и упал на пол. От образовавшейся дырки сразу разбежалось еще несколько трещин, и из нее высунулась маленькая темная головка, за которой последовало странное извивающееся, как у змеи, тело. Эрагон, стиснув в руке нож, замер как вкопанный. Вскоре существо выбралось из камня целиком. Несколько мгновений оно не двигалось, потом чуть шевельнулось и... сразу оказалось на расстоянии от камня в полосе лунного света.

Эрагон был настолько потрясен увиденным, что даже дышать не мог: перед ним, слизывая язычком пленку с крошечного туловища, стоял новорожденный дракон!

## Пробуждение

Дракон был не больше локтя в длину, но в нем уже чувствовались достоинство и благородство. Чешуя его отливала глубокой синевой благородного сапфира. Эрагон уже догадался, что найденный им синий камень на самом деле вовсе не камень, а яйцо. Когда дракончик расправлял крылья, очертания его тела становились несколько угловатыми. Крылья были в несколько раз длиннее туловища, и на конце каждого виднелись тонкие костистые пальчики, издали напоминавшие страшные растопыренные когти. Голова дракона была почти правильной треугольной формы. Из-под верхней губы торчали два еще маленьких, но очень острых изогнутых белых клыка. Когти на лапах тоже были почти белыми, цвета слоновой кости, и зазубренными по внутренней стороне. Цепочка невысоких пока что шипов тянулась вдоль хребта ящера от основания черепа до кончика хвоста. В том месте, где соединялись шея и плечи, была ямка и самый широкий промежуток между шипами.

Стоило Эрагону пошевелиться, и дракон тут же резко повернул голову, уставившись на него прозрачными и холодными как лед голубыми глазами. Эрагон так и застыл, понимая, что, если такой противник решится атаковать, ему несдобровать.

Но дракончик вскоре утратил к нему всякий интерес и принялся обследовать комнату, неуклюже переступая когтистыми лапами и попискивая, если налетал на мебель или на стену. Потом, мелко трепеща крыльями, взлетел, плюхнулся на постель и, все так же жалобно попискивая, подполз к подушке. В его приоткрытой пасти виднелись ряды острых зубов. Эрагон с опасением присел на краешек постели; дракон осторожно обнюхал его руку, пососал рукав и отвернулся.

Эрагон с улыбкой смотрел на это крошечное, но уже весьма грозное существо. Потом легонько протянул правую руку и погладил дракончика, но тут же с воплем ее отдернул: мощный разряд неведомой энергии ударил его, пройдя по руке в плечо и мгновенно распространившись по всем жилам, точно жидкий огонь. Рука тут же онемела. В ушах стоял звон металла, свирепая боль пронзала тело. Эрагон хотел вскочить с кровати и не смог: конечности отказывались ему повиноваться. Казалось, прошло несколько часов, прежде чем живое тепло вновь хлынуло в его омертвелые члены и он наконец сумел распрямить их. Его била дрожь, колени подгибались, но он все же заставил себя встать. Правая рука совершенно ничего не чувствовала, пальцы не двигались, и Эрагон в ужасе смотрел, как посреди ладони возникает и расплывается странное белое пятно овальной формы. Кожа в этом месте страшно чесалась и горела, точно после укуса ядовитого паука. Сердце в груди билось как бешеное.

Хлопая от растерянности глазами, Эрагон тщетно пытался понять, что, собственно, с ним такое случилось. Вдруг в мозгу его возникло странное ощущение – словно кто-то невидимый коснулся его мыслей, как касаются пальцем руки собеседника, желая обратить на себя его внимание. Затем это ощущение пропало, но вскоре возникло снова, на сей раз сконцентрировавшись в некое подобие мысли: пожалуй, это любопытно, думал Эрагон. Казалось, рухнули невидимые стены, до сих пор державшие в заточении его разум, и теперь он обрел способность ко всему на свете прикасаться с помощью мысли. Ему даже стало немного страшно: а что, если он просто выплывет из своего тела наружу, а назад вернуться не сможет, превратившись в духа воздуха? Испугавшись незнакомых ощущений, он прервал этот странный мысленный контакт с неведомым собеседником, и все сразу исчезло, словно он всего лишь закрыл глаза.

Эрагон с подозрением посмотрел на неподвижного дракона. Чешуйчатая когтистая лапа требовательно поскребла по простыне, и он вздрогнул, но никакого энергетического удара не последовало. Озадаченный, он снова осторожно погладил дракончика по голове. Легкое покалывание пробежало по правой руке к плечу, и дракон потерся о его руку, выгибая спину, как кошка. Эрагон ласково провел пальцем по тонким перепонкам крыльев. На ощупь они напо-

минали старый пергамент – такие же бархатистые и теплые, – но казались еще чуточку влажными. В сотнях тонких вен, пронизывавших крылья, пульсировала кровь.

И снова в мозгу его возникло то же странное ощущение – точно чье-то осторожное шупальце касалось его мыслей, но сам он на этот раз ощущал не любопытство, а какой-то невероятный, всепоглощающий, звериный голод. Вздохнув, Эрагон встал с постели. Ему казалось, хотя он и не был в этом до конца уверен, что он только что мысленно «разговаривал» с драконом. Единственное, в чем он был совершенно уверен, что этот дракон – существо таинственное и очень опасное. И все же малыш, распластавшийся у него на постели, казался таким беспомощным и так жалобно пищал от голода, что вряд ли способен был прямо сейчас принести кому бы то ни было большую беду. А о том, что будет, если Эрагон оставит дракона у себя, можно было только догадываться. В общем, Эрагон, решив, что подумает обо всем позже, быстро погладил дракончика по голове, чтобы успокоить, и тихонько вышел из комнаты, неслышно затворив за собой дверь.

Вернувшись из кладовой с двумя полосками вяленого мяса, он обнаружил, что дракон сидит на подоконнике и любит луну. Мелко порезав мясо, он один кусочек предложил своему питомцу, и тот, осторожно обнюхав угощение, каким-то змеиным движением выбросил голову вперед, схватил мясо и мгновенно проглотил его с таким звуком, с каким пробка вылетает из бутылки. Потом дракончик ткнул носом в руку Эрагона, требуя еще.

Эрагон кормил его, стараясь держать пальцы подальше от острых зубов, пока от принесенного мяса не остался один-единственный кусочек. К этому времени брюшко малыша раздулось, как шар, но, когда Эрагон протянул ему последний кусок, он задумчиво его обнюхал, лениво щелкнул челюстями и проглотил. Насытившись, дракончик залез к Эрагону на колени и свернулся клубком. Во сне он слегка похрапывал, и с каждым всхрапом из ноздрей у него вырывался черный дымок. Эрагон с изумлением и восхищением смотрел на это крошечное, но уже грозное существо.

Решив, что малыш уснул достаточно крепко – во сне горло маленького ящера чуть подрагивало и оттуда вырывалось как бы негромкое пение или мурлыканье, – Эрагон, нежно прижимая его к себе, лег на кровать, а дракона переложил на подушку. Тот, не открывая глаз, с довольным видом разлегся там, обвив хвостом столбик изголовья. Эрагон лежал рядом, выпрямив наконец усталую руку и глядя открытыми глазами в кромешную тьму.

Перед ним стояла мучительная дилемма. Вырастив дракона, он мог стать одним из легендарных Всадников. В народе очень любили истории о них, и он тоже слышал их немало. С другой стороны, если слуги Империи этого дракона обнаружат, и самого Эрагона, и всех членов его семьи ждет неминуемая смерть, если он (разумеется, вместе с драконом) не пожелает перейти на сторону короля Гальбаторикса. И никто не сможет – да и не захочет – им помочь. Проще всего, конечно, было бы взять и убить дракона, пока он так мал, но Эрагону даже сама мысль об этом показалась настолько отвратительной, что он сразу же отмел ее. Все-таки драконов в Алагейзии издревле слишком почитали, чтобы он мог всерьез рассматривать подобный вариант решения этой проблемы. «И потом, – продолжал размышлять Эрагон, – как предатель сможет что-то о нас пронюхать? Мы живем на отшибе, ферма у нас самая обыкновенная, вряд ли что-то тут может привлечь внимание чужака».

В общем, решил он, главная проблема – это как убедить Гэрроу и Рорана позволить ему оставить дракона. Вот только оба они, конечно, не захотят с ним возиться. А может быть, им и говорить ничего не стоит? Может быть, попробовать вырастить дракона втайне ото всех? И месяца через два он будет настолько велик, что Гэрроу уже не сможет просто от него отмахнуться. Вот только захочет ли он принять дракона? «Но даже если и нет, вряд ли я смогу добывать для этого ящера достаточно пищи, чтобы тайком прокормить его... Вон, сейчас он не больше кошки, а уже столько мяса сожрал! Ну хорошо, предположим, вскоре он, наверное, и сам сможет охотиться, но сколько времени придется этого ждать? И сможет ли малыш выжить



в такие холода, если прятать его не в доме?» И все же, несмотря на все нерешенные вопросы, оставить дракона Эрагону очень хотелось. И чем больше он об этом думал, тем больше был уверен, что ни за что со своим питомцем не расстанется. Ладно, что бы там Гэрроу впоследствии ни сказал, а он, Эрагон, сделает все, что в его силах, чтобы защитить и вырастить малыша! И, приняв окончательное решение, Эрагон крепко заснул. Заснул и дракон, уютно свернувшись у него под боком.

Когда наступил рассвет, дракон уже сидел в изголовье кровати, застыв, точно древний идол, и Эрагон в очередной раз восхитился цветом его чешуи. Он никогда в жизни не видел такого чистого и глубокого синего оттенка. Чешуйки переливались, как драгоценные самоцветы. Вспомнив, как неудачно он вчера погладил дракона, Эрагон посмотрел на свою правую ладонь и заметил, что белое пятно на ней стало серовато-серебристым. Наверное, решил он, когда руки будут грязными, никто и вовсе ничего не заметит.

Дракончик, вспорхнув со своего «наседа», плавно слетел на пол. Эрагон тут же подхватил его и поспешил убраться из спящего еще дома, захватив по дороге несколько кусков мяса, несколько кожаных ремешков и побольше всяких тряпок. Утро было морозным и солнечным; весь двор был усыпан свежевывающим снегом. Эрагон улыбнулся, глядя, как крошечный дракон с любопытством озирает окрестности, сидя у него на руках и чувствуя себя в полной безопасности.

Быстро миновав поля, Эрагон вошел в лес и стал искать подходящее местечко для своего дракона. Ему приглянулась старая рябина, росшая на поляне; серые ветви рябины, чуть присыпанные снежком, точно пальцы тянулись к небесам. Эрагон посадил дракона на землю, у корней дерева, бросив рядом припасенные кожаные ремешки.

Сперва он сделал своему питомцу нечто вроде ошейника, который и надел на дракончика, с любопытством обнюхивавшего снег возле дерева. Кожа была старая, но еще довольно прочная. Пока должна продержаться, решил Эрагон, глядя, как дракон ползает по снегу. Потом он снял с малыша ошейник и быстро соорудил из ремешков шлейку, продев в нее лапки крылатого ящера: ошейником дракон мог нечаянно удушить себя. Затем, собрав целую охапку сухих веток, Эрагон соорудил на верхних ветках дерева большое гнездо и выстлал его тряпьем. С веток ему на лицо сыпался снег. В гнездо он положил нарезанное на мелкие кусочки мясо, а вход в «домик» дракона завесил тряпкой, чтобы внутри было теплее. Довольный собой, он полюбовался гнездом и предложил дракончику:

– Ну вот, можешь теперь и со своим новым домом познакомиться. – Он поднял дракона с земли и посадил на ветку. Сперва малыш извивался и пытался вырваться, но, осмотревшись, обнаружил в гнезде кусок мяса, съел его и, довольный, свернулся клубком на своей подстилке из тряпок, весело поглядывая на Эрагона. – С тобой ничего плохого не случится, – сказал ему Эрагон, – если ты не будешь далеко отходить от этого дерева, ясно?

Дракон совершенно по-человечески ему подмигнул, и сколько бы Эрагон ни пытался убедить себя, что это маленькое существо никак не может понимать человеческую речь, его не покидало ощущение, что между ним и драконом существует прочная мысленная связь.

Это было очень странное ощущение – какая-то полная душевная открытость и незащищенность и, одновременно, открывшееся ему бескрайнее пространство и невероятные возможности. Бремя этих новых возможностей давило на него, не давая нормально дышать, и Эрагон изо всех сил постарался сосредоточиться на одной-единственной мысли: «Оставайся здесь». Дракон, точно услышав его, замер и, склонив голову набок, внимательно на него посмотрел. Эрагон повторил свой приказ и, похоже, услышал некий слабый отклик, но все же не был до конца уверен, что дракон его понял. «В конце концов, это ведь всего-навсего зверь!» – подумал он и с громадным облегчением прервал эту странную мысленную связь, чувствуя, что наконец остался в пределах собственной души.

Уходя, Эрагон все время оглядывался на старую рябину и видел, что дракончик высунул голову из своего домика и смотрит ему вслед большими синими глазами.

Вернувшись домой, Эрагон незаметно проскользнул в свою комнату и убрал осколки скорлупы. Он был уверен, что Гэрроу с Рораном даже внимания не обратят на то, что яйцо куда-то исчезло – они почти перестали им интересоваться, как только узнали, что продать его невозможно. За завтраком, правда, Роран заметил, что слышал ночью какой-то странный шум, но, к огромному облегчению Эрагона, развивать далее эту тему не стал.

Эрагон был настолько охвачен возбуждением, что и не заметил, как промелькнул день. Отметина на ладони скоро действительно исчезла под слоем грязи, и он совершенно перестал на сей счет беспокоиться. Едва спустился вечер, и он поспешил к старой рябине, прихватив с собой колбасу, которую стащил в кладовой. На поляну он вышел охваченный волнением: а что, если малыш оказался не в силах противостоять холоду?

Но страхи его оказались безосновательными. Дракончик сидел на ветке и что-то с аппетитом глодал, придерживая передними лапками. Увидев Эрагона, он приветственно заверещал, и Эрагон похвалил его за то, что он никуда не улетел и остался сидеть на верхних ветвях, где хищным зверям было до него не добраться. Стоило Эрагону положить на землю принесенную колбасу, как дракон плавно спикировал вниз и с жадностью набросился на еду. А Эрагон тем временем обследовал его жилище. Оставленное им мясо полностью исчезло, но само гнездо осталось целым и невредимым, а пол устилала целая гора птичьих перьев. Это хорошо, подумал Эрагон. Значит, он и сам сможет себе пропитание добыть, если что!

И тут ему вдруг пришло в голову, что он так и не знает, «он» это или «она». Он даже перевернул дракончика пузом вверх, не обращая внимания на его негодующий писк, но так и не сумел отыскать никаких признаков его половой принадлежности. Похоже, этот малыш ни одной из своих тайн просто так выдавать не собирался.

В тот вечер Эрагон пробыл на поляне довольно долго. Он отвязал дракона, посадил его к себе на плечо и немного показал ему лес. Покрытые снегом деревья смотрели на них как бы свысока, словно мрачные колонны огромного собора. И в этой тишине и безлюдье Эрагон мысленно поведал дракону все, что сам знал о лесе, ничуть не заботясь о том, понимает ли его это крошечное существо. Ему казалось, что главное – это поделиться с драконом своими знаниями. Когда он что-то ему рассказывал, малыш смотрел на него своими ясными глазами так, словно впитывал каждое его слово. Потом они некоторое время просто посидели молча, и Эрагон прижимал дракончика к себе, время от времени изумленно на него поглядывая, совершенно ошеломленный свалившимися на него событиями. Солнце давно уже село, когда Эрагон собрался наконец домой и, даже не оглядываясь, знал, что спину ему будут сверлить два холодных синих глаза – впервые дракончику предстояло на всю ночь остаться одному в лесу.

В ту ночь Эрагону не спалось; ему приходили в голову самые разнообразные мысли о том, что могло приключиться с маленьким и беззащитным зверьком. Ему виделись снежные бури и страшные голодные хищники. И даже когда он сумел наконец заснуть, во сне его преследовали стаи лисиц и черных волков, которые разрывали тело дракона окровавленными зубами.

Едва забрезжил рассвет, Эрагон выбежал из дома, прихватив с собой еду и кое-какое тряпье – не мешало еще немного утеплить домик дракона. Оказалось, что его питомец уже не спит, а целый и невредимый любит зарей, сидя на верхней ветке дерева, и Эрагон от души поблагодарил за это всех известных и неизвестных богов. Стоило ему подойти поближе, как дракончик слетел вниз и прижался к его груди. Холод не причинил ему вреда, но он, похоже, был чем-то напуган: дыхание было учащенным и из пасти вылетали клубы черного дыма. Эрагон погладил малыша, желая успокоить его, и сел на землю, прислонившись спиной к рябине и нашептывая всякие ласковые слова. Он так и замер, когда дракон, совсем как кошка, сунул голову ему за пазуху. Впрочем, уже через несколько минут он выбрался наружу и вскарабкался

Эрагону на плечо. Эрагон покормил его, утеплил его домик принесенным тряпьем, а потом они немного поиграли. К сожалению, Эрагону нужно было возвращаться домой.

Вскоре все пошло как по маслу. Каждое утро Эрагон прибегал к дереву и кормил дракона завтраком, потом убегал домой и в течение дня прилежно трудился, чтобы до вечера успеть переделать все дела и снова сходить к дракону. Гэрроу и Роран, разумеется, заметили и его необычайное прилежание, и частые отлучки, поинтересовавшись, чего это он столько гулять стал, но Эрагон в ответ только пожал плечами. Правда, теперь он внимательно следил за тем, чтобы кто-нибудь случайно не заметил, куда именно он ходит.

Когда миновали первые дни, Эрагон почти перестал тревожиться о том, что с драконом в его отсутствие может приключиться какая-нибудь беда. Его питомец рос не по дням, а по часам и только за одну неделю стал ровно в два раза длиннее и ростом уже Эрагону по колено. Домик на рябине явно становился ему маловат, и Эрагону пришлось устроить новое убежище уже на земле. На это у него ушло целых три дня.

Когда дракону исполнилось две недели, Эрагону пришлось спустить его с поводка, потому что теперь ему требовалось слишком много пищи – столько он с фермы принести не мог. Когда он в первый раз оставлял дракона не на привязи, то лишь с огромным трудом сумел убедить его остаться на лесной поляне и не лететь за ним следом на ферму. Каждый раз, когда дракон пробовал последовать за ним, он останавливал его мысленным приказом, и вскоре тот понял, что нужно держаться подальше от фермы и ее обитателей.

А еще Эрагон внушал дракону, что тому лучше охотиться только в горах, где вряд ли кто-то чужой сможет его увидеть. Фермеры, конечно, уже успели обратить внимание на то, что дичь стала постепенно исчезать из долины Паланкар, и Эрагону было отчасти спокойнее (хотя одновременно он все же тревожился из-за этого), когда дракон улетал подальше от селения.

Его мысленная связь с драконом день ото дня все укреплялась. Он обнаружил, что дракон, хоть и вряд ли различает слова человеческой речи, может общаться с ним с помощью чувств и образов. Это, правда, был не слишком точный способ обмена мнениями, и зачастую дракон понимал Эрагона не совсем правильно, но все же постепенно они стали понимать друг друга все лучше. И вскоре Эрагон уже мог установить с драконом мысленную связь даже на расстоянии – примерно в пределах трех лиг – и довольно часто пользовался этим, как, впрочем, и его питомец. Теперь безмолвные беседы с драконом заполняли почти весь трудовой день Эрагона, и какой-то частью своего существа он был постоянно с ним связан; порой он просто не обращал на это внимания, но никогда об этом не забывал. Ему, впрочем, стало немного труднее разговаривать с другими людьми: казалось, в ухе у него постоянно жужжит какая-то надоедливая муха.

По мере того как дракон выросл, его детский пронзительный писк стал превращаться в довольно-таки грозный рев, а нежное мурлыканье – в рокот, пока еще, правда, негромкий, а вот пламени дракон совсем не извергал, и это, пожалуй, даже несколько тревожило Эрагона. Он не раз видел, как у дракона из пасти вылетают клубы дыма, особенно когда тот огорчен или расстроен, но в этом дыму ни разу даже огненной искры не мелькнуло.

К концу месяца дракон в холке был примерно по пояс Эрагону и из маленького слабого существа уверенно превращался в могучего зверя. Его твердая чешуя была прочной, как металлическая кольчуга, а зубы – острыми, как кинжал.

Вечерами Эрагон отправлялся с ним на дальние прогулки по лесу, и дракон бежал рядом, точно собака. Отыскав подходящую поляну, Эрагон усаживался под деревом и смотрел, как дракон плавает и ныряет в небесной вышине. Ему ужасно нравилось смотреть, как летает его питомец, и очень хотелось, чтобы дракон поскорее вырос и на нем можно было прокатиться верхом. Они часто сидели рядышком, и Эрагон почесывал могучую шею дракона, чувствуя, как мощные мышцы под его пальцами становились мягкими и расслабленными.

Увы, несмотря на все их усилия, в лесу, окружавшем ферму, признаки присутствия дракона становились все более очевидными. Просто невозможно было, например, уничтожить все огромные четырехпалые следы, оставленные тяжелым зверем в снегу, или закопать в снег весьма заметные кучи драконьего помета. Дракон чесался о стволы деревьев, сдирая с них кору своей чешуей, и острил когти на крупных валежинах, оставляя борозды в несколько дюймов глубиной. Если бы Гэрроу или Роран зашли чуть дальше привычных границ своего хозяйства, они непременно обнаружили бы эти следы. А Эрагон даже вообразить себе не мог, что может быть хуже подобного способа открытия ими истины, и решил предвосхитить подобную возможность, все им рассказав.

Но сперва ему хотелось все же сделать две вещи: дать дракону подходящее имя и узнать побольше о драконах вообще. Что касается последнего, то ему просто необходимо было побеседовать с Бромом, местным сказителем и знатоком старинных преданий, ведь именно в таких легендах и сохранилось больше всего сведений о драконах.

В общем, как только Роран сказал, что ему нужно заточить долото и подправить в кузней-какой инструмент, Эрагон вызвался с ним вместе пойти в Карвахолл.

Накануне вечером он, как всегда, отправился в лес и мысленно призвал к себе дракона. Через несколько минут в сумрачных небесах появилась быстро движущаяся черная точка. Дракон камнем упал с высоты, потом резко выровнял полет, пролетев над самыми верхушками деревьев, и Эрагон услышал, как негромко свистит ветер, рассекаемый сильными крыльями. Затем дракон, описав изящную спираль, опустился на поляну и сел точно слева от Эрагона, выгнув спину и шлепнув по земле хвостом для устойчивости.

Эрагон открыл ему свои мысли, по-прежнему немного страшась этого ощущения, и сообщил, что завтра пойдет в Карвахолл. Дракон, явно недовольный этим известием, всхрипнул, и Эрагон тщетно пытался его утешить. Дракон все не успокаивался и, как кошка, раздраженно вилял хвостом. Эрагон положил руку ему на плечо и стал внушать, что скоро вернется, что все хорошо и ничего страшного в его отсутствие не случится. Синие чешуйки так и потрескивали у него под рукой, когда он нежно оглаживал дракона.

И лишь одно только слово мысленно прозвучало ему в ответ: ЭРАГОН.

Это слово звучало торжественно и печально, словно дракон заключал с ним некий нерасторжимый союз. Эрагон внимательно посмотрел на своего крылатого друга, и знакомое холодное покалывание пробежало по его руке.

ЭРАГОН.

В животе у Эрагона точно тугой узел свернулся, когда на него глянули эти сапфировые глаза, от которых невозможно было оторваться. Впервые он воспринимал дракона не как животное. Нет, он не животное и не человек, а совсем другое существо... Спеша домой, Эрагон тщетно пытался избавиться от воспоминаний об этих глазах. МОЙ ДРАКОН!

ЭРАГОН.

## Чай для двоих

Роран и Эрагон расстались еще на подходе к Карвахоллу. Эрагон, думая о своем, неспешно побрел к дому Брома и уже собрался было постучаться, но за спиной у него вдруг раздался скрипучий голос:

– Тебе чего, парень?

Он резко обернулся и увидел Брома, который стоял, опираясь на кривоватый посох с вырезанными на нем странноватыми символами. Бром был одет в коричневый балахон с капюшоном, как у странствующего монаха, и подпоясан потертым кожаным ремнем, с которого свисал замшевый кошель. Седая борода его спускалась на грудь, а гордый орлиный нос на худом лице сразу приковывал к себе внимание. Глубоко посаженные глаза, прятаясь в тени густых бровей, внимательно смотрели на Эрагона в ожидании ответа.

– Мне кое-что узнать нужно, – пробормотал, точно оправдываясь, Эрагон. – Роран пошел долото заточить, а у меня выдался свободный часок, вот я и пришел спросить, не сможешь ли ты на некоторые мои вопросы ответить.

Старик что-то проворчал, потянулся правой рукой к двери, и Эрагон заметил, как на ней блеснуло золотое кольцо с крупным сапфиром, на котором был явственно виден какой-то загадочный знак.

– Ладно, входи, – пригласил его Бром. – Небось так просто от тебя не отделаешься. Боюсь, вопросам твоим вообще конца не будет. – В доме было темно, как в подземелье, и пахло чем-то кислым. – Так, сперва надо свет зажечь. – И Бром попытался что-то напарить в темноте, уронил найденную вещь на пол и тихонько выругался. – Ах, вот она! – воскликнул он наконец.

Сверкнуло белое пламя, и стало светло.

Бром стоял у камина с зажженной свечой в руке. Вокруг было множество книг – на полу, на полках; книги стопками лежали возле большого деревянного кресла с высокой резной спинкой, стоявшего у огня. Ножки кресла имели форму когтистых орлиных лап, а сиденье и спинка были обиты мягкой кожей с прихотливым тиснением в виде переплетающихся стеблей роз. На всех прочих креслах и диванах лежали кипы свитков. На просторном рабочем столе стояло несколько чернильниц и перьев для письма.

– Расчисти-ка себе местечко, – буркнул Бром, – да только поосторожней. Клянусь покойными королями, все это поистине бесценные вещи!

Эрагон перешагнул через расстеленный прямо на полу пергамент, покрытый угловатыми рунами, осторожно поднял со стула охапку свитков из шуршащей телячьей кожи и положил их на пол. Когда он сел, в воздух взлетел такой клуб пыли, что он с трудом подавил желание чихнуть.

Бром наклонился к камину и с помощью свечи, которую держал в руке, разжег огонь.

– Вот и отлично! – с удовлетворением сказал он. – Что может быть лучше беседы у камина! – Он скинул капюшон, обнажив голову, покрытую даже не седыми, а совершенно серебряными волосами, повесил над огнем чайник и наконец спокойно уселся в свое кресло с высокой спинкой. – Ну, что тебе от меня нужно-то было? – спросил он грубовато, но вполне добродушно.

– Да в общем... – Эрагон не знал, с чего начать. – Я много слышал всяких историй о тех Всадниках, что ездили верхом на драконах, и об их великих деяниях. Похоже, многим хотелось бы, чтобы эти Всадники вернулись, но никто так и не смог мне объяснить, откуда они взялись. И откуда у них драконы? И почему их считают какими-то особенными – если не считать того, что они верхом на драконах ездили?

– Слишком долго рассказывать, – проворчал Бром, искоса поглядывая на Эрагона своими чересчур внимательными глазами. – Если с самого начала – так мы с тобой тут и до следующей зимы просидим. Придется кое-что подсократить. Но сперва я трубочку раскурить должен.

Эрагон терпеливо ждал. Бром ему нравился. Он, конечно, любил поворчать, но никогда не жалел времени на беседы с Эрагоном. Как-то раз Эрагон спросил его, откуда он родом, но Бром в ответ только рассмеялся, а потом сказал: «Это не интересно. Из одной деревушки, очень похожей на Карвахолл». Сгорая от любопытства, Эрагон спросил у дяди, как Бром появился у них в деревне, но узнал лишь, что старый сказитель лет пятнадцать назад купил здесь дом и с тех пор живет тихо и незаметно, но откуда он пришел в Карвахолл, не знает никто.

Бром вытащил трутницу, раскурил трубку, несколько раз с удовольствием затянулся и наконец промолвил:

– Ну вот... прерывать рассказ мы не будем, разве что чаю, может быть, выпьем. Значит, так, слушай про Всадников. Эльфы называют их Шуртугалами. С чего же мне начать?.. Всадники существовали в Алагейзии издавна и, будучи на вершине своей власти, правили огромной территорией, в два раза перекрывавшей территорию нынешней Империи. О них было сложено немало всяких историй, правдивых и не очень, и если верить всему, что о них рассказывают, то они должны были обладать могуществом настоящих богов. Ученые порой посвящали всю жизнь тому, чтобы отделить в рассказах о Всадниках правду от вымысла, да только вряд ли кому-то из них это удастся. Хотя затея эта отнюдь не безнадежная, если внимательно рассмотреть те три вопроса, которые ты задал мне: откуда взялись Всадники, почему их так чтят в народе и откуда у них были драконы. Я начну с последнего.

Эрагон устроился поудобнее, не сводя глаз с Брома и замороженный его неторопливым рассказом.

– Впрочем, – продолжал Бром, – вряд ли можно сказать, откуда взялись сами драконы, ибо их появление связано с возникновением самой Алагейзии. Они были всегда и если когда-нибудь исчезнут, то вместе с ними исчезнет и весь наш мир, ибо они живут, любят и страдают вместе с этой землей. Именно драконы, гномы и некоторые другие волшебные народы и есть истинные обитатели этих краев. Они жили здесь задолго до появления всех прочих живых существ, сильные, гордые и могущественные. И мир их не знал перемен, пока первые эльфы не отправились за море на своих серебряных кораблях...

– А откуда взялись эльфы? – прервал его Эрагон. – И почему они называются «светлыми»? Неужели эльфы действительно существуют?

Бром нахмурился:

– Ты хочешь получить ответы на свои первые вопросы или нет? Ты их никогда не получишь, если без конца станешь расспрашивать меня обо всем, что кажется тебе неясным или непонятным!

– Извини, пожалуйста, – пробормотал Эрагон и даже голову в плечи втянул, стараясь казаться меньше и незаметнее.

– Чего уж тут извиняться! – заявил Бром весело и почему-то посмотрел на огонь в очаге, лизавший днище закопченного чайника. – Если хочешь знать, эльфы никакая не выдумка, а светлыми или прекрасными их называют потому, что они действительно самый прекрасный народ из всех когда-либо существовавших на свете. Родом они из страны, которую сами называют Алалия, но никто, кроме них, не знает, ни что это за страна, ни где она находится. Итак, – Бром грозно сверкнул очами из-под кустистых бровей, желая удостовериться, что больше его прерывать не будут, – эльфы, народ гордый и могущественный, великие знатоки магии, сперва считали драконов обычными животными. Из-за этого произошла одна поистине трагическая ошибка. Как-то раз весьма дерзкий молодой эльф во время охоты загнал молодого дракона, точно какого-то оленя, и убил его. Разъяренные драконы немедленно отомстили: они подстерегли эльфа и зверски его убили. К несчастью, кровопролитие на этом не закончилось.

Драконы, собравшись в стаю, напали на эльфов. Напуганные столь ужасными последствиями необдуманного поступка своего собрата, эльфы пытались положить конец вражде и начать с драконами мирные переговоры, да так и не сумели с ними договориться.

В общем, если значительно сократить рассказ об этой чрезвычайно длительной и кровавой войне, обе враждующие стороны в итоге пожалели, что эту войну вообще развязали. Ведь сперва-то эльфы вынуждены были сражаться только для того, чтобы защитить себя, им совсем не хотелось разжигать пожар вековой вражды, но жестокость свирепых драконов вскоре вынудила их не только обороняться, но и атаковать, иначе они бы просто не выжили. Это продолжалось целых пять лет и продолжалось бы значительно дольше, если бы некий эльф по имени Эрагон не нашел драконье яйцо.

Эрагон изумленно захлопал глазами, и Бром заметил:

– Ты, как вижу, и не подозревал, в честь кого тебя назвали, верно?

– Нет, – прошептал Эрагон, не веря собственным ушам.

Чайник над камином призывно засвистел.

– Ну, раз так, тебе тем более интересно про это послушать. – И Бром снял чайник с перекладины, плеснул кипятку в две чашки с заранее положенной туда заваркой и одну из чашек подал Эрагону, предупредив: – Этот чайный лист не следует настаивать слишком долго, так что постарайся выпить поскорее, не то напиток будет слишком крепким и горьким.

Эрагон попытался сделать глоток, но тут же обжег язык. А Бром, спокойно отставив свою чашку в сторонку, снова раскурил трубку и продолжил рассказ:

– Никто не знает, почему это яйцо оказалось брошенным на произвол судьбы. Некоторые считают, что родители детеныша погибли во время нападения эльфов. Другие уверены, что драконы нарочно оставили яйцо в этом месте. Так или иначе, а Эрагон догадался, какую пользу может принести выращенный им дракон, если сделать его своим другом. Он тайком заботился о своем питомце и, согласно обычаям своего народа и правилам древнего языка, дал ему имя Бид'Даум. Когда этот Бид'Даум достиг размеров взрослого дракона, они вместе отправились к другим драконам и убедили их заключить с эльфами мир. Мир был заключен, были подписаны различные договоры, а для того чтобы война между ними никогда больше не вспыхнула вновь, драконы и эльфы решили создать особую армию, точнее орден: орден Всадников.

Сперва Всадники должны были служить всего лишь связующим звеном между эльфами и драконами. Однако с течением времени их роль существенно возросла, и они обрели значительно больше полномочий. Вскоре они избрали себе в качестве штаб-квартиры остров Врэнгард и построили на нем город Дору Ариба. И пока королю Гальбаториксу не удалось низвергнуть их власть, они обладали куда большим могуществом, чем все правители Алагейзии, вместе взятые. Полагаю, на два твоих вопроса я ответил?

Эрагон кивнул. Ему казалось просто невероятным, что его назвали в честь самого первого Всадника. И теперь ему казалось, а может быть, это было и на самом деле, но имя свое он ощущал совершенно иначе, чем прежде.

– А что значит имя Эрагон? – спросил он.

– Не знаю, – промолвил Бром. – Это старинное имя. Вряд ли кто-то, кроме самих эльфов, помнит его значение. Но тебе невероятно повезет, если за всю свою жизнь ты сумеешь увидеть хотя бы одного живого эльфа. Я знаю только, что это очень хорошее имя; тебе бы следовало им гордиться. Не каждого называют в честь столь славного героя.

Эрагон с огромным трудом отвлекся от разговоров об имени Эрагон и заставил себя вспомнить все то, что узнал сегодня от Брома: чего-то в рассказе старика явно не хватало.

– Я не понимаю... – неуверенно проговорил он. – А где же были мы, когда был создан орден этих Всадников?

– Мы? – переспросил Бром, удивленно приподнимая бровь.

– Ну да, все мы, понимаешь? – Эрагон как-то неопределенно махнул рукой. – Люди, в общем.

Бром рассмеялся:

– Мы в этих краях такие же чужаки, как и эльфы. Нашим далеким предкам понадобилось целых три столетия, чтобы прибыть в эту страну, которой тогда правили Всадники.

– Не может этого быть! – возмутился Эрагон. – Наши предки всегда жили в долине Паланкар!

– Возможно, твои предки действительно всегда жили здесь, – сказал Бром почти ласково. – Но это всего лишь несколько поколений людей. Так что ты никак не можешь с полным основанием утверждать, что это твоя родина. Даже несмотря на то, что ты действительно из рода Гэрроу, но твои предки родом совсем не из этих мест. Поспрашивай хотя бы своих соседей и убедишься, что многие семьи живут здесь с относительно недавних пор. Паланкар – очень древняя долина, и она не всегда принадлежала людям.

Эрагон нахмурился и стал жадно пить чай, хотя он был еще настолько горяч, что обжигал горло. «Неправда это! – сердито думал он. – Мой дом здесь, кем бы ни был мой отец!»

– А что случилось с гномами, когда Всадники были уничтожены? – спросил он.

– Этого по-настоящему не знает никто. Гномы сперва сражались плечом к плечу со Всадниками, но, когда стало ясно, что Гальбаторикс явно одерживает победу, они запечатали все известные входы в свои туннели и исчезли под землей. Насколько мне известно, с тех пор никто ни одного гнома не видел.

– А драконы? – снова спросил Эрагон. – С ними-то что произошло? Их-то наверняка невозможно было всех уничтожить!

Бром грустно вздохнул:

– Самая большая загадка Алагейзии – это вопрос о том, сколько драконов осталось в живых после резни, устроенной Гальбаториксом. Известно, что он пощадил тех Всадников, которые перешли на его сторону. Но лишь драконы Проклятых согласились помогать Гальбаториксу в осуществлении его безумных планов. И если кто-то из драконов, не считая Шрюкна и ему подобных тварей, еще жив, то прячется, чтобы его не смогли обнаружить слуги Империи.

«Интересно, откуда же тогда взялся мой дракон?» – подумал Эрагон. А вслух спросил:

– А ургалы жили в Алагейзии, когда сюда пришли эльфы?

– Нет, ургалы переплыли море следом за эльфами, точно клещи, жаждущие крови. Битвы с ними и послужили причиной того, что Всадников стали особенно ценить за отвагу в бою и способность сохранять мир на земле. Знать историю своей страны вообще очень важно. Жаль, что наш король столь болезненно воспринимает исторические факты... – Казалось, Бром, забыв об Эрагоне, разговаривает сам с собой.

– Да, это очень интересно. И когда ты рассказывал эту историю в прошлый раз... – начал было Эрагон.

– Историю? – взревел Бром, гневно сверкая глазами. – Если это всего лишь «история», то слухи о моей смерти – суцая правда, а ты в данный момент разговариваешь с привидением! Уважай прошлое, мальчик! Никогда не знаешь, как прошлое может сказаться на твоей судьбе.

Эрагон весь съежился, выжидая, пока Бром хоть немного успокоится, а потом все-таки задал еще один вопрос:

– Скажи, драконы очень большие?

Тонкое перышко дыма взвилось над головой Брома, подобно маленькому смерчу.

– Большие ли? Больше этого дома! Даже у самых мелких размах крыльев достигал ста футов. И драконы никогда не перестают расти. Некоторые из стариков – пока их не погубила Империя – на земле вполне могли сойти за холм приличных размеров.



Эрагона охватила робость. «Как же я буду прятать своего дракона через год-два?» – в ужасе спрашивал он себя. Но, задавая очередной вопрос Бром, постарался, чтобы голос его звучал спокойно:

– Когда же дракон считается взрослым?

– Ну... – поскреб подбородок Бром, – огонь они выдыхать начинают примерно месяцев в пять или шесть и примерно тогда же готовы к спариванию. Чем старше дракон, тем больше огня он может выдохнуть. Некоторые способны оставаться огнедышащими в течение нескольких минут, выпуская при этом поистине чудовищную струю пламени... – Бром смотрел, как выпущенное им кольцо дыма медленно всплывает к потолку.

– Я слышал, что чешуя у них горит, точно драгоценные камни!

Бром наклонился к нему поближе, внимательно на него посмотрел и проворчал:

– Это верно. Сияет, как самоцветы. Говорят, стая драконов похожа на ожившую радугу.

А от кого ты об этом слышал?

Эрагон испуганно замер и быстренько соврал:

– От одного купца.

– И как его звали? – Кустистые брови Брома грозно сошлись на переносице; морщины на лбу стали еще глубже. Забытая трубка погасла.

Эрагон сделал вид, что пытается вспомнить:

– Не знаю... Он у Морна в таверне это рассказывал, да только я не успел спросить, кто он такой.

– Жаль, что не успел! – пробормотал Бром.

– А еще он говорил, что Всадник может слышать мысли своего дракона, – быстро прибавил Эрагон, надеясь, что выдуманный «купец» – прекрасная защита от ненужных подозрений со стороны Брома.

Бром еще больше сдвинул брови, медленно вытащил трутницу, ударил кремнем, и над трубкой взвился новый завиток дыма. С наслаждением затянувшись, он вздохнул и спокойно сказал:

– Этот человек врал или ошибался. Такого нет ни в одной из историй о драконах и Всадниках, а я, по-моему, знаю их все. Что же еще он говорил?

Эрагон пожал плечами:

– Да ничего особенного. – Уж больно Бром заинтересовался этим «купцом», чтобы можно было и дальше продолжать безнаказанно врать. Бодрым тоном он снова спросил: – А что, драконы действительно очень долго живут?

Ответил Бром не сразу. Он долго молчал, опустив подбородок на грудь и поглаживая пальцами трубку. Отблески пламени играли в синем камне его перстня.

– Прости, я задумался... – наконец сказал он. – Это правда. Дракон может прожить очень долго – на самом деле он способен жить почти вечно, если... его не убьют. И если жив его Всадник.

– Откуда же это известно? – с недоверием протянул Эрагон. – Если драконы умирают вместе со своими Всадниками, значит, они живут всего лет шестьдесят–семьдесят. Когда ты рассказывал в Карвахолле ту исто... то предание, то говорил, что Всадники могут прожить несколько сотен лет, но ведь это невозможно. – Эрагону вдруг стало не по себе: если вдруг окажется, что он – Всадник, то неужели ему суждено пережить всех своих родных и друзей?

Улыбка тронула губы Брома, и он тихо и немного непонятно объяснил:

– Видишь ли, возможность – вообще понятие субъективное. Кое-кто утверждает, что нельзя бродить в горах Спайна и остаться в живых, но ты бродишь там неделями и пока что жив, правда? Все дело в умении предвидеть будущее. А для этого необходимо быть очень мудрым и очень многое знать, чего от тебя в столь юном возрасте ожидать трудно. – Эрагон вспыхнул, а старик, усмехнувшись, прибавил: – Ну-ну, не сердись. Откуда тебе знать такие

вещи. Ты забываешь одно: драконы – существа волшебные: они способны весьма странным образом воздействовать на все, что их окружает. Всадники были им ближе всего, и именно они в первую очередь испытали на себе воздействие магии драконов. Наиболее ярко это воздействие проявилось как раз в том, что Всадники стали жить очень долго. Наш король, например, прожил столько, что его подданным кажется вечным, однако большинство людей относят это на счет его собственных магических возможностей. Всадники подверглись также и другим, менее заметным изменениям. Они были значительно сильнее прочих людей физически и гораздо умнее их; кроме того, они обладали прямо-таки невероятно зорким зрением. Надо также отметить, что любой Всадник, даже будучи человеком, постепенно становился похожим на эльфа; уши у него, например, понемногу заострялись, хотя и никогда не становились такими же большими, как у настоящих эльфов.

Эрагон с трудом подавил желание коснуться собственных ушей и подумал: «А интересно, как мой дракон изменит мою жизнь и мою внешность? Оказывается, драконы умеют не только в чужие мысли пробираться, но и внешний облик своего хозяина менять!»

– А что, драконы очень умны? – спросил он.

– Ты, должно быть, совсем меня не слушал! – вдруг рассердился Бром. – Как, интересно, эльфы сумели бы заключить мирный договор с тупыми бессловесными тварями? Драконы обладают разумом, как ты или я.

– Но ведь они – животные! – стоял на своем Эрагон.

– Не более чем мы! – фыркнул Бром. – Не знаю уж, по какой причине, но люди восхваляют деяния Всадников, совершенно забывая о драконах и считая их не более чем экзотическим средством передвижения. Но это далеко не так! Великие подвиги Всадников стали возможны единственно благодаря драконам. Многие ли воины решатся обнажить свой меч, зная, что гигантский огнедышащий ящер, от природы наделенный куда более изощренным умом и хитростью, чем у любого короля, вот-вот прилетит, чтобы с ними сразиться и остановить насилие? А? – Бром снова выпустил колечко дыма, внимательно следя за его полетом.

– А ты когда-нибудь дракона видел?

– Нет, – покачал головой Бром. – Все это было задолго до моего рождения.

«Так, теперь надо спросить его о драконьих именах», – подумал Эрагон.

– Знаешь, – сказал он, – я никак не могу вспомнить имя того дракона, о котором рассказывали купцы, когда в Карвахолл приходили. Ты мне не поможешь?

Бром пожал плечами:

– Ну, их было много... Джура, Хирадор и Фандор сражались с гигантским морским змеем. Потом еще Галзра, Бриам, Оген Могучий, Гретьем, Бероан, Росларб... – Он перечислил еще несколько имен. И под конец произнес так тихо, что Эрагон едва расслышал его: –...И Сапфира. – Бром умолк и стал выбивать свою трубку. Потом спросил: – Ну что, вспомнил?

– Да вроде бы нет. – Эрагону сказать было больше нечего. Да уж, задал ему Бром задачку! Будет о чем поразмыслить. – Уже поздно, – вдруг заспешил он. – Роран, наверное, все дела уже сделал. Мне пора уходить, хоть и не хочется.

Бром удивленно поднял бровь:

– Как? Уже? А мне казалось, я буду на твои вопросы отвечать, пока за тобой твой брат не явится. Неужели ты даже не спросишь меня о боевой тактике драконов, не попросишь рассказать о том, какие поистине захватывающие дух воздушные бои они вели? Неужели на сегодня с вопросами покончено?

– На сегодня – да! – рассмеялся Эрагон. – Я и так уже слишком много узнал. – И он направился к двери.

Бром пошел его проводить.

– Ну что ж, прекрасно, – сказал он на пороге. – До следующей встречи, а пока будь осторожен. И не забудь – если случайно вспомнишь, конечно, – сказать мне, кто был тот купец, что рассказывал о драконах.

– Непременно скажу. Если вспомню, конечно. И спасибо тебе большое, Бром. – Эрагон шагнул с крыльца на искрящийся под зимним солнцем снег и неторопливо побрел прочь, размышляя о том, что услышал от Брома.

## Волшебное имя

По пути домой Роран заметил:

– А я у Хорста сегодня с одним типом познакомился, из Теринсфорда.

– С каким типом? – Эрагон быстро сошел с обледенелой тропы и зашагал рядом с братом.

От холодного ветра жгло лицо и слезились глаза.

– Его Демптон зовут. Он хотел, чтобы Хорст ему несколько патрубок выковал. – Роран легко шел по тропе, оставляя в снегу крупные следы от своих сильных ног.

– Разве в Теринсфорде своего кузнеца нет?

– Есть, да только не шибко умелый. – Роран взглянул на братишку и, решившись, прибавил: – Этому Демптону патрубки для мельницы нужны. У него большая мельница, и нужен помощник. Он предложил мне у него поработать, и я, наверное, соглашусь. Как только он свои патрубки получит, мы с ним в Теринсфорд и отправимся.

У мельников весь год хватало работы. Зимой они мололи на заказ, а во время сбора урожая покупали у фермеров излишки зерна и потом продавали его уже в виде муки. Работать на мельнице было тяжело, а зачастую и опасно: мельники часто теряли пальцы или даже руки целиком, нечаянно попав в мельничные колеса.

– Ты Гэрроу-то скажешь? – спросил Эрагон.

– Конечно, – мрачноватая, но полная любви улыбка осветила лицо Рорана.

– А стоит ли? Сам знаешь, как он боится, что мы его бросим. Уйдем с фермы и не вернемся. Может, лучше вообще не говорить? Может, будем считать, что никто тебе в Теринсфорд перебираться и не предлагал? Ты бы хоть сегодня дядю не расстраивал. Поужинали бы спокойно...

– Нет, я все-таки прямо сегодня ему скажу. Я намерен согласиться на эту работу.

Эрагон резко остановился:

– Но почему? – Они смотрели друг на друга; их дыхание облачками повисало в воздухе. – Я понимаю, денег нам вечно не хватает, но ведь до сих пор мы как-то умудрялись прожить. И не так уж плохо. Может, тебе все-таки не стоит из дома уходить, а?

– Да мне и самому не очень хочется, но надо. Мне деньги нужны, Эрагон. Мне самому. – Роран хотел было идти дальше, но Эрагон не сдавался:

– Зачем они тебе?

И Роран, расправив плечи, гордо заявил:

– Я хочу жениться!

Эрагона охватило смятение; он не раз видел, как Роран и Катрина целовались – еще весной, когда приходили купцы, – но жениться...

– На Катрине? – тихо спросил он, уже зная ответ. Роран молча кивнул. – А ты ее руки уже просил?

– Нет еще. Но к весне, когда поднакоплю денег и смогу дом себе построить, непременно пойду и попрошу.

– На ферме так много работы, а ты уходить надумал, – принялся усовещивать его Эрагон. – погоди, вот к весеннему севу подготовимся...

– Нет уж, – усмехнулся Роран, – весной-то я уж точно никуда не уйду – совести не хватит. А там сперва надо будет землю пахать и сеять, потом сорняки полоть... Да мало что еще. Нет, Эрагон, если уж уходить, так сейчас, не дожидаясь весны. А вы с Гэрроу и без меня прекрасно справитесь. Если все пойдет хорошо, то я скоро вернусь и снова буду работать на ферме, но уже с женой.

Эрагон нехотя признавал, что в словах Рорана много правды. Тряхнув головой, он сказал:

– Наверное, ты прав. И мне остается только удачи тебе пожелать. Только Гэрроу все равно рассердится!

– Посмотрим.

Они молча двинулись в путь; меж ними точно возникла стена отчуждения. Отчего-то сердце Эрагона было полно тревоги. Пока что планы Рорана очень ему не нравились. Но дома, за ужином, Роран так ничего Гэрроу о своих планах и не сказал, и Эрагон решил было, что тот передумал, но потом понял, что этого разговора все же не избежать.

Впервые, с тех пор как дракон мысленно назвал его по имени, он пошел навестить своего питомца, отчетливо сознавая, что это волшебное существо не только ровня ему, но, возможно, и намного мудрее.

«Эрагон!» – беззвучно промолвил дракон, глядя на него.

– Ну что «Эрагон»? Больше ты ничего мне сказать не можешь? – сердито выкрикнул Эрагон.

«Нет».

Это было так неожиданно, что Эрагон захлопал от удивления глазами и плюхнулся на землю там, где и стоял. Значит, этот ящер еще и пошутить любит! Чем еще он меня порадует? Эрагон с хрустом сломал попавшуюся под ноги ветку и раздраженно отбросил обломки в сторону. Мысли о предстоящей женитьбе Рорана не давали ему покоя. И вдруг в мозгу его отчетливо прозвучал вопрос, заданный драконом: «Что случилось?». Неожиданно для себя самого, он принялся рассказывать все своему питомцу, и голос его постепенно становился все громче, хотя в ответ он и не слышал ни слова и говорил точно в пустоту. Наконец, выплеснув наружу обуревавшие его чувства, Эрагон сердито пнул ногой землю и умолк.

– Не хочу я, чтобы он уходил, вот и все! – беспомощно пробормотал он.

Дракон безучастно смотрел на него и молчал. Эрагон прибавил еще несколько ругательств – первых, какие пришли ему в голову, – потер руками лицо и задумчиво посмотрел на дракона:

– Знаешь, надо все-таки дать тебе имя. Я сегодня несколько слышал, есть, по-моему, очень для тебя подходящие. Может, какое тебе и понравится, а? – Он мысленно перечислил дракону те имена, которые называл Бром, в итоге остановившись на двух, казавшихся ему особенно героическими и благородными. – Как тебе такое имя, Валинор? Или вот у его последователя тоже имя было подходящее: Эридор. Оба были великими драконами.

«Нет, – сказал дракон, но, похоже, он был очень доволен предпринятыми Эрагоном усилиями. – Эрагон».

– Но «Эрагон» – это мое имя, и ты его получить не можешь, – задумчиво промолвил Эрагон, почесывая подбородок. – Ну хорошо, если тебе эти имена не нравятся, так ведь есть и другие. – Он снова принялся перечислять услышанные от Брома имена, но дракон отвергал их одно за другим. Он, казалось, смеется на чем-то, чего Эрагон не понимает, но Эрагон решил не обращать на это внимания, продолжая предлагать своему питомцу все новые и новые имена. – Вот, скажем, Инготхолд; этот дракон сразил... – И тут его осенило. «Так вот в чем дело, оказывается! Я ведь предлагал только *мужские* имена!» И он мысленно спросил:

«Значит, ты – не «он», а «она»?»

«Да». И юная дракониха аккуратно сложила крылья.

Теперь, когда Эрагон это понял, он выложил ей еще с полдюжины женских имен. Особенно ему нравилось имя Миримель, но оно тоже не подошло – кроме того, так звали дракона, обладавшего коричневой чешуей. Офелия и Ленора также были отвергнуты. Эрагон уже готов был сдаться, но тут вдруг припомнил последнее имя, которое себе под нос пробормотал тогда Бром. Эрагону это имя казалось очень подходящим, вот только понравится ли оно дракону?

«Может, ты Сапфира?» – мысленно спросил он у нее.

Она внимательно посмотрела на него своими умными глазами, и он отчетливо понял: она довольна.

«Да, я – Сапфира», – раздался у него в ушах ее голос.

Он радостно улыбнулся – наконец-то верное имя найдено! – а Сапфира удовлетворенно замурлыкала.

## Будущий мельник

Когда наконец сели обедать, солнце уже зашло. Дул порывистый ветер, сотрясая стены дома и стуча ставнями. Эрагон внимательно следил за Рораном, ожидая неизбежного. И Роран, собравшись с духом, сказал, обращаясь к отцу:

– Мне тут работу на теринсфордской мельнице предложили... И я намерен согласиться.

Гэрроу молчал, нарочито медленно жуя. Потом как бы с трудом проглотил кусок, положил на стол вилку, откинулся на спинку стула и обронил одно лишь слово: – Зачем?

Пока Роран объяснял, Эрагон делал вид, что это его совершенно не касается, и старательно доедал второе. – Понятно. – Больше от Гэрроу никаких замечаний не последовало. Он долго молчал, глядя перед собой, а Роран и Эрагон ждали, каков же будет его окончательный приговор. – Ну что ж, – заговорил наконец Гэрроу, – и когда ты отправляешься? – Говорил он совершенно спокойно, и Роран даже растерялся.

– Я? – задал он довольно глупый вопрос.

Гэрроу наклонился к нему и, весело блеснув глазами, кивнул:

– А кто же еще? Неужели ты думал, что я буду тебя отговаривать? Я, может, даже мечтал, что ты в скором времени женишься и я успею на твоих деток посмотреть. Катрина правильно сделает, если за тебя выйдет. (Роран по-прежнему обалдело смотрел на отца, потом неуверенно улыбнулся: ему явно стало легче.) Ну, так когда же все-таки ты отправляешься? – снова спросил Гэрроу.

Роран откашлялся и сказал:

– Когда Демптон за готовыми патрубками придет.

Гэрроу кивнул.

– Значит, недели через...

– Две.

– Хорошо. Значит, у нас будет время подготовиться. Тут ведь жизнь совсем иначе пойдет, когда мы с Эрагоном одни останемся. Надеюсь, правда, что ненадолго. – Гэрроу внимательно посмотрел на племянника. – Ты знал об этом?

Эрагон смущенно пожал плечами:

– Ну, в общем... Я только сегодня узнал... Зря он, по-моему!

Гэрроу провел рукой по лицу.

– Да нет, не зря. Это нормально – такова жизнь. – Он рывком встал из-за стола. – Ничего, ребята, все будет хорошо; время все расставит по своим местам. А теперь давайте-ка уберем со стола и вымоем посуду. – И Роран с Эрагоном молча принялись ему помогать.

Следующие несколько дней стали для Эрагона настоящим испытанием; нервы его были напряжены до предела. Он старался ни с кем не разговаривать и только кратко отвечал на вопросы. Все в доме говорило о том, что Роран вскоре уезжает: Гэрроу собирал ему вещи, со стен исчезли некоторые знакомые предметы, и комнаты постепенно заполняла какая-то странная пустота. Через неделю Эрагону уже стало казаться, что их с Рораном разделяет настоящая пропасть: разговор у них совсем не клеился, слова словно не хотели срывать с губ.

В эти дни единственным лекарством от тоски для Эрагона стала Сапфира. С ней он мог говорить совершенно свободно; все его чувства были перед ней как на ладони, и она понимала его лучше чем кто бы то ни было другой. За последние две недели дракониха здорово подросла и стала теперь выше Эрагона. Он обнаружил, что ямка в том месте, где соединяются шея и плечи, как бы специально создана для седока, и часто усаживался на Сапфиру верхом, ласково почесывая ей шею и объясняя значения разных слов. Вскоре она не только отлично его понимала, но делала по поводу некоторых его высказываний собственные замечания.

Эрагону эта часть его жизни приносила огромную радость. Сапфира оказалась не только удивительно умной, но и на редкость самостоятельной. Ей было свойственно на все иметь свою точку зрения, и порой ее взгляд на вещи казался Эрагону совершенно чуждым людским понятиям, но тем не менее они отлично понимали друг друга – даже без слов, на значительно более глубоком духовном уровне. Действия и высказывания Сапфиры постоянно открывали в ее характере что-то новое для Эрагона. Однажды она, например, поймала орла, но ест птицу не стала, а выпустила на свободу, сказав: «Ни один небесный охотник не должен окончить дни свои, став жертвой другого небесного охотника. Лучше умереть, гордо паря на крыльях ветра, чем быть навечно пришпиленным к земле!»

Эрагон, естественно, отказался от своего намерения показать Сапфиру Гэрроу и Рорану в связи, во-первых, с намерением брата временно перебраться в Теринсфорд, а во-вторых, с осторожным заявлением самой Сапфиры, которая категорически не желала, чтобы ее видел еще кто-то, кроме самого Эрагона. Собственно, и сам Эрагон по-прежнему боялся сообщать семье о существовании Сапфиры, понимая, что на его голову тут же посыплются упреки, обвинения и требования немедленно от драконихи отделаться. Так что он тоже изо всех сил оттягивал этот неприятный момент, убеждая себя, что подождет какого-нибудь благоприятного знамения, а уж потом откроет свою тайну.

Ночью, накануне отъезда Рорана, Эрагон зашел к нему в комнату, желая напоследок поговорить с братом по душам. В коридор из неплотно прикрытой двери в его комнату падала полоска неяркого света. На столике у кровати горела масляная лампа, длинные тени лежали на стенах, на опустевших полках. Роран стоял к нему спиной, увязывая в узел свои пожитки; спина его выглядела очень напряженной. Вдруг, перестав собираться, он взял в руки что-то, лежавшее на подушке. Это был блестящий, отполированный водой и временем красивый камешек, который Эрагон когда-то давным-давно ему подарил. Роран хотел было сунуть камень в узел с вещами, но потом, видно раздумав, положил его на полку. Почувствовав в горле какой-то болезненный комок, Эрагон не решился его окликнуть, повернулся и снова незаметно выскользнул в коридор.



## Чужаки в Карвахолле

Завтракали они кое-как, но чай был, как всегда, горячий. За ночь на оконных стеклах вырос довольно толстый слой льда, и, когда растопили очаг, лед растаял и теперь стекал на дощатый пол, оставляя темные лужицы. Эрагон смотрел на Гэрроу и Рорана, стоявших у кухонной плиты, и с легкой грустью размышлял о том, что, возможно, в последний раз видит их вместе перед долгой разлукой.

Наконец Роран сел на стул и принялся зашнуровывать башмаки. Тяжелый заплечный мешок уже стоял рядом наготове. Гэрроу, засунув руки глубоко в карманы, понуро возвышался над сыном. Рубаха висела на нем мешком; кожа казалась серой.

– Все взял? – спросил он.

– Да вроде бы.

Гэрроу кивнул и вытащил из кармана маленький кошелек и сунул Рорану; в кошельке звякнули монеты.

– Я специально это скопил. Для тебя. Тут, правда, немного, но на пряники хватит.

– Спасибо, отец, только я деньги на пряники тратить не стану, – ответил Роран.

– Это дело твое. Деньги тут небольшие, – сказал Гэрроу, – но мне больше нечего тебе дать. Разве что отцовское благословение, если хочешь. Да только стоит оно немного.

Роран низко поклонился ему и с волнением ответил:

– Для меня большая честь – получить твое благословение, отец!

– Ну, так оно твое. Ступай себе с миром. – И Гэрроу, благословив сына, поцеловал его в лоб, обернулся к Эрагону и сказал – может быть, чуть громче, чем нужно: – Ты не думай, сынок, я и тебя не забыл. Я вам обоим вот что хочу сказать, раз пришла вам пора в широкий мир выходить: следуйте моим советам, они вам очень даже пригодятся. Во-первых, не позволяйте никому вами командовать и никого к себе в душу не пускайте. Ежели кто в ваши тайные мысли сможет проникнуть, так запросто свяжет вас такими оковами, которые крепче рабских. Лучше собственное ухо отдать, чем кого-то в душу к себе впустить. Советую вам также выказывать всяческое почтение к людям богатым и благородным, но не стоит слепо следовать их приказам. Имейте свою голову на плечах, судите здраво, но вслух своих сомнений и суждений старайтесь не высказывать.

Никого не считайте выше себя, каково бы ни было положение этого человека. Есть бедняки, перед которыми не грех и голову склонить. Ко всем относитесь справедливо, иначе люди начнут вам мстить. В расходах будьте осторожны. Крепко держитесь своей веры и своих представлений о чести, и другие станут относиться к вам с уважением. – Гэрроу говорил медленно, четко произнося каждое слово. – Ну, а в том, что касается любви... Тут я вам одно могу посоветовать: всегда будьте честными. Честность и справедливость – вот ваши главные инструменты, только с их помощью вы сумеете и чье-то сердце завоевать, и чье-то прощение заслужить. Пожалуй, это и все. – Гэрроу умолк, явно гордясь произнесенной речью.

Немного помолчали. Потом Гэрроу поднял с пола мешок Рорана и сказал:

– А теперь тебе пора, сынок. Вскоре солнце взойдет, да и Демптон поди тебя заждался.

Роран вскинул мешок на спину и обнял отца.

– Я постараюсь вернуться как можно скорее, – пообещал он.

– Вот и хорошо! – откликнулся Гэрроу. – Ступай, ступай и не тревожься о нас.

Но расставаться все же не хотелось. Эрагон и Роран сошли с крыльца и снова остановились. Роран помахал отцу рукой, и Гэрроу тоже поднял в прощальном жесте свою костлявую руку и улыбнулся, но взгляд его был мрачен. Он еще долго стоял на пороге, глядя, как его сын и племянник идут по тропе, потом резко повернулся и ушел в дом, громко хлопнув дверью. Услыхав этот резкий звук, Роран и Эрагон остановились.

Эрагон оглянулся и посмотрел на ферму. Он словно впервые увидел ее: их дом и невысокие пристройки отсюда выглядели довольно убогими и какими-то беззащитными. Тонкая струйка дыма, поднимавшаяся над крышей, была, казалось, единственным признаком сохранившейся здесь жизни.

– Вся наша жизнь – здесь! – неожиданно серьезным тоном промолвил Роран.

Эрагон даже поежился, так мрачно прозвучал его голос, и нетерпеливо буркнул:

– И, между прочим, не такая уж плохая она, наша жизнь!

Роран кивнул, соглашаясь с ним, выпрямился и двинулся навстречу своей новой удаче. Стоило им спуститься с холма, и ферма скрылась из виду.

В Карвахолл они пришли совсем рано, но двери кузни были уже распахнуты настежь. Навстречу пахло благодатным теплом. Балдор медленно качал огромные мехи, в огромной каменной плавильне пылали угли. Рядом с плавильней высилась черная наковальня и стояла обитая железом лохань с соляным раствором. С прочных металлических штырей, вбитых в стены, свисали различные инструменты: клещи, плоскогубцы, молотки всевозможных размеров и форм, долота и стамески, угольники, пробойники, напильники, рашпили, металлические сита и стальные балки, ждущие перековки, тиски, кирки и заступы... У длинного рабочего стола стояли Хорст и Демптон.

Демптон шагнул навстречу вошедшим юношам, из-под его огненно-рыжих усов сияла улыбка:

– Роран! Рад, что ты пришел. Похоже, работы на мельнице будет больше, чем я даже с помощью новых жерновов сделать смогу. Ну что, ты готов?

Роран поправил заплечный мешок и сказал:

– Готов. Скоро выходим?

– Мне еще нужно кое-что сделать, но это недолго: через час отправимся. – Эрагон неловко переступал с ноги на ногу рядом с ними. Демптон повернулся к нему и, крутя кончик уса, весело сказал: – Ага, а ты, должно быть, Эрагон? Я бы, конечно, и тебе работу предложил, но пока что у меня только для Рорана место нашлось. Может, годика через два, хорошо?

Эрагон смущенно улыбнулся и кивнул. Этот мельник явно был человеком незлым и дружелюбным. При иных обстоятельствах он бы Эрагону, пожалуй, даже понравился, но сейчас ему хотелось одного: чтобы Демптон никогда в Карвахолле не появлялся.

– Вот и хорошо. – И мельник снова повернулся к Рорану. Они заговорили о том, как работает мельница и что Рорану придется делать.

– Все готово, – прервал их беседу Хорст, указывая на стол, где лежали какие-то свертки. – Можешь хоть сейчас забирать. – Он пожал Демптону руку и вышел из кузни, сделав Эрагону знак следовать за ним.

Сгорая от любопытства, Эрагон вышел на улицу. Кузнец ждал его, скрестив руки на груди. Эрагон, не оборачиваясь, оттопыренным большим пальцем указал через плечо в сторону кузни и спросил:

– Что ты о нем думаешь, Хорст?

– Хороший человек, – пророкотал Хорст. – Они с Рораном отлично поладят. – Он принялся было отряхивать фартук от металлических опилок, потом, будто что-то вспомнив, положил руку Эрагону на плечо и тихо сказал: – Слушай, парень, ты помнишь, как тогда со Слоаном схватился?

– Если ты насчет долга, то я о нем не забыл, – быстро сказал Эрагон.

– Нет, что ты, я тебе верю. Я просто хотел спросить: тот синий камень все еще у тебя?

Сердце у Эрагона тут же ушло в пятки. С чего это Хорсту вдруг понадобилось спрашивать о камне? Неужели кто-то видел Сапфиру? Изо всех сил стараясь держать себя в руках, Эрагон спокойно ответил:

– Да, он у меня, а почему ты спрашиваешь?

– Как только вернешься домой, сразу же его выброси! – быстро сказал Хорст и тут же прибавил: – Сюда вчера двое приезжали. Странные такие, все в черном и с мечами. У меня просто мурашки по спине побежали, стоило на них взглянуть. Они все по деревне ходили и спрашивали, не находил ли кто такой камень, как у тебя. Они и сегодня с утра у каждого встречного об этом спрашивают. (Эрагон побледнел.) Я думаю, никто, у кого хоть капелька разума сохранилась, ничего им, конечно, не скажет. Люди сразу беду почуяли. Да только есть кое-кто, за кого я бы уж точно не поручился. Этот, пожалуй, все выложит, если ему денег предложат.

Ужас ледяной рукой сжал сердце Эрагона. Значит, те, что спрятали яйцо дракона в горах Спайна – кто бы они ни были, – все-таки выследили его путь! А может, слугам Империи уже и о существовании Сапфиры стало известно? Эрагон растерялся. «Думай! Думай!» – приказывал он себе. А впрочем, яйцо-то исчезло! И теперь у этих людей нет никакой возможности его обнаружить. Но если они знают, что это было именно яйцо... то сразу же поймут, что с ним случилось! Господи, Сапфире грозит опасность!

Эрагону потребовалось все самообладание, чтобы не показать, как он взволнован.

– Спасибо, что предупредил, – сказал он Хорсту. – А ты не знаешь, где эти люди сейчас? – Он гордился тем, что голос его звучит вроде бы совсем спокойно.

– Жаль, что я тебе еще вчера не сказал, – искренне огорчился кузнец. – Так ведь я думал, ты и сам с этими людьми встретиться захочешь. Но раз ты их опасаясь, то лучше поскорей уходи из Карвахолла! Ступай поскорее домой!

– Хорошо, – кивнул Эрагон, стараясь его успокоить, – раз ты так считаешь, я сразу и пойду.

– Да, я так считаю. – Хорст явно испытал некоторое облегчение. – Может быть, я преувеличиваю, да только не нравятся мне эти чужаки! И лучше бы тебе отсидеться дома, пока они отсюда не уберутся. А я постараюсь сделать так, чтобы они к вам на ферму и носа не сунули. Хотя это, наверное, тоже может у них нехорошие подозрения вызвать.

Эрагон смотрел на него с благодарностью. «Жаль, что нельзя рассказать ему о Сапфире!» – думал он.

– Знаешь, я, пожалуй, сейчас домой пойду, – сказал он Рорану, пожимая ему на прощание руку. – Желаю тебе счастливого пути!

– Может, все-таки проводишь меня еще немного? – спросил Роран, удивляясь его внезапному решению.

Почему-то вопрос брата показался Эрагону удивительно смешным.

– Да мне тут и делать-то нечего! И потом... Знаешь, не хочу я вашего ухода дожидаться.

– Ну ладно, – с сомнением вздохнул Роран. – Мы, наверное, теперь несколько месяцев не увидимся.

– Ничего, разлука быстро пролетит, быстрее, чем кажется, – подбодрил его Эрагон. – Береги себя и поскорей возвращайся. – Он обнял Рорана и пошел прочь.

Хорст по-прежнему стоял посреди улицы, и Эрагон, понимая, что кузнец наблюдает за ним и ждет, когда он покинет селение, решительно зашагал по дороге, якобы направляясь на ферму. Но как только кузница скрылась из виду, он нырнул вбок, прячась за одним из последних домов, и тайком вернулся в Карвахолл.

Прячась за домами, он внимательно осматривал каждый проулок, прислушивался к каждому звуку, жалея, что лук остался дома. Он крался по деревне, старательно избегая встреч с людьми, и наконец услышал то, что хотел. Голос чужака доносился из-за соседнего дома. Даже не голос, а какой-то неприятный свистящий шепот. И хотя слух у Эрагона был отличный, ему пришлось изрядно напрячься, чтобы расслышать, что именно говорит этот человек.

– Когда это произошло? – Казалось, во рту у говорившего не язык, а смазанное маслом стекло – слова с легким шипением, от которого у Эрагона даже мурашки по спине поползли, выкатывались из его уст, точно камешки-голыши.

– Месяца три назад, – нормальным человеческим голосом ответил кто-то, и Эрагон узнал голос Слоана.

«Клянусь кровью проклятых шейдов! Вот мерзавец! Зачем ему понадобилось рассказывать чужакам о... Да я его просто прикончу, попадись он мне еще раз!»

Тут заговорил кто-то третий. Этот не шипел, но голос его, звучащий хрипловато, был настолько мрачен, что в голову невольно лезли мысли о жестоких недугах, о смерти и прочих неприятных вещах, о которых лучше даже и не вспоминать:

– Ты уверен? Нам бы очень не хотелось узнать, что ты ошибся. Но если все же это ошибка, то последствия ее будут для тебя в высшей степени... неприятными.

Эрагон прекрасно представлял себе, что могут сделать слуги Империи с тем, кто их обманул. Да кроме них никто и не стал бы запугивать человека подобным образом! Так что вряд ли он ошибается: тот, кто спрятал драконье яйцо в горах Спайна, наверняка достаточно могуществен, чтобы безнаказанно пользоваться своей властью и силой.

– Да, я уверен. Тогда оно было у него. Я не лгу! У нас многие об этом камне знают. Пойдите и спросите... – Слоан был явно испуган. Он пробормотал что-то еще, но этого Эрагон не расслышал.

– Они оказались довольно... нелюбезными, – насмешливо возразил на его слова мрачный собеседник. И, помолчав, прибавил: – Впрочем, твои сведения были очень ценны для нас. Мы этого не забудем.

«Господи, еще бы!» – Эрагон поверил каждому слову этого чужака.

Слоан снова что-то пробормотал, и Эрагон услышал его удаляющиеся торопливые шаги. Он осторожно выглянул из-за угла, желая понять, что происходит, и увидел посреди улицы двух высоких мужчин в длинных черных плащах. Мечи в ножнах, оттопыривая плащи, висели у обоих на поясе. Воротники рубаш были украшены прихотливой вышивкой, сделанной серебряной нитью. Похоже, какие-то буквы, решил Эрагон. Лица чужаков скрывались в тени глубокого надвинутых капюшонов; руки были в перчатках, а спины казались странно горбатыми, словно под одеждой они спрятали подушки.

Эрагон высунулся чуть дальше из-за угла дома, желая получше разглядеть чужаков, и вдруг один из них замер, потом каким-то странным, нечеловеческим голосом что-то проворчал своему спутнику. Оба резко обернулись и, опустившись на четвереньки, бесшумно бросились в его сторону. От ужаса Эрагон затаил дыхание, будучи не в силах отвести взор от лиц, скрывавшихся в тени капюшонов. Какая-то странная сила сковала его мысли, лишив способности двигаться. Он пробовал сопротивляться, мысленно приказывая себе: «Беги же! Беги!» Ноги у него дрожали от страха, но отказывались повиноваться. Он прекрасно понимал, что теперь они уже видят его лицо, ведь они подошли к нему уже почти вплотную, на ходу вытаскивая из ножен мечи...

– Эрагон!

Он вздрогнул, услышав собственное имя. Чужаки так и замерли, отвратительно шипя. А откуда-то из бокового проулка вдруг вынырнул Бром и бросился к Эрагону. Старик был без шапки и с посохом в руке. Чужаков ему видно не было – их скрывал угол дома, и Эрагону очень хотелось предупредить Брома об опасности, но язык и руки по-прежнему его не слушались.

– Эрагон! – снова крикнул Бром.

Чужаки, в последний раз злобно глянув на Эрагона, отступили и мгновенно исчезли между домами.

Эрагон без сил рухнул на землю. Он весь дрожал, на лбу выступили капельки пота, ладони были влажными и липкими. Старый Бром помог ему подняться, протянув свою вполне еще сильную руку.

– Да ты совсем больным выглядишь! Что это с тобой?

Эрагон судорожно сглотнул, но ответить не смог. Глаза его беспомощно метались в поисках каких-нибудь необычных следов, оставленных отвратительными незнакомцами.

– Ничего страшного, – наконец сумел выговорить он. – Просто голова вдруг немного закружилась. Но теперь уже все прошло. Вот странно! С чего бы это?

– Бывает, – заметил Бром. – Но тебе лучше бы прямо сейчас домой пойти.

«Да, мне очень надо поскорее попасть домой! – думал Эрагон. – Мне надо успеть туда, прежде чем они доберутся до Сапфиры!» А вслух он сказал:

– Наверное, ты прав. Может, я заболел?

– Так или иначе поскорее ступай домой! Путь тебе, правда, предстоит неблизкий, но я уверен: тебе сразу станет лучше, как только ты до дому доберешься. Давай-ка я тебя до дороги провожу.

Эрагон не протестовал, и Бром взял его за руку и быстро повел прочь от селения, поскрипывая посохом, утопавшим в снегу.

– А зачем ты меня искал? – спросил Эрагон.

– Да просто так, – пожал плечами Бром. – Узнал, что ты в Карвахолле, и решил спросить, не вспомнил ли ты имя того купца.

«Какого купца? О чем это он?» Эрагон с недоумением уставился на старика, и, разумеется, его растерянность не могла ускользнуть от внимательных глаз Брома.

– Ах да! – Он вспомнил, что тогда соврал Брому. – Боюсь, я так и не смогу тебе ничего нового сказать.

Бром грустно покивал головой и вздохнул, словно этими словами Эрагон подтвердил какую-то его догадку; потом он потер свой орлиный нос и предложил:

– Ну, если вспомнишь... зайди ко мне, ладно? Уж больно мне интересно, что это за купец такой, раз он так много о драконах знает!

Эрагон рассеянно кивнул. Некоторое время они шли молча, но, выйдя на дорогу, Бром снова сказал:

– Поспешి домой, Эрагон! По-моему, тебе больше нигде не стоит задерживаться. – И он протянул Эрагону руку с узловатыми старческими пальцами.

Эрагон машинально пожал ее и вдруг почувствовал, как шероховатая ладонь старика зацепилась за его перчатку. Перчатка, свалившись с руки, упала на землю, и Бром быстро поднял ее с извинениями:

– Ах, какой я неловкий!

Он протянул перчатку Эрагону, и, когда тот стал ее надевать, сильные пальцы старика вдруг стиснули его запястье. Бром ловко перевернул его руку ладонью вверх. На ладони отчетливо виднелось серебристое пятно. Глаза Брома сверкнули, однако он молча позволил Эрагону отдернуть руку и сунуть ее в перчатку.

– Прощай, – пробормотал Эрагон, вконец смутившись, и со всех ног припустил по дороге к ферме, слыша, как Бром у него за спиной насвистывает какую-то веселую мелодию.

## Полет судьбы

Отчего-то страшно встревоженный, Эрагон изо всех сил спешил к дому, не желая останавливаться, даже когда совсем начинал задыхаться. Башмаки его так и грохотали по обледенелой дороге. На бегу он попытался мысленно связаться с Сапфирой, но она, видимо, была где-то далеко и не откликалась. А еще он думал, что скажет Гэрроу. Впрочем, теперь уже выбора не оставалось: ему придется показать Сапфиру.

Домой он прибежал, совершенно запыхавшись, с бешено бьющимся сердцем. И сразу увидел Гэрроу, стоявшего возле конюшни. «Стоит ли рассказывать ему все прямо сейчас? – колебался Эрагон. – Он ведь все равно мне не поверит, пока не увидит Сапфиру. Наверное, все же лучше сперва отыскать ее». И он незаметно скользнул за угол и помчался к лесу.

«Сапфира!» – мысленно призывал он свою воспитанницу.

«Иду!» – донеслось издалика.

Одного этого слова Эрагону было достаточно, чтобы понять, как сильно она встревожена. Он с нетерпением ждал, хотя ждать пришлось недолго: вскоре над головой послышался знакомый шум крыльев. Дракониха приземлилась, выдыхая густые клубы дыма.

«Что случилось?» – мысленно спросила она.

Эрагон коснулся ее плеча и закрыл глаза, стараясь успокоиться. Потом быстро рассказал ей о том, что произошло в Карвахолле. Стоило ему упомянуть о тех чужаках, и Сапфира, вздрогнув, яростно хлестнула хвостом, попав Эрагону прямо по голове. Страшно удивленный, Эрагон отшатнулся и успел присесть, когда огромный хвост снова с силой ударил по земле, подняв настоящую метель. Жажда крови и ужас, исходившие от Сапфиры, были так сильны, что Эрагону стало не по себе.

«Пожар! Погибель! Смертельные враги! Убийцы!» – примерно так звучали ее мысли.

«В чем дело?» Он постарался задать этот простой вопрос как можно спокойнее, но она его не слышала. Ее душа, казалось, отгородилась ото всего света железной стеной.

Сапфира снова взревела и провела когтями по заснеженной земле, оставляя глубокие борозды. Из-под ее лап так и летели комья промерзшей глины.

«Прекрати! Гэрроу услышит!» – просил ее Эрагон.

«Клятвы нарушены! Души загублены! Дракони яйца разбиты вдребезги! Повсюду кровь, кровь! Убийцы!»

Эрагон лихорадочно пытался сообразить, как утихомирить разбушевавшуюся Сапфиру, опасливо поглядывая на ее хвост. Когда хвост снова промелькнул в опасной близости от него, он, прижавшись к боку драконихи, ухватился за один из острых выступов у нее на спине и вскочил в ту самую ямку у основания драконьей шеи, где никаких шипов не было. Обхватив ее руками, он мысленно молил и приказывал:

«Довольно, Сапфира! Довольно! Успокойся!» – Вдруг ее гнев сразу улегся. Эрагон ласково погладил драконику по чешуйчатой шкуре, приговаривая: – Все будет хорошо, Сапфира, вот увидишь».

Она присела, взмахнула крыльями и взвилась в воздух.

Эрагон пронзительно вскрикнул, увидев, что они уже поднялись над вершинами деревьев и земля осталась далеко внизу. Восходящий поток воздуха подхватил их и завертел с такой силой, что перехватывало дыхание. Сапфира, не обращая ни малейшего внимания на своего перепуганного седока, летела в сторону Спайна. Внизу мелькнула ферма и река Анора. Желудок Эрагона судорожно содрогнулся. Он изо всех сил обнял Сапфиру за шею, все свое внимание сосредоточив на синих чешуях, что торчали прямо у него под носом, и с трудом сдерживая тошноту, а драконику все набирала и набирала высоту. И только когда полет ее наконец выровнялся, Эрагон осмелился чуточку оглядеться.

Здесь было так холодно, что у него даже ресницы заиндевели. До гор они добрались куда быстрее, чем он способен был себе вообразить. С высоты горные вершины выглядели в точности как острые зубы хищного зверя, ждущего любой возможности, чтобы до костей обглодать свою жертву. Когда Сапфиру неожиданно качнуло порывом ветра, Эрагон чуть не свалился с нее и с отвращением вытер губы, чувствуя на них жгучий привкус желчи.

Прижавшись щекой к колючей шее драконихи, он молил:

«Давай полетим назад, Сапфира! Те чужаки в черном вот-вот на ферму заявятся. Нам необходимо предупредить Гэрроу! Поворачивай!»

Но она не отвечала, и при каждой попытке мысленно связаться с нею Эрагон тут же наталкивался на непреодолимую стену чудовищного страха и гнева. Тщетно пытался он сокрушить те доспехи, под которые она спрятала от него свою душу. Слушать его Сапфира не желала.

Вскоре их уже со всех сторон окружали убеленные снегами вершины гор, и монотонность этого белого безмолвия нарушали лишь острые скалы да гранитные утесы. Синие ледники сползали по склонам, точно замерзшие реки. Далеко внизу были видны длинные и узкие горные долины и бездонные пропасти. Порой под ними слышался тревожный писк перепуганных птиц, а потом Эрагон увидел целое стадо мохнатых горных коз, вспугнутых Сапфирой и легко прыгавших с уступа на уступ.

Эрагона жутко укачало; при любом резком движении мощных крыльев Сапфиры или повороте головы его тут же сносило вбок, так что приходилось еще крепче цепляться ей за шею. Дракониха казалась совершенно неутомимой. «Похоже, мы так и всю ночь лететь будем», – горестно думал Эрагон. Наконец, уже в полной темноте, Сапфира резко снизила высоту полета почти над самой землей.

Они летели вдоль узкой горной долины, заросшей лесом. Впереди Эрагон увидел небольшую поляну, к которой, видимо, и направлялась Сапфира. Она неторопливо покружила над вершинами деревьев, затем, сильно отклонившись назад, приняла почти вертикальное положение и приземлилась на мощные задние лапы, содрогнувшись от резкого торможения и опустившись на четвереньки, чтобы сохранить равновесие. Эрагон тут же скатился с ее спины, не ожидая, пока она сложит крылья.

Он попытался было встать, но колени у него подогнулись, и он упал на жесткий наст, ободрав щеку. Ноги тут же свело мучительной судорогой; у него даже слезы на глазах выступили от боли. Казалось, каждая клеточка его тела дрожит мелкой дрожью – так он устал судорожно цепляться за шею драконихи. Эрагон заставил себя перевернуться на спину и так расслабиться, вытянув в стороны руки и ноги. Потом сел и увидел, что его теплые шерстяные штаны на ляжках потемнели от крови. Встревоженный, он стащил с себя штаны – пальцы тут же стали липкими – и поморщился: внутренняя часть бедер представляла собой сплошную кровавую рану. Кожа была начисто стесана острой чешуей Сапфиры. Эрагон, постанывая, осторожно ощупал раны, но перевязать их было нечем, и пришлось снова натянуть мокрые от крови штаны – все-таки мороз здорово кусался. Когда грубая ткань коснулась изодранных ног, он даже вскрикнул. Сидеть оказалось совершенно невозможно, но и стоять он тоже толком не мог: ноги не держали.

Ночной мрак скрывал окрестные горы, и местность казалась Эрагону совершенно незнакомой. Он понимал, что находится в горах Спайна, но не знал точно, где именно, и рядом с ним была обезумевшая от страха дракониха. «Интересно, далеко ли она занесла меня да еще в самый разгар зимы, – думал он. – Мало того, что я не в состоянии сделать ни шагу, так ведь тут и спрятаться негде. Уже ночь, а утром нам просто необходимо вернуться на ферму! Значит, придется снова лететь верхом на Сапфире. Господи, да я этого просто не вынесу! – Эрагон горестно вздохнул и вдруг подумал: «Жаль, что Сапфира еще не умеет выдыхать огонь!» И тут он вдруг увидел, что дракониха устроилась у него под боком, свернувшись клубком. Прикоснувшись к ней, он почувствовал, что она вся дрожит. Стена, отгораживавшая от него ее мысли,

исчезла, и теперь он отчетливо ощущал ее страх. Разумеется, он тут же принялся утешать свою питомицу, а потом спросил:

«Почему эти чужаки так напугали тебя?»

«Убийцы!» – прошипела она в ответ.

«Значит, Гэрроу в опасности! Зачем же ты потащила меня в это дурацкое путешествие? Неужели ты не в силах нас защитить?»

Глубоко в глотке драконихи послышалось сердитое клокотанье, и она обнажила клыки.

«Ах, у тебя, оказывается, есть клыки? Но если ты считаешь, что вполне способна сразиться с врагом, так чего ж тогда от него бежала?» – поддразнил ее Эрагон.

«Смерть расползается, как яд, все отравляя вокруг».

Подавляя собственное отчаяние, Эрагон заглянул ей в глаза, стараясь держаться как можно бодрее.

«Ах, Сапфира, ты только посмотри, куда мы залетели! Солнце давно село, и ты так долго летела, что у меня на ляжках живого места не осталось. Ты своей чешуей мне всю кожу чуть не до костей ободрала. Я так рыбу чищу! – попытался пошутить он. – Скажи, ты хотела меня за что-то наказать?»

«Нет».

«Тогда зачем же ты это сделала?» И он тут же почувствовал, что она весьма сожалеет о том, что сделала ему больно, но отнюдь не о своем поступке.

А потом дракониха и вовсе замкнулась, явно не желая продолжать этот разговор. Было так холодно, что Эрагон совершенно не чувствовал собственных ног. Впрочем, и боли тоже не чувствовал. Отлично понимая, что запросто может замерзнуть, он решил переменить тактику.

«Слушай, Сапфира, я ведь замерзну насмерть, если ты не устроишь мне хоть какой-нибудь шалаш или не принесешь дров, чтобы я мог развести костер и как-то согреться. Сойдет даже охапка сосновых веток».

Она, похоже, была рада тому, что он перестал ее упрекать.

«Костер тебе не нужен. Я укурю тебя своими крыльями, и мой внутренний огонь тебя согреет».

Эрагон устало уронил голову на грудь.

«Хорошо. Только сперва соскреби снег с земли – так нам обоим теплее будет», – предложил он ей.

В ответ Сапфира устроила настоящую метель и одним движением мощного хвоста расчистила для них подходящее местечко. Еще взмах хвоста – и в воздух взлетели куски льда и комья промерзшей земли. Эрагон с отвращением посмотрел на приготовленное драконихой каменистое «ложе».

«Помоги-ка мне встать», – попросил он Сапфиру, и она тут же склонилась над ним.

Ее огромные глаза цвета драгоценного сапфира с тревогой смотрели на него. Обхватив рукой один из острых костяных шипов у нее на спине, он приподнялся, и она осторожно подтащила его к расчищенному клочку земли. Стукаясь о камни, Эрагон чуть не терял сознание от боли; перед глазами у него точно яркие звезды вспыхивали, и он испытал огромное облегчение, когда Сапфира вновь опустила его на землю и легла рядом, прижавшись к нему своим теплым брюхом. Чешуя на брюхе была не такой крупной и колючей, как на спине. Расправив свое правое крыло, дракониха с головой накрыла им Эрагона, и он оказался точно в шатре. И сразу почувствовал, что быстро согревается.

Руки из рукавов куртки он вынул, а пустые рукава обвязал вокруг шеи – так было еще теплее. Обхватив себя под курткой руками, он впервые за все это время почувствовал, что живот у него сводит от голода. Но куда мучительнее была другая мысль, гвоздем сидевшая в голове: успеет ли он вернуться на ферму до того, как туда явятся те чужаки? А если не успеет, что будет тогда? «Даже если я смогу заставить себя снова сесть верхом на Сапфиру, – думал



он, – мы в лучшем случае сумеем вернуться назад не раньше полудня. А те, в черном, конечно же, пожелают на ферму еще с утра».

Он закрыл глаза, чувствуя, как по щекам катятся горькие слезы. «Что же я натворил?!» – думал он, чувствуя себя безмерно виноватым.

## Время неведения

Утром ему показалось, что небо упало на землю – так близко был его голубой купол. Еще не совсем проснувшись, он осторожно вытянул руку, и пальцы его тут же коснулись бархатистой кожистой перепонки. Он даже не сразу понял, что спал под крылом у дракона. Чуть повернув голову, он увидел знакомый чешуйчатый бок и медленно распрямил ноги. Всю ночь он проспал в позе зародыша, и теперь, стоило ему пошевелиться, чуть подсохшие раны вновь дали о себе знать резкой болью. Правда, боль все же по сравнению со вчерашним днем стала немного слабее, но было страшно даже подумать о том, что придется встать на ноги и куда-то идти. В животе урчало от голода, ведь со вчерашнего утра он ничего не ел.

Собравшись с силами, Эрагон тихонько шлепнул ладонью по чешуйчатому боку Сапфиры и крикнул:

– Эй! Вставать пора!

Дракониха завозилась, сложила крылья, и в лицо Эрагону ударил слепящий солнечный свет. Он даже зажмурился. Рядом с ним Сапфира потягивалась и зевала, точно огромная кошка, демонстрируя ряды сверкающих белоснежных зубов. Когда глаза Эрагона немного привыкли к яркому свету, он, присмотревшись, понял, где они находятся. Прекрасные, но незнакомые горы окружали их со всех сторон; их западные склоны таились в глубокой тени. По краю поляны вилась, исчезая в лесу, тропа, и оттуда доносился приглушенный шум горного ручья.

Постанывая, Эрагон встал, с трудом, шатаясь и неловко переставляя ноги, добрался до ближайшего дерева и прислонился к нему, уцепившись обеими руками за ветку. Потом всем своим весом налег на эту ветку, и она не сразу, но поддалась. С громким треском он отломил ее, очистил от сучков и тот конец, где была развилка, пристроил себе под мышку как костыль, а вторым крепко оперся о землю. С помощью этого костыля он, прихрамывая, дополз до ручья, проломил наросший за ночь у берега ледок и, горстью зачерпнув ледяную обжигающую воду, наконец-то вдоволь напился. Возвращаясь на поляну, он по вершинам гор сумел немного сориентироваться и приблизительно представить себе, в какой части Спайна они очутились.

Это было, в общем, недалеко от тех мест, где он нашел драконье яйцо. Эрагон тяжело прислонился к дереву, покрытому жесткой корой. Да, точно, он не ошибся: вон и те сероствольные сосны, которые во время того странного пожара лишились хвои... «Интересно, неужели Сапфира знает, где было найдено ее яйцо? – гадал Эрагон. – Но как она может это помнить? А может быть, это моя память помогла ей отыскать сюда путь?»

Сапфира уже поджидала его.

«Ты отнесешь меня домой? – спросил он. (Она молчала, склонив голову набок и задумчиво на него глядя.) – Я понимаю, тебе совсем не хочется возвращаться, но мы должны помочь Гэрроу! Мы оба очень ему обязаны. Он всегда относился ко мне, как к родному сыну, заботился обо мне – а значит, и о тебе. Неужели тебе на это наплевать? Нам ведь самим будет стыдно потом, если мы бросим его в беде и спрячемся, как подлые трусы! А потом будут рассказывать поучительную историю о трусливом Всаднике и его не менее трусливом драконе! Знаешь, если уж нам предстоит сразиться с врагом, давай повернемся к нему лицом и не будем прятаться в скалах, точно перепуганные кролики. Ты ведь сильная и большая, Сапфира! Ты – дракон! И даже проклятые шейды тут же обратятся в бегство, стоит им увидеть тебя!»

Эрагон хотел раззадорить Сапфиру, и это ему удалось. Трескучий рык вырвался у нее из глотки, а страшные зубищи клацнули в нескольких дюймах от его лица. Обнажив клыки, она гневно на него посмотрела, и из ноздрей ее вырвалось целое облако черного дыма. Эрагону стало не по себе, но он надеялся, что все-таки не зашел слишком далеко. И тут он услышал ее мысли; она прямо-таки кипела от гнева:

«Кровь за кровь! Мы будем сражаться вместе! Наши судьбы связаны неразрывно, но не стоит испытывать мое терпение, Эрагон! Я понимаю, что такое долг, и отнесу тебя назад, но учти: с нашей стороны очень глупо лететь туда! И очень опасно».

– Глупо или нет, – сказал Эрагон вслух, – а выбора у нас нет: мы должны помочь Гэрроу.

Разорвав пополам рубашку, он кое-как перевязал израненные ноги и осторожно взобрался Сапфире на спину.

«На этот раз, – мысленно попросил он, обнимая ее за шею, – лети, пожалуйста, пониже и побыстрее. Нам очень важно успеть вовремя».

«Держись крепче!» – предупредила она, и они стрелой взмыли в небеса. Поднявшись над лесом, Сапфира тут же выровняла полет и полетела, покачиваясь и едва не касаясь верхушек деревьев. Эрагона мгновенно укачало; он даже обрадовался, что целые сутки ничего не ел.

«Быстрее, еще быстрее!» – подгонял он Сапфиру.

Она ничего ему не отвечала, уверенно хлопая крыльями. Эрагон надеялся, что раны, перевязанные тряпками, будут все-таки меньше его беспокоить, но при малейшем движении ему казалось, что в ляжки впиваются чьи-то острые клыки. Он даже зажмурился и втянул голову в плечи. Скоро по ногам потекли горячие ручейки крови, и Эрагон «услышал» сочувственные мысли Сапфиры. Теперь она старалась лететь еще быстрее, изо всех сил работая крыльями. Земля стремительно проносилась внизу – словно кто-то выдергивал из-под них покрывало. «Наверное, – думал Эрагон, – с земли мы кажемся всего лишь крохотным пятнышком в бескрайнем небе».

До полудня было еще далеко, когда впереди завиднелась долина Паланкар. Над ее южной частью плотной стеной вздымались облака, на севере был хорошо виден Карвахолл. Сапфира начала плавно снижаться, а Эрагон во все глаза высматривал родную ферму. Когда он наконец ее увидел, сердце его сжалось от ужаса: над фермой поднимался столб черного дыма, в котором мелькали оранжевые языки пламени.

«Сапфира! Скорее! Спускайся прямо тут!»

Она сложила крылья и камнем ринулась вниз; ветер свистел у Эрагона в ушах – скорость была поистине угрожающей. Затем дракониха немного выровняла полет, направляясь к лесу.

«Нет, приземляйся в поле!» – велел ей Эрагон, покрепче ухватившись за чешуйчатую шею.

Когда они оказались всего в сотне футов от земли, Сапфира, удерживая равновесие взмахами могучих крыльев, устремилась вниз и тяжело приземлилась. От резкого толчка Эрагон невольно разжал руки и полетел носом вперед, здорово треснувшись о землю. Пошатываясь и хватая ртом воздух, он встал на ноги и огляделся.

Дом словно взорвали изнутри. Бревна и доски, некогда служившие стенами и крышей, были разбросаны широким полукругом, причем в некоторых местах дерево превратилось прямо-таки в опилки, словно его дробили гигантским молотом. Повсюду валялись обгорелые обломки домашней утвари и мебели. Несколько искореженных металлических кругов – вот и все, что осталось от кухонной плиты. Снег вокруг был усыпан осколками битой посуды и кирпичика от разрушенного камина. Густой жирный дым поднимался над амбаром, где еще вовсю бушевало пламя. Животные исчезли – то ли погибли, то ли разбежались.

– Дядя! – Эрагон с криком бросился на пепелище в поисках Гэрроу, но того нигде не было видно. – Дядя! – звал он, не слыша ответа.

Сапфира обошла вокруг дома и печально посмотрела на Эрагона.

«Здесь случилась большая беда», – мысленно сказала она.

– Этой беды могло бы не быть, если бы ты не убежала отсюда и не унесла бы меня с собою! – в гневе и отчаянии выкрикнул он.

«Тебя бы уже не было в живых, если бы мы тут остались».

– Ну и что? Ты посмотри на это! – еще громче завопил Эрагон. – Мы могли хотя бы предупредить Гэрроу! Это ты, ты виновата, что он не смог спастись! – И он так стукнул кулаком по какому-то обгорелому бревну, что ободрал костяшки пальцев. Закапала кровь, но он не обратил на это внимания и медленно пошел от дома к тропе, которая вела на дорогу, вглядываясь в следы на снегу. Следов было много, но он почему-то плохо их видел: глаза ему застилала какая-то странная пелена... «Неужели я слепну?» – мелькнула у него горькая мысль. Дрожащей рукой он коснулся щеки и понял, что плачет.

Какая-то тень накрыла его – это Сапфира склонилась над ним, укрывая его своими крыльями.

«Успокойся, тише, тише, нельзя терять голову. – Он с надеждой посмотрел на нее, и она прибавила: – Смотри внимательно: здесь одинаковые следы – один ведет от дороги к ферме, а второй – обратно; значит, Гэрроу не могли увести отсюда».

Эрагон внимательнее вгляделся в отпечатавшиеся на снегу следы двух пар кожаных башмаков: Сапфира была права. След к дому и обратно был один и тот же. И кто бы ни оставил этот след, глубина его тоже была одинаковой, стало быть, никакой ноши у поджигателей не было! И Гэрроу должен быть где-то здесь! Эрагон выпрямился и снова бросился к дому.

«А я поищу вокруг дома и в лесу», – сообщила ему Сапфира.

Разбрасывая кучу мусора, в которую превратилась теперь их уютная кухня, Эрагон добрался до таких бревен и досок, сдвинуть которые ему прежде было бы не под силу. Но теперь, словно по волшебству, тяжелые бревна сдвигались под его натиском как бы сами собой. Старинный буфет, совершенно изуродованный, явился несколько более сложным препятствием, однако же он справился и с буфетом, отшвырнув его обломки в сторону, и вдруг услышал за спиной странный шорох. Резко обернувшись, готовый к атаке, он посмотрел в ту сторону и увидел, как из-под обломков высунулась знакомая рука. Рука слабо шевельнулась, и Эрагон с криком вцепился в нее:

– Дядя! Дядя, ты меня слышишь?

Но ответа не последовало. Эрагон как бешеный принялся разбирать завал, не обращая внимания на впивавшиеся в ладони занозы. Он довольно быстро высвободил плечо и руку Гэрроу, но тут на его пути оказалась тяжелая балка. Он попробовал сдвинуть ее, подставив плечо и напрягшись всем телом, но ему это не удалось.

«Сапфира! Скорей сюда!» – мысленно окликнул он дракониху.

Та явилась мгновенно. Обломки так и трещали под ее могучими лапами. Не задавая лишних вопросов, Сапфира подперла балку плечом, когтями цепляясь за остатки пола. Мышцы ее напряглись, и балка со страшным скрежетом приподнялась. Эрагон тут же нырнул под нее и стал вытаскивать Гэрроу, который лежал на животе, распластанный рухнувшей на него балкой. Одежда его была разорвана, и в дыры виднелось окровавленное тело. Как только Эрагон высвободил Гэрроу из завала, Сапфира тут же отпустила балку, и та с треском рухнула на пол, сокрушая остатки досок.

Эрагон выволок Гэрроу из разрушенного дома и осторожно положил на снег. Совершенно растерянный, он нежно коснулся его щеки. Лицо Гэрроу было серым, безжизненным, кожа сухая и точно обожженная; губа рассечена, на скуле тоже глубокая рана, но это было далеко не самое страшное. Странные глубокие то ли раны, то ли ожоги покрывали все его тело. Края у ран были белыми, и из них сочилась прозрачная жидкость, издававшая тошнотворный запах гниющих фруктов. Гэрроу дышал часто, неровно, каждый выдох сопровождая мучительным стоном. Казалось, сама смерть сдавила ему грудь.

«Убийцы!» – услышал он мысли Сапфиры.

«Не говори так. Он ведь еще жив. Возможно, его даже можно спасти! Нужно только непременно отнести его к нашей целительнице, Гертруде. Хотя мне, конечно, до Карвахолла его не дотащить...»

Сапфира тут же мысленно предложила ему свое решение, изобразив Гэрроу висющим у нее под брюхом.

«Ты сможешь поднять нас обоих?» – спросил Эрагон.

«Я должна».

Эрагон принялся рыться в мусоре и в итоге раскопал подходящую доску и несколько кожаных ремней. Он велел Сапфире проковырять когтем дырки в каждом из четырех углов доски и продел в эти дырки ремни. Привязав доску к передним лапам драконихи, он проверил, крепко ли завязаны все узлы, и перекатил на доску Гэрроу. Привязывая его к доске, он заметил, что из дядиной руки выпал клочок черной ткани. Ткань была очень похожа на ту, из которой были сшиты плащи чужаков. Нахмурившись, Эрагон сунул тряпочку в карман, сел верхом на Сапфиру и даже глаза закрыл: все его тело содрогнулось от боли в израненных ногах.

«Давай!» – мысленно приказал он.

Дракониха подскочила, сильно оттолкнувшись задними ногами и оставляя на земле глубокие борозды. Казалось, крылья ее не в силах поднять такую тяжесть, но все же она медленно поднялась над землей. Все ее мышцы и сухожилия были напряжены до предела. В течение первых мучительных мгновений Эрагону даже показалось, что никуда они не полетят, но тут Сапфира вдруг совершила мощный рывок и взвилась к небесам. Когда они пролетали над лесом, Эрагон мысленно посоветовал ей:

«Лети вдоль дороги. Здесь в случае чего тебе всегда хватит места, чтобы приземлиться».

«Но меня могут увидеть», – возразила она.

«Теперь это уже не имеет значения!»

Она не стала спорить и полетела точно над дорогой, ведущей в Карвахолл. Доска с привязанным к ней Гэрроу страшно раскачивалась, и лишь тонкие кожаные ремешки удерживали его от падения.

Огромная тяжесть не позволяла Сапфире лететь достаточно быстро. Она явно выбилась из сил, голова ее тяжело обвисла, на губах выступила пена. Она старалась изо всех сил, но все же, когда до Карвахолла оставалась еще целая лига, сложила крылья и тяжело опустилась на дорогу, подняв задними ногами целый фонтан снега. Эрагон боком скатился с нее, стараясь не бередить свои раны. Потом, с трудом поднявшись на ноги, принялся отвязывать доску. Тяжелое дыхание Сапфиры заглушало все прочие звуки.

«Подыщи себе какое-нибудь безопасное место и отдохни, – велел ей Эрагон. – Я не знаю, сколько времени мы не сможем увидеться, так что придется тебе пока самой о себе позаботиться».

«Ничего, я тебя подожду», – ответила она.

Скрипя зубами от боли и напряжения, Эрагон потащил по дороге доску с привязанным к ней Гэрроу. Особенно трудными оказались первые несколько шагов. «Да не смогу я туда добраться!» – взвыл он в отчаянии, обращаясь к небесам, но все же двинулся дальше, страшно оскалившись и глядя в землю. Он старался идти как можно ровнее, опасаясь за жизнь Гэрроу, и при этом выдерживал настоящую битву с собственным измученным телом, ни в коем случае не желая быть побежденным. Время бежало с пугающей быстротой. Каждый шаг давался ему с невероятным трудом. В минуты отчаяния он думал: а вдруг и Карвахолла больше нет? Что, если эти чужаки и его тоже сожгли? Вдруг он услышал чьи-то крики и поднял голову, вглядываясь в заснеженную даль и морщась от боли.

К нему бежал Бром – глаза широко раскрыты, волосы растрепаны, на виске засохшая кровь. Он, как сумасшедший, махал руками и в итоге даже выронил свой посох. Ухватив Эрагона за плечи, он что-то громко ему внушал, но Эрагон лишь непонимающе хлопал глазами, не в силах сказать ни слова. Потом земля вдруг рванулась ему навстречу, во рту возник привкус крови, и он провалился во тьму.

## У постели умирающего

Сны завладели душой Эрагона, множась и живя по своим собственным законам.

Он видел, как группа всадников на горделивых скакунах выезжает на пустынный берег какой-то реки. Многие всадники совершенно седые, в руках у них – длинные копья. Всадников поджидает какой-то странный прекрасный корабль, сверкая в свете луны. Всадники медленно всходят на борт, и двое, более высокие, чем остальные, идут, поддерживая друг друга. Лица их скрыты под надвинутыми капюшонами, но Эрагон мог бы поклясться, что один из тех двоих, высоких, – женщина. Затем всадники выстраиваются в ряд на палубе корабля лицом к берегу. А на гальке, у самой воды, стоит одинокий мужчина, только он один не взошел на борт судна. И вдруг этот человек, откинув назад голову, издает долгий, исполненный страдания вопль. Но как только крик его смолкает, корабль тут же отчаливает от берега, легко скользя по водам реки, хотя вперед его не влекут ни надутые ветром паруса, ни мощные весла. И он уплывает вдаль меж низкими безлюдными берегами, плывет все дальше, дальше... И прежде чем все это видение скрывается в тумане, Эрагон мельком успевает заметить двух драконов, парящих в небесах.

Первое, что осознал Эрагон, когда пришел в себя, – это какой-то странный и упорный скрип. Открыв глаза, он увидел над собой крытую тростником крышу и понял, что скрипела именно она. Он лежал совершенно нагой и укутанный грубым, но очень теплым одеялом. Его израненные ляжки были заботливо перевязаны чистыми тряпицами.

Хижину он узнал не сразу. На столе стояли ступка с пестиком и какие-то плоски, лежали сухие травы и коренья. Со стен также свисали бесчисленные пучки трав и кореньев, наполняя воздух сильным пряным ароматом. В очаге пылал огонь, а перед очагом в старом забавном кресле-качалке сидела полная женщина. Ее Эрагон узнал: это была деревенская целительница Гертруда. Она сонно клевала носом, держа на коленях клубок шерсти и вязальные спицы.

Хотя Эрагон чувствовал себя совершенно обессиленным, он все же сел в постели и постарался припомнить то, что приключилось с ним в последние два дня, и первой его мыслью был Гэрроу, а второй – Сапфира. Господи, хоть бы она была сейчас в безопасности! Он попытался мысленно связаться с ней, но тщетно. Видимо, она находилась слишком далеко от Карвахолла. «Значит, это Бром дотащил меня до Карвахолла, – подумал Эрагон. – Интересно, а с ним ничего не случилось? У него ведь тоже вся голова была в крови!»

Гертруда встрепенулась и посмотрела на него своими совершенно ясными и какими-то пронзительными глазами.

– Ага, – воскликнула она, – очнулся наконец! Вот и хорошо! – Голос у нее был теплый, грудной. – Как ты себя чувствуешь, Эрагон?

– Неплохо. А Гэрроу где?

Гертруда подтащила свое кресло поближе к его постели и принялась рассказывать:

– Гэрроу у Хорста. У меня-то места маловато для вас двоих. Ох, и набегалась я с вами! Туда-сюда, туда-сюда! Хватило с вами забот-то.

Множество вопросов вертелось у Эрагона на языке, но он спросил лишь:

– Что с Гэрроу?

Гертруда довольно долго молчала, зачем-то разглядывая собственные ладони, а потом призналась:

– Да плохо с ним, мальчик мой! Жар никак не спадает. И раны тоже заживать не хотят.

– Мне надо его увидеть! – И Эрагон попытался встать.

– Нет, сперва тебе надо поесть! – железным тоном заявила Гертруда, слегка толкнув его в грудь и вновь уложив на подушку. – Я не для того столько времени возле тебя просидела, чтобы

ты сразу на ноги вскочил, а потом снова упал замертво! Да у тебя и ноги-то лишь наполовину целые, кожа прямо с мясом стесана! И жар только прошлой ночью спал. А насчет Гэрроу ты не тревожься. Поправится он. Он ведь у нас упорный. – Гертруда повесила над огнем чайник и принялась крошить пастернак для супа.

– Так я тут давно?

– Двое суток.

Двое суток! Это означало, что в последний раз он ел четыре дня назад! От одной этой мысли у Эрагона голова закружилась. Господи, а как же там Сапфира? Прошло четверо суток, а она где-то совершенно одна! Только бы с ней ничего не случилось, думал он.

– Весь Карвахолл так и гудит: всем хочется знать, что там у вас на ферме произошло. Люди говорят, ферма-то дотла сожжена. – Эрагон молча кивнул. – И амбар сгорел... Значит, Гэрроу-то во время пожара так пострадал?

– Я... я не знаю, – пробормотал Эрагон. – Меня там не было, когда... пожар случился.

– Ну ладно, ладно, не волнуйся. Я уверена, что все вскоре встанет на свои места. – Пока готовился суп, Гертруда вновь занялась вязанием. – Это у тебя шрам такой большой на ладони?

Эрагон машинально сжал руку в кулак:

– Да, шрам.

– Где ж ты так порезался?

Он выбрал самый простой ответ:

– Не знаю. Он у меня сколько я себя помню. Но я никогда не спрашивал Гэрроу, откуда он взялся.

– Хм... – озадаченно протянула Гертруда и больше не спросила ни слова.

Когда суп был готов, она налила Эрагону полную миску и подала ему вместе с ложкой. Он осторожно сделал первый глоток. Вкус был отменный. Поев, он спросил:

– А теперь можно мне встать? Очень хочется Гэрроу проведать!

– Ох, ты и упрямый! – вздохнула Гертруда. – Ну что с тобой делать – ступай. Не стану тебя удерживать. Одевайся, я тебя провожу.

Она отвернулась, и Эрагон стал натягивать штаны, шипя от боли, когда грубая шерстяная ткань касалась израненных ног. Потом он быстро накинул рубаху, и Гертруда помогла ему встать. Ноги у него дрожали от слабости, но в целом он чувствовал себя значительно лучше.

– Пройдись-ка немного, – велела ему целительница, а потом сухо заметила: – Ну, по крайней мере, ползти тебе уже не обязательно: на ногах стоишь.

Они вышли из дома, и порыв холодного ветра донес до них запах дыма от соседских труб. Над Спайном висели мрачные тучи, начинался настоящий снегопад; снег валил крупными хлопьями, белым покрывалом укрывая ближние холмы. Эрагон шел с трудом, тяжело опираясь о плечо Гертруды.

Двухэтажный дом Хорста возвышался на холме – кузнецу нравилось смотреть из окон на близлежащие горы. В строительство дома он вложил все свое мастерство. Красивая черепичная крыша нависала над перилами веранды, тянувшейся вдоль всего второго этажа. Водосточные трубы украшали головы горгулий, а на дверных и оконных рамах были вырезаны змеи, олени с ветвистыми рогами, летящие вороны и побеги цветущего плюща.

Дверь им открыла Илейн, жена Хорста, хрупкая миниатюрная блондинка с тонкими чертами лица. Свои светлые волосы она подобрала в высокую прическу. Илейн всегда одевалась очень скромно и аккуратно, а двигалась легко и изящно.

– Прошу вас, проходите, – пригласила она, и Эрагон с Гертрудой оказались в просторной, хорошо освещенной гостиной. Красивая винтовая лестница с полированными деревянными перилами вела на второй этаж. Стены были цвета меда. Илейн грустно улыбнулась Эрагону и сказала Гертруде: – Знаешь, я ведь как раз собиралась за тобой послать. Что-то Гэрроу немо- жется. Ты уж его поскорей осмотри, хорошо?

– Конечно, только тогда уж ты сама помоги Эрагону по лестнице подняться. – И Гертруда поспешила на второй этаж, решительно шагая через ступеньку.

– Да ладно, не надо, – стал отнекиваться смущенный Эрагон. – Я и сам прекрасно смогу подняться.

– Ты уверен? – ласково спросила Илейн и посмотрела на него с сомнением. – Ну хорошо... Но когда повидеешься с дядей, зайди, пожалуйста, ко мне на кухню. Я сегодня пирог испекла, думаю, он тебе понравится. – И она исчезла в кухне.

Эрагон тяжело привалился к стене, потом, немного отдохнув, стал подниматься вверх, и каждый шаг со ступеньки на ступеньку давался ему с огромным трудом. На втором этаже в коридор выходило сразу несколько дверей, но самая последняя была чуть приоткрыта, и Эрагон направился к ней.

В комнате он увидел Катрину, которая кипятила бинты в висевшем над огнем котелке. Она шепнула Эрагону несколько сочувственных слов и вновь занялась бинтами. Гертруда у стола перетирала в порошок целебные травы. На полу стояло ведро с подтаявшим снегом – для компрессов.

Гэрроу полулежал на целой горе подушек, укутанный в одеяла. Лоб его был покрыт крупными каплями пота, из-под неплотно прикрытых век поблескивали ничего не видящие глаза. Кожа у него на лице пожелтела и сморщилась, как у покойника. Он лежал совершенно неподвижно, лишь судорожно вздымалась от неровного дыхания грудь. Эрагон осторожно коснулся его влажного лба, ощущение полной нереальности происходящего не оставляло его. Лоб Гэрроу оказался таким горячим, что Эрагон испуганно отдернул руку, а, приподняв краешек одеяла, увидел, что многочисленные раны и ожоги заботливо перевязаны или прикрыты чистыми тряпицами. Но во многих местах повязки промокли, и было ясно, что раны Гэрроу и не думают подживать. Эрагон в отчаянии посмотрел на Гертруду:

– Неужели ничего нельзя с этим поделать?

Она положила на лоб Гэрроу ледяной компресс.

– Я уже все перепробовала: мази, припарки, отвары, но ничего не помогает. Если раны начнут подживать, ему сразу лучше станет. Но ты надежды-то не теряй! Все еще может обернуться к лучшему. Он ведь у нас крепкий орешек!

Эрагон отошел в дальний угол и бессильно опустил на пол. «Нет, этого не должно было случиться!» – с горечью думал он. Тягостное молчание, царившее в комнате, путало мысли, и он просто сидел, тупо глядя на Гэрроу, распростертого на подушках. Он и не заметил, как Катрина опустилась рядом на колени и обняла его за плечи. Он горестно молчал, и девушка вскоре тихонько отошла от него.

Через некоторое время дверь осторожно приоткрылась и вошел Хорст. Тихонько переговорив о чем-то с Гертрудой, он подошел к Эрагону.

– Пойдем-ка со мной. Не стоит тебе все время здесь сидеть. – И, прежде чем Эрагон успел возразить, кузнец поставил его на ноги и вывел за дверь.

– Но я хочу остаться! – возмутился Эрагон.

– Ты погуляй пока, подыши свежим воздухом и не беспокойся: отдохнешь немного и опять к дяде вернешься, – уговаривал его Хорст, подталкивая по направлению к кухне.

Здесь витали поистине изумительные ароматы! На плите готовилось по меньшей мере полдюжины различных кушаний, сдобренных разнообразными приправами и специями. Олбрих и Балдор о чем-то беседовали со своей матерью, Илейн, а та нарезала большими кусками хлеб. При виде Эрагона братья умолкли, но он все же успел понять: говорили они о Гэрроу.

– Садись-ка. – Хорст придвинул ему стул.



Эрагон с благодарностью сел: все-таки стоять ему еще было трудно. Руки так дрожали от слабости, что ему пришлось сжать их в кулаки. Перед ним тут же появилась тарелка с едой.

– Если не хочешь, не ешь, – сказала Илейн, – но, по-моему, это довольно вкусно. – И она снова отвернулась к плите.

Эрагон взял в руки вилку, однако проглотить смог лишь несколько кусочков.

– Ты как себя чувствуешь? – участливо спросил у него Хорст.

– Если честно, то просто ужасно! – признался Эрагон.

Кузнец минутку помолчал, потом смущенно пробормотал:

– Я понимаю, сейчас не самое лучшее время для расспросов, да только нам нужно знать... что там случилось!

– А я и не помню как следует.

– Эрагон, – Хорст близко наклонился к нему, глядя прямо в глаза, – я одним из первых на вашу ферму прибежал, и мне совершенно ясно: ваш дом не сам собой развалился и сгорел, его что-то прямо-таки на куски разорвало изнутри! И повсюду вокруг были следы огромного зверя. Я таких никогда не видел. Между прочим, следы эти не только я заметил. Другие тоже. Так что если ты там кого из шейдов видел или других каких чудовищ, так и нам об этом знать нужно!

Эрагон понял, что придется соврать.

– Когда я уходил из Карвахолла... четыре дня назад, то видел... тех чужаков в черных плащах: они расспрашивали людей о синем камне. (Хорст кивнул.) – Ну да, это ведь ты мне о них сказал. В общем, я спешил поскорее попасть домой. – Теперь уже все в кухне смотрели только на него, не скрываясь. Эрагон облизнул губы. – Но в ту ночь ничего не случилось. А наутро я, переделав все дела, пошел прогуляться в лес. И вскоре услышал что-то вроде взрыва. И над деревьями дым поднялся. Я со всех ног бросился домой, но... не успел. А тот, кто это сделал, исчез. Потом я стал раскапывать мусор и... нашел Гэрроу.

– А потом привязал его к доске и волоком потащил в Карвахолл? – спросил Олбрих.

– Да, – кивнул Эрагон. – Только сперва я еще тропу осмотрел. Там хорошо были видны две пары следов, они вели от дороги к ферме и обратно. Следы принадлежали мужчинам. – Он сунул руку в карман и вытащил кусочек черной ткани. – А Гэрроу сжимал в руке вот это. По-моему, у тех незнакомцев плащи были как раз из такой ткани. – Он положил лоскуток на стол.

– Похоже на то, – задумчиво сказал Хорст и нахмурился. – А что у тебя с ногами? – спросил он. – Как ты умудрился их так поранить?

– Да я и сам точно не знаю, – опять соврал Эрагон. – Наверное, оступился, когда Гэрроу выкапывал, но не уверен. Я заметил, только когда кровь потекла.

– Ужас какой! – воскликнула Илейн.

– Надо догнать этих чужаков! – с жаром заявил Олбрих. – Нельзя же допустить, чтобы они так просто сбежали! Возьмем пару лошадей, и завтра они будут тут как миленькие!

– Даже и не думай! Выкинь подобные глупости из головы! – охладил его пыл отец. – Да этим мерзавцам, похоже, ничего не стоит тебя на верхушку дерева забросить. Вспомни, что они с домом-то сотворили! Не стоит таким людям поперек дороги становиться. Они ведь все равно получили то, что хотели, верно? – Он посмотрел на Эрагона. – Забрали они тот камень, да?

– Я его в доме не нашел.

– Ну, значит, им теперь незачем и возвращаться. – Хорст еще раз внимательно посмотрел на Эрагона. – Что ж ты раньше-то про те следы не сказал?

– А я их раньше и не видел, – покачал головой Эрагон.

– Не нравится мне все это! – воскликнул Балдор. – Волшебством каким-то пахнет. И кто такие эти чужаки? Может, они из шейдов? И зачем им твой камень понадобился? А как можно было прямо-таки до основания такой крепкий дом разрушить? По-моему, тут без

черной магии не обошлось! Ты, наверное, прав, отец: они тот камень искали. Но мне почему-то кажется, что мы их еще увидим в наших местах.

После его слов на кухне воцарилось молчание.

«Мы о чем-то все время забываем», – думал Эрагон, но никак не мог сообразить, о чем именно. И вдруг его осенило. И даже сердце в пятки ушло от охватившего его ужаса. Дрожащим голосом он неуверенно проговорил:

– Роран ведь ничего не знает, верно?.. («Господи, – думал он, – как же я мог о нем-то позабыть!»)

Хорст покачал головой:

– Они с Демптоном ушли из Карвахолла вскоре после тебя. И если не попали по дороге в какую-нибудь беду, то уж дня два как должны в Теринсфорде находиться. Мы всё хотели гонца туда послать, только уж больно вчера холодно было, да и позавчера тоже.

– Мы с Балдором как раз туда ехать собирались, когда ты вдруг очнулся, – прибавил Олбрих.

Хорст пригладил бороду и велел:

– Вот и ступайте. Я помогу вам коней оседлать.

Балдор встал и повернулся к Эрагону.

– Я постараюсь Рорану поаккуратней обо всем рассказать, – пообещал он и вышел из кухни следом за Хорстом и Олбрихом.

Эрагон остался сидеть за столом, упорно разглядывая какой-то сучок в струганой столешнице. Казалось, его необычайно заинтересовал этот сучок – изгиб древесных волокон, асимметричное утолщение, три более темных завитка... Чем пристальнее Эрагон смотрел на сучок, тем больше деталей он замечал. Он словно искал в этом бывшем сучке ответы на роившиеся в душе вопросы, но если у сучка и были какие-то ответы, то он их не выдал.

С трудом выпутавшись из пелены раздумий, Эрагон вдруг понял, что его кто-то негромко зовет. Похоже, с улицы. Он решил не обращать на это внимания: пусть ответит кто-нибудь другой. Но через несколько минут странный зов повторился, и теперь он звучал значительно громче. Эрагон сердито нахмурился: ну почему они не могут оставить его в покое? Ведь Гэрроу так болен! Он быстро глянул на Илейн, но та, похоже, никаких криков вовсе не замечала.

«ЭРАГОН!» – громогласным ревом отдалось у него в ушах, и он чуть не упал со стула. Встревоженно огляделся, понял, что вокруг все по-прежнему, и вдруг догадался: это же Сапфира!

«Это ты?» – мысленно спросил он.

Она помолчала, потом сердито ответила:

«А то кто же, каменные уши!»

Эрагон сразу повеселел:

«Ты где?»

Она мысленно изобразила ту небольшую рощицу, где нашла себе временное убежище, и пояснила:

«Я несколько раз пробовала с тобой связаться, но ты был недостижим».

«Я был болен... но мне уже лучше. А почему от тебя так долго не было вестей?»

«Я ждала тебя двое суток! А потом голод заставил меня отправиться на охоту».

«Удачно поохотилась?»

«Поймала молодого оленя. Он был достаточно хитер и осторожен, чтобы опасаться хищников, – но только земных, а не тех, что внезапно падают с неба. Попав ко мне в когти, он был очень недоволен, жутко брыкался и все старался вырваться. Но я оказалась сильнее, и он, поняв, что смерть неизбежна, сопротивление прекратил. Похоже, Гэрроу тоже сражается с неизбежной смертью?»

«Не знаю... Надеюсь, он все же сумеет выкарабкаться. – И Эрагон рассказал драконихе о том, в каком ужасном состоянии находится Гэрроу. – Я думаю, мы не скоро сможем отправиться домой. Если мы вообще когда-нибудь сможем это сделать. И еще по крайней мере дня два мы с тобой увидеться тоже не сможем. Ты уж постарайся сама о себе позаботиться, ладно?»

И дракониха грустно ответила:

«Ладно, постараюсь. Я все сделаю, как ты велишь. Но ты тоже постарайся не слишком тут задерживаться!»

Прерывать разговор не хотелось обоим. Увидев в окно, что солнце уже село, Эрагон встал и, чувствуя себя невероятно усталым, подошел к Илейн, которая заворачивала в промасленную бумагу пирожки с мясом, и сказал ей:

– Я, пожалуй, пойду прямо сейчас к Гертруде и постараюсь как следует выспаться.

– А может, у нас останешься? – предложила Илейн. – Тут и к дяде поближе, да и Гертруда наконец сможет свою постель назад получить.

– А у вас места хватит? – нерешительно спросил Эрагон.

– Чего-чего, а места у нас хватает! Пойдем-ка со мной.

Я тебе сейчас все приготовлю. – Илейн вытерла руки и повела Эрагона вверх, в одну из свободных комнат.

Войдя, Эрагон сразу присел на краешек кровати.

– Если тебе что-нибудь понадобится, так я внизу буду, – сказала ему Илейн. – Позовешь, если что. Эрагон посидел еще немного, слушая, как она спускается по лестнице, и осторожно выскользнул в коридор. Когда он тихо отворил дверь в комнату Гэрроу, Гертруда, оторвавшись от своего вязания, ласково улыбнулась ему.

– Как он? – шепотом спросил Эрагон.

В голосе целительницы явственно слышалась усталость:

– Слабый он очень. Зато хоть жар спал немного. Да и ожоги, пожалуй, подживать начинают. Подождем, но, по-моему, можно надеяться, что он поправится.

От ее слов у Эрагона полегчало на душе, и он, вернувшись в отведенную ему комнату, сразу лег спать. На мгновение темнота показалась ему враждебной, но благодатный сон, несущий выздоровление его бесчисленным телесным и душевным ранам, вскоре одолел все страхи.

## Безумное горе

Среди ночи Эрагон вдруг проснулся и, тяжело дыша, резко сел в постели. В комнате было холодно; голые руки и плечи тут же покрылись мурашками. Был тот предрассветный час, когда жизнь словно замирает в ожидании теплого прикосновения первых солнечных лучей.

Сердце Эрагона тяжело билось от ужасных предчувствий. Ему казалось, что весь мир накрыт неким саваном и самый темный край этого савана пришелся как раз на его комнату. Он тихонько встал, оделся и вышел в коридор. Тревога охватила его, когда он увидел, что дверь в комнату Гэрроу открыта и там полно людей.

Гэрроу лежал на кровати, одетый во все чистое и аккуратно причесанный. Лицо поражало своим спокойствием. Можно было подумать, что он по-прежнему спит, если бы не серебряный амулет Гертруды, надетый ему на шею, да сухая веточка болиголова у него на груди – прощальные дары живых мертвому.

Бледная Катрина стояла, потупившись, возле постели Гэрроу, и Эрагон услышал, как она прошептала:

– А я надеялась когда-нибудь назвать тебя отцом.

«Назвать отцом! – с горечью подумал Эрагон. – Да такого права даже у меня нет!» Казалось, что жизненные силы его покидают. Все вокруг стало зыбким, непрочным – реальным было только спокойное лицо Гэрроу. Слезы выступили у Эрагона на глазах, потекли по щекам, но он ни разу не всхлипнул. Мать, тетя, дядя... Все они его бросили, всех он потерял! Тяжесть этого горя была такой невыносимой, что он едва стоял на ногах, голова кружилась, и он плохо помнил, кто отвел его назад, шепча слова утешения, и уложил в постель.

Рухнув лицом в подушку, Эрагон обхватил голову руками и громко зарыдал. И тут же услышал встревоженный зов Сапфиры, но не ответил ей, позволив волне отчаяния накрыть его с головой. Он не мог смириться с тем, что Гэрроу больше нет! Как ему теперь быть, кому верить? Разве можно верить этому безжалостному миру, который гасит человеческую жизнь, точно свечу? Исполненный отчаяния и ужаса, Эрагон обратил свое заплаканное лицо к небесам и воскликнул: «Как Ты мог сделать это? Покажись, не прячься от меня!» Но с небес никто ему не ответил, зато в коридоре послышались чьи-то встревоженные шаги. «Зачем Ты так поступил с ним? Он этого не заслужил!» – снова выкрикнул Эрагон.

Чьи-то ласковые руки коснулись его, чей-то тихий голос пытался его успокоить... Наконец он догадался, что это Илейн присела на краешек его кровати, обняла его и шепчет, шепчет что-то, давая ему вволю выплакаться, и вскоре, утомившись от бессильных рыданий, он, сам того не желая, соскользнул в сон.

## Меч всадника

Но утром, едва он проснулся, тоска с новой силой овладела им. Глаза он открывать не решился, но это не помогло: слезы вновь полились ручьем. Эрагон лихорадочно пытался уцепиться за какую-нибудь мысль, дающую хотя бы лучик надежды и способную помочь ему сохранить здравомыслие. «Как же мне теперь жить? – стонал он безмолвно. – Я не смогу!»

«Ну так не живи», – безжалостно откликнулась Сапфира.

«Но ведь Гэрроу больше нет. Нет и не будет! А со временем и меня ждет та же судьба. Значит, все напрасно – любовь, семья, любые героические деяния? Все, все уходит, и от человека не остается ничего, кроме горстки праха! Зачем же мы вообще существуем на свете? Зачем к чему-то стремимся, что-то совершаем?»

«Смысл – в действии. Но ценность твоих действий ничтожна – ведь ты отрицаешь сам смысл жизни, отказываешься от перемен и приобретения опыта. А ведь все зависит только от тебя самого! Выбери же занятие по вкусу и посвяти ему свою жизнь – вот и обретешь и цель, и новую надежду».

«Но на что я гожусь?»

«Это тебе подсказать сможет только твое сердце. Ты обретешь спасение лишь тогда, когда будешь всей душой стремиться к чему-то».

Сапфира умолкла, словно давая Эрагону возможность поразмыслить над ее словами. И, заглянув себе в душу, он с удивлением понял, что куда сильнее горя там пылают гнев и жажда мести. «А что, по-твоему, мне стоит предпринять прямо сейчас? – спросил он Сапфиру. – Ты хочешь, чтобы я погнался за этими чужаками?»

«Да».

Ее прямой ответ смутил Эрагона, и он, судорожно вздохнув, снова спросил:

«Но почему?»

«Помнишь, что ты говорил мне в Спайне? Помнишь, как ты напомнил мне о нашем долге перед Гэрроу, и я повернула назад, хотя инстинкт звал меня в противоположную сторону? Я сумела себя заставить, вот и ты должен научиться властвовать собой. В последние несколько дней я много думала и поняла, что означает союз дракона и Всадника. Наша судьба в том, чтобы вечно стремиться к недостижимым высотам и совершать великие деяния, невзирая на страх! Такова наша общая ответственность перед будущим».

«Мне все равно, что ты скажешь. Все это не причина для того, чтобы покидать родные места!»

«Ну, тогда вот тебе другие причины. Мои следы уже видели многие, так что людям эта «тайна» известна. А вскоре меня непременно обнаружат и наши враги. Да и что, собственно, держит тебя здесь? У тебя теперь нет ни фермы, ни семьи, ни...»

«Роран еще жив!» – с вызовом крикнул он.

«Но если ты останешься в Карвахолле, тебе придется объяснить ему, что же произошло на самом деле. Он ведь имеет право знать, как и почему погиб его отец. Интересно, что он скажет, когда узнает обо мне? И о нашем полете в Спайн?»

Это был действительно веский довод. И все-таки Эрагона страшила даже сама мысль о том, чтобы покинуть долину Паланкар, родные места. Но и отомстить тем чужакам ему страшно хотелось.

«А хватит ли у меня сил, чтобы отомстить им?»

«У тебя есть еще я».

Эрагона терзали сомнения. Нет, это, конечно, совершенно безумная затея! Но собственная нерешительность вызывала у него презрение. Сапфира права. Надо действовать. Вот самое главное. Да и что сейчас способно дать ему большее удовлетворение, чем охота на этих убийц?

Эрагон почувствовал, что в нем пробуждается какая-то незнакомая, бешеная сила, способная подавить все прочие чувства и выковать из них единое могучее оружие гнева, на котором будет сиять одно лишь слово: *мсть*. Голова у него гудела, мысли путались, но наконец он твердо пообещал:

«Хорошо. Мы будем мстить!»

Прервав мысленный диалог с Сапфирой, Эрагон вскочил с постели, чувствуя, что тело напряжено, точно мощная пружина. Было еще совсем рано – он проспал всего несколько часов. «Нет ничего опаснее врага, которому нечего терять, – подумал он. – Такого, как я сейчас».

Вчера еще ему было трудно даже шаг сделать, не хромая, но теперь он двигался уверенно: стальная рука воли крепко держала его в узде. А на физическую боль, терзавшую его тело, он попросту не обращал внимания – он ее презирал.

Стараясь как можно тише выбраться из дома, Эрагон услышал тихий разговор и прислушался. Разговаривали Хорст и Илейн.

– ...И место для ночлега, – донесся до него нежный голос хозяйки дома. – Места ведь у нас хватит на всех.

Хорст что-то ответил ей гулким басом, но слов Эрагон не разобрал и вскоре снова услышал голос Илейн:

– Да, бедный мальчик!

– Возможно... – начал было Хорст, умолк и лишь через несколько минут заговорил снова: – Знаешь, я все думал о том, что рассказал Эрагон. Почему-то мне кажется, что он поведал нам не все!

– Что ты хочешь этим сказать? – встревоженно спросила Илейн.

– Когда мы бросились к ферме, на дороге был отчетливо виден след той доски, на которой Эрагон тащил в Карвахолл Гэрроу. Но чуть дальше след от доски обрывался; и там снег был весь вытоптан и перепачкан сажей; и там же мы обнаружили те же огромные следы, какие видели и возле фермы. И потом, что у парня с ногами? Никогда не поверю, что можно, не заметив, ободрать себе всю кожу на ляжках! Я пока, правда, к стенке его припирять не собираюсь, но думаю, что вскоре все-таки придется ему все рассказать.

– А что, если увиденное настолько испугало мальчика, что он об этом и говорить боится? – предположила Илейн. – Ты же видел, как он был напуган.

– И все же это никак не объясняет того удивительного факта, что он протащил Гэрроу от фермы до того места на дороге, не оставив ни малейшего следа!

«Ох, права Сапфира! – подумал Эрагон. – Надо бежать отсюда. У людей возникает слишком много вопросов. Рано или поздно они доберутся и до ответов».

И он, стараясь не скрипнуть ни одной половицей, осторожно выскользнул за дверь.

На улице не было ни души – час был все еще слишком ранний. Эрагон на минутку остановился, пытаясь сосредоточиться на своих дальнейших действиях.

«Так, лошадь мне не понадобится, – рассуждал он, – у меня есть Сапфира, вот только нужно седло для нее раздобыть. О пище тоже можно не беспокоиться – Сапфира будет охотиться для нас обоих. Хотя, конечно, было бы лучше все-таки раздобыть хоть немного еды в дорогу. Ну а все остальное мы, я думаю, сумеем отыскать на развалинах фермы».

И Эрагон бодро зашагал к мастерской дубильщика кож Гедрика, которая находилась на самой окраине селения. Его затошнило от мерзкого запаха, но он, не сбавляя скорости, добрался до ворот сарая, где хранились заготовленные впрок шкуры, вошел внутрь и срезал три большие бычьи шкуры, подвешенные к потолку. Он, правда, тут же ощутил укол совести – ведь это было самое настоящее воровство! – но постарался убедить себя: украсть шкуры было ему необходимо и когда-нибудь он непременно расплатится не только с Гедриком, но и с Хорстом. Он скатал шкуры, отнес их в небольшую рощицу неподалеку и спрятал в развилке дерева. А потом снова вернулся в Карвахолл.

Теперь нужно было раздобыть еду. Сперва Эрагон не придумал ничего лучше, как пойти в таверну и запастись провизией там, но тут же, поражаясь собственной глупости, повернул в другую сторону и даже усмехнулся: если уж красть, так у Слоана! Он осторожно подобрался к дому мясника. Парадная дверь была крепко заперта, зато задняя держалась только на ерундовом крючке, который Эрагон запросто сорвал. В доме царил полумрак, и Эрагону пришлось довольно долго искать, прежде чем он обнаружил куски мяса, аккуратно завернутые в холстину. Сунув за пазуху, сколько смог унести, он поспешил ретироваться через ту же заднюю дверь, аккуратно прикрыв ее за собой.

И вдруг услышал, как его окликает какая-то женщина. Зажав рукой ворот рубахи, чтобы не выронить украденное мясо, Эрагон быстро присел и отполз за угол дома. Прижавшись к стене и дрожа от страха, он увидел, как шагах в десяти от него прошли Хорст и Илейн.

Как только они скрылись из виду, Эрагон бросился бежать. Бедные ноги его жгло как огнем, но он старался не думать об этом; лишь влетев в рощу и скрывшись за стволами деревьев, он наконец позволил себе оглянуться и посмотреть, не гонится ли за ним кто-нибудь. Но никто за ним не гнался. С облегчением переведя дух, он полез на дерево за спрятанными там шкурами, но шкур на дереве не оказалось!

– Далеко собрался?

Эрагон подскочил как ужаленный. На него, гневно нахмурившись, смотрел старый Бром. На виске у него красовался слегка подживший свежий рубец. С пояса свисал короткий меч в коричневых ножнах. Украденные Эрагоном бычьи шкуры он держал в руках.

Глаза Эрагона сердито блеснули. И как только противный старикашка сумел его выследить?! Ведь он все делал так тихо и осторожно! Да он готов был поклясться, что поблизости никого не было, когда он эти шкуры воровал!

– Отдай! – выкрикнул он со злобой.

– С какой стати? Чтобы ты мог сбежать еще до того, как Гэрроу похоронят? – Обвинение было суровым, но справедливым.

– Не твое дело! – буркнул Эрагон и весь покраснел. – Чего ты меня преследуешь?

– Я тебя не преследовал, – ворчливо возразил Бром. – Я тебя просто тут ждал. Ну, говори: куда собрался?

– Никуда. – Эрагон выхватил шкуры из рук старика. Бром не сопротивлялся, но ехидно заметил:

– Надеюсь, у тебя хватит мяса, чтобы накормить твоего дракона?

Эрагон так и застыл.

– О чем это ты?

– Не пытайся меня обмануть! – Бром спокойно скрестил руки на груди. – Я прекрасно знаю, откуда у тебя на руке эта отметина. Она называется «гёдвей ингнасия», «сверкающая ладонь», и означает, что ты прикоснулся к драконьему детенышу. Я все отлично понял, еще когда ты приходил ко мне с вопросами о драконах. Я знаю также, что Всадники опять существуют.

Потрясенный до глубины души, Эрагон уронил на землю и шкуры, и мясо. «Значит, наконец свершилось!.. Надо спешить! Но как мне убежать от него – с такими ногами? А если...»

«Сапфира!» – мысленно призвал он дракониху.

Прошло несколько мучительных мгновений, прежде чем она откликнулась.

«Мы обнаружены! Ты мне очень нужна! Немедленно прилетай». И Эрагон мысленно объяснил ей, где его искать. Теперь предстояло как-то сбить с толку Брома.

– Как ты узнал о драконе? – тихо спросил Эрагон.

Бром, глядя мимо него, беззвучно шевелил губами, словно беседуя с кем-то невидимым, потом все же ответил:

– Да примет хватало. На них просто нужно было обратить внимание, так что любой человек, обладающий нужными знаниями, сумел бы разгадать твою тайну. Скажи-ка лучше, как себя чувствует твой дракон?

– Это дракониха, – сказал Эрагон, – и чувствует она себя превосходно. Нас не было на ферме, когда туда явились эти, в черных плащах...

– Ах да, твои ноги... Ты летал на ней верхом?

«Да он все знает! А что, если он заодно с теми чужаками? Что, если они велели ему выяснить, куда я собираюсь направиться дальше, чтобы устроить нам с Сапфирой засаду? И где же наконец Сапфира?»

Он мысленно окликнул дракониху и тут же понял, что она уже кружит в небесах прямо над ним.

«Ко мне, Сапфира!» – позвал он ее.

«Нет, я пока спускаться не буду».

«Почему?»

«Из-за той резни, что была устроена в Дору Арибе».

«О чем это ты?»

Бром, прислонившись к дереву, с легкой усмешкой посмотрел на Эрагона и сообщил:

– Все в порядке. Я уже поговорил с нею. Она решила пока оставаться наверху, чтобы мы могли уладить наши с тобой разногласия. Как видишь, выбора у тебя не остается. Придется все же на мои вопросы ответить. А теперь рассказывай, куда собрался?

Эрагон, совершенно растерянный, стиснул пальцами виски. «Как же Брому удалось поговорить с Сапфирой? – болезненно билась в голове одна-единственная мысль. – Впрочем, вывод напрашивался сам собой: так или иначе, придется все же рассказать Брому о своих планах».

– Я хотел найти какое-нибудь безопасное место и переждать там, пока ноги не заживут, – сказал он.

– А потом?

Эрагон так и знал, что Бром задаст этот вопрос. Боль в висках стала невыносимой. Она не давала нормально думать, мысли путались. А кроме того, ему действительно хотелось рассказать хоть кому-нибудь о событиях последних месяцев. И мучительно было сознавать, что эта тайна в итоге послужила причиной смерти Гэрроу. Наконец он не выдержал и дрожащим голосом признался:

– Я собирался выследить тех чужаков и убить их.

– Трудная задача – ты еще слишком юн, чтобы легко решить ее, – сказал Бром самым обычным тоном, словно Эрагон сообщил ему о чем-то вполне естественном и заурядном. – Хотя дело это, безусловно, стоящее, да и тебе, пожалуй, по плечу. Хотя, сдается мне, помощь вам все же не помешает. – Он сунул руку куда-то за росший рядом куст и вытащил довольно объемистый заплочный мешок. – Так или иначе, а я не намерен оставаться в стороне, когда какой-то юнец верхом на только что вылупившемся из яйца драконе собрался с темными силами сражаться!

«Интересно, – думал Эрагон, – он действительно предлагает мне помощь или это просто ловушка?» Эрагон очень опасался своих таинственных врагов. Но, с другой стороны, ведь Бром сумел как-то убедить Сапфиру, и она его послушалась, поверила ему! Видимо, он тоже умеет читать чужие мысли... И если Сапфиру это ничуть не тревожит...

Решив на время забыть о своих подозрениях, Эрагон сказал:

– Ты ошибся: никакая помощь мне не нужна! – И не слишком приветливо буркнул: – Но ты, если хочешь, можешь поехать с нами.

– В таком случае нам лучше отправиться в путь немедленно, – спокойно заметил Бром и усмехнулся: – Надеюсь, ты сумеешь заставить своего дракона слушаться тебя.

«Сапфира!» – окликнул дракониху Эрагон.



«Я здесь».

Множество вопросов вертелось у него на языке, но он задал только один, самый простой и насущный:

«Ты подождешь нас на ферме?»

«Конечно. Значит, вы договорились?»

«Наверное».

Сапфира тут же прервала связь: видимо, полетела к ферме. А Эрагон, глянув в сторону Карвахолла, увидел, что там царит небывалая суета.

– Похоже, люди меня ищут, – растерянно сказал он.

– Возможно, – кивнул Бром. – Ну что, пошли?

– Мне бы хотелось оставить весточку для Рорана... По-моему, нехорошо сбежать, ничего ему не объяснив.

– Об этом я уже позаботился, – успокоил его Бром. – Я оставил для него письмо у Гертруды, в котором постарался немного разъяснить ситуацию и предупредить его, что следует быть настороже, ибо ему, Хорсту и кое-кому еще может грозить опасность. Этого тебе довольно?

Эрагон кивнул. Они завернули украденное им мясо в шкуры и двинулись в путь, стараясь никому не попадаться на глаза и как можно скорее уйти подальше от Карвахолла. Эрагон решительно шагал впереди, хотя его израненные ноги жгло как огнем. Монотонная ходьба, впрочем, оставляла голову свободной, и он размышлял на ходу: «Вот доберемся до фермы, и я заставлю Брома ответить на некоторые вопросы! Иначе я никуда с ним не пойду! Надеюсь, он побольше расскажет мне и о Всадниках, и о тех, кто такие в действительности мои враги».

Когда стала видна сожженная ферма, Бром гневно насупился, а Эрагон даже растерялся, увидев, как быстро природа завоевывает территорию, только что принадлежавшую людям. Пепелище уже успели засыпать снег и земля, отчасти скрыв следы чудовищных разрушений. А почти дотла сгоревший амбар и вовсе был едва виден – странный, прямоугольной формы бугорок, засыпанный снегом.

Бром, слышав над головой шелест крыльев Сапфиры, резко поднял голову. Дракониha приземлилась прямо у них за спиной, едва не задев их крыльями и подняв небольшой снежный вихрь. Когда она заходила на посадку, кружа над домом, чешуя ее так и сверкала синими искрами.

Бром шагнул ей навстречу, лицо его было торжественным и безмерно счастливым, глаза сияли, и Эрагон заметил, как по щеке старика сползла слеза, скрывшись в седой бороде. Он довольно долго молчал и лишь тяжело вздыхал, глядя на Сапфиру. Она тоже молча смотрела на него. Потом Эрагон услышал, что Бром как будто что-то бормочет, и наострил уши.

– Значит... все начинается снова! – услышал он. – Вот только чем, где и когда оно закончится? Увы, пелена застилает мне взор! И я не знаю, станет ли это великой трагедией или фарсом... Все возможно. Но что бы ни случилось, моя позиция остается неизменной, и я...

Он вдруг умолк, потому что Сапфира с гордо поднятой головой подошла к ним вплотную. Эрагон, сделав вид, что не слышал ни слова, бросился к ней на шею. Он чувствовал, что теперь они стали еще ближе друг к другу, но, одновременно, и самостоятельнее. Погладив Сапфиру, он ощутил знакомое покалывание в том пятне на ладони, и мысли их снова соприкоснулись. Дракониha явно сгорала от любопытства.

«Я впервые вижу рядом с тобой другого человека, если не считать Гэрроу, – сказала она. – Но Гэрроу был тяжело ранен и ничего не сознавал».

«Но ты же видела людей моими глазами», – возразил Эрагон.

«Это не одно и то же». Сапфира наклонилась, повернув свою длинную морду так, чтобы удобнее было рассматривать Брома, и уставилась на него своим огромным синим глазом. «А вы, люди, очень забавные существа», – заявила она, критически изучая старика. Бром стоял

как вкопанный. Сапфира по-собачьи обнюхала его, и он протянул к ней руку. Она медленно приблизила к нему морду и позволила коснуться своего лба. Потом, всхрипнув, резко отскочила от Брома и спряталась за Эрагона. Хвост ее нервно взметнулся и несколько раз ударил по земле.

«В чем дело?» – спросил Эрагон.

Она не ответила.

Бром повернулся к нему и тихо спросил:

– Как ее зовут?

– Сапфира. (Странное выражение промелькнуло на лице Брома, и он так сильно стиснул в руке набалдашник своего посоха, что побелели костяшки пальцев.) – Из всех имен, которые ты мне перечислил, – пояснил Эрагон, – это было единственным, которое ей понравилось. И по-моему, оно ей очень подходит.

– Это точно, – рассеянно кивнул Бром. Но голос его прозвучал как-то странно. Что было в нем – горечь утраты? удивление? страх? зависть? – Эрагон определить не смог. Вполне возможно, впрочем, что ни одного из перечисленных чувств Бром и вовсе не испытывал.

Старик долго молчал, потом наконец откашлялся и торжественно обратился к драконихе:

– Приветствую тебя, о Сапфира! Для меня знакомство с тобой – большая честь и радость. – Он как-то странно взмахнул согнутой рукой и низко поклонился.

«Мне он нравится», – мысленно сообщила Эрагону Сапфира.

«Ну еще бы! Лесть каждому приятна», – откликнулся Эрагон и, погладив ее по плечу, повернулся и зашагал к разрушенному дому. Сапфира и Бром последовали за ним. Старик то и дело с трепетом и восторгом поглядывал на дракониху; казалось, у него даже сил прибавилось.

Эрагон осторожно прополз под развалинами туда, где была когда-то его комната, по памяти отыскал внутреннюю перегородку и возле нее – свой пустой ранец, деревянная рама которого была, правда, сломана, но починить ее было нетрудно. Вскоре Эрагон вытащил из кучи мусора и свой лук, который оказался целым благодаря чехлу из оленьей шкуры, хотя сам чехол и был весь исцарапан и изодран.

«Ну наконец-то хоть немного повезло!» – подумал Эрагон. Он попробовал натянуть тетиву, но никакого подозрительного треска не услышал. Лук был в полном порядке. Довольный, он отыскал неподалеку и колчан со стрелами. К сожалению, многие стрелы оказались сломанными.

Спустив тетиву, Эрагон передал лук и колчан со стрелами Брому, и тот заметил:

– Чтобы из такого лука стрелять, крепкая рука нужна!

Эрагон выслушал этот комплимент молча и принялся осматривать дом в поисках вещей, которые могли бы им пригодиться. Постепенно у ног Брома выросла небольшая кучка.

– Ну а что теперь? – И Бром вопросительно глянул на Эрагона.

Тот, не глядя на старика, буркнул:

– Поищем, где бы нам пока спрятаться.

– У тебя есть что-нибудь на примете?

– Да. – Эрагон сунул найденные вещи в ранец и вместе с луком закинул его за спину. Махнув Брому рукой, он двинулся к лесу, мысленно приказав драконихе:

«Лети за нами и на землю ни в коем случае не спускайся: твои следы слишком заметны на снегу, и нас легко будет по ним отыскать».

«Хорошо», – согласилась она и тут же взлетела. Идти им было совсем близко, но Эрагон нарочно повел Брома кружным путем, рассчитывая сбить с толку возможных преследователей. Они блуждали по лесу не менее часа, и только после этого Эрагон наконец остановился возле густых зарослей ежевики, за которыми скрывалась небольшая полянка неправильной формы.

Места здесь как раз хватало для двух человек, костра и дракона. Рыжие, но уже начинавшие сереть белки разбегались во все стороны, громко протестуя против наглого вторжения в их владения. Бром, отцепляя от плаща побег плюща, с любопытством огляделся.

– Об этом месте кто-нибудь еще знает? – спросил он.

– Нет. Я нашел его, когда мы еще только сюда переехали. И целую неделю сквозь заросли продирался, а потом еще целую неделю эту полянку расчищал.

Сапфира приземлилась с ними рядом, осторожно складывая крылья и стараясь не пораниться об острые шипы ежевики. Потом прилегла на землю и свернулась клубком, с треском ломая сухие ветки своими закованными в синюю броню боками. Загадочные глаза драконихи внимательно следили за Бромом и Эрагоном.

Заметив ее взгляд, Бром, опершись о посох, тоже посмотрел Сапфире прямо в глаза. И от этого взгляда Эрагону почему-то стало не по себе. Он не понимал, что происходит, и ни за что не отошел бы от Сапфиры, если бы не голод, уже давно мучивший его.

Эрагон разжег костер, набил котелок снегом и повесил его над огнем. Когда вода закипела, он мелко нарезал мясо, бросил в котелок и немного посолил. «Не слишком изысканная еда, конечно, – думал он, – но, возможно, нам еще долго не придется есть ничего домашнего, надо привыкать».

Варево, впрочем, пахло вполне аппетитно, и Сапфира невольно высунула из пасти кончик языка, словно пробуя на вкус ароматный парок. Поели молча, избегая смотреть друг на друга. После трапезы Бром вытащил трубку и с явным наслаждением ее раскурил.

– Почему ты хочешь пойти с нами? – спросил его Эрагон.

Облачко ароматного дыма взвилось над головой Брома и исчезло меж ветвей.

– У меня есть свой вполне законный интерес: я хочу сохранить тебе жизнь, – промолвил он наконец.

– Что ты хочешь этим сказать? – удивился Эрагон.

– Ну, если коротко... Я ведь сказитель, вот мне и пришло в голову, что ты мог бы стать героем отличной истории. Кроме того, ты первый Всадник, которого я вижу за последние сто лет, а может и больше. Первый, не подчиняющийся королю, хотел я сказать. Знаешь ли ты, что может с тобой случиться в ближайшем будущем? Может быть, ты вскоре падешь жертвой жестокого врага или присоединишься к варденам, а может, собственной рукой сразишь в поединке короля Гальбаторикса... Кто знает? И я, отправившись с тобой вместе, собственными глазами смогу это увидеть. И мне совершенно не важно, какую роль придется во время этих странствий играть мне самому.

У Эрагона даже озноб пробежал по спине, когда Бром стал перечислять возможные варианты его славного будущего. Он даже представить себе не мог, что способен выполнить хотя бы одну из этих задач. И уже меньше всего ему хотелось бы видеть себя в роли жертвы... «Я хочу отомстить за смерть Гэрроу! – думал он. – А что касается всего остального... Нет, столь великих целей я пока что перед собой не ставлю!»

– Ладно, это я понял, – сказал он Брому, – а теперь объясни мне, пожалуйста, как тебе удается без слов понимать Сапфиру?

Бром не спешил с ответом. Он снова набил трубку, раскурил ее, зажав в зубах мундштук, и только тогда заговорил:

– Хорошо, я тебе отвечу и на этот вопрос. Хотя, возможно, ответ мой и придется тебе не по вкусу. – Бром встал, сходил туда, где оставил свои пожитки, и принес к костру какой-то продолговатый предмет, завернутый в кусок ткани. Предмет был футов пять в длину и, судя по всему, довольно тяжелый.

Бром медленно разворачивал тряпку – точно бинты с мумии снимал, – а Эрагон, не мигая, следил за каждым его движением. Наконец на свет показался... великолепный меч! Золотая рукоять его имела форму капли с плоскими, как бы усеченными боками, и украшена

очень крупным рубином. Серебряный, с финифтью, эфес сверкал, точно звездное небо. Ножны были винного цвета, и под их гладкой, как стекло, поверхностью был отчетливо виден какой-то странный символ, вырезанный в металле. К ножнам прилагалась красивая кожаная перевязь с тяжелой пряжкой. Бром, ни слова не говоря, протянул меч Эрагону.

Рукоять меча настолько удобно легла в руку юноши, словно это оружие было создано специально для него. Эрагон медленно вытащил меч из ножен, лезвие двигалось легко и совершенно беззвучно. Оно было гладким и плоским. Странный клинок этот приглушенно красного цвета недобро посверкивал в отблесках костра. Лезвие, плавно изгибаясь, завершалось очень острым концом и было украшено тем же символом, что и на ножнах. Балансировка меча была отличной, Эрагону казалось, что это не оружие, а продолжение его руки. Ничего общего с теми неуклюжими тяжелыми тесаками, которыми он привык орудовать на ферме! Этот клинок был, казалось, окружен ореолом власти и могущества; от него исходила неукротимая сила. Да, это было оружие, созданное для яростной схватки и, одновременно, удивительно прекрасное!

– Некогда этим клинком владел один Всадник, – сурово промолвил Бром и пояснил: – Когда Всадники завершали обучение, каждому из них эльфы дарили изготовленный ими меч. Но тайну изготовления своих клинков они никогда и никому не открывали. Эти клинки не могут ни затупиться, ни заржаветь. Согласно тогдашнему обычаю, Всаднику дарили меч того же цвета, что и чешуя его дракона. Но в данном случае, как мне кажется, от этого правила можно и отступить. Этот меч носит имя Заррок. Я не знаю, что значит это слово. Возможно, его значение было известно только владельцу меча.

Бром помолчал. А Эрагон, по-мальчишески замахнувшись мечом на невидимого врага, спросил:

– А где ты его взял? – Ему явно не хотелось убирать меч в ножны, но он все же заставил себя это сделать и даже протянул меч Брому, но тот оружие не взял, даже не пошевелился.

– Это неважно, где я его взял, – сказал он. – Скажу лишь, что, желая его добыть, я пережил немало весьма неприятных и опасных приключений. Отныне можешь считать этот меч своим. У тебя на него больше прав, чем у меня, и мне кажется, что он не раз понадобится тебе задолго до того, как закончится эта история.

И сам этот неожиданный подарок, и последние слова Брома совершенно выбили Эрагона из колеи. И он растерянно пробормотал:

– Но почему же мне... Это ведь просто королевский подарок!.. Спасибо тебе большое! – спохватился он, не зная, что прибавить к этим словам. Потом, погладив ножны, спросил: – А что это за знак такой?

– Это знак, который Всадник носил на своем шлеме. Его личный знак. – Эрагон уже открыл было рот, чтобы задать новый вопрос, но Бром так сердито на него посмотрел, что больше он ни о чем спрашивать не решился. – А теперь я тебе вот что скажу, – помолчав, снова заговорил Бром. – Разговаривать с драконами может научиться любой, если получит необходимые знания. Однако, – и Бром назидательно поднял палец, – одно это умение еще ничего не значит. Мне довольно много известно о драконах и об их возможностях. И я знаю об этом больше всех ныне живущих людей. Тебе понадобились бы долгие годы, чтобы приобрести подобные знания. Так вот, я предлагаю свои знания тебе. И могу довольно быстро обучить тебя всему, чем владею сам. Что же касается того, откуда у меня эти знания и умения, то эту тайну я тебе пока не раскрою.

Бром умолк. Сапфира, подобравшись поближе и вытянув шею над плечом Эрагона, внимательно рассматривала меч. «В этом клинке заключена великая сила!» – мысленно промолвила она, коснувшись острого лезвия носом. Красный металл переливался, точно вода, и в нем играли синие блики – отражение драконьей чешуи. Сапфира, довольно всхрипнув, подняла голову и опять прилегла, спрятавшись за Эрагона, и клинок тут же перестал сверкать и пере-

ливаться. Эрагон, немного встревоженный этим магическим зрелищем, убрал меч в ножны и вопросительно посмотрел на Брома. Тот, слегка приподняв бровь, промолвил:

– Вот-вот! Именно об этом я и говорил. Драконы будут постоянно удивлять тебя. Их окружает множество тайн! С ними рядом тебя ждут самые невероятные вещи и события, которые невозможны более нигде. И хотя Всадники жили бок о бок с драконами много веков подряд, они так до конца и не сумели понять, сколь велики их возможности и могущество. Драконы связаны с землей неведомыми нам узами и способны преодолевать немыслимые препятствия. То, что сделала у тебя на глазах Сапфира, лишь подтверждает мои слова: есть еще очень много такого, чего ты не знаешь и не узнаешь, видимо, никогда.

Эрагон потрясенно молчал. Потом, не желая сдаваться, попытался возразить:

– Возможно, это и так, но я ведь многому могу научиться! Впрочем, сейчас для меня самое важное – узнать, кто такие эти чужаки в черных плащах. Ты не знаешь, кто они?

Бром глубоко вздохнул и сказал:

– Их называют раззаками. Никто не знает, то ли это название какого-то древнего народа, то ли прозвище. Но если у них и есть какое-то самоназвание, то они держат его втайне от других. Раззаков никто не видел до тех пор, пока к власти не пришел король Гальбаторикс. Он, должно быть, обнаружил этот народ во время своих скитаний и призвал к себе на службу. О раззаках почти ничего не известно и до сих пор. Одно я могу сказать наверняка: они – не люди. Как-то мне довелось увидеть лицо раззака: у него птичий клюв и огромные, с мой кулак, черные глаза. Для меня осталось загадкой, как они вообще умудряются говорить человечески. Несомненно, и тела их тоже сильно отличаются от людских, потому-то они всегда и скрывают свои тела под длинными черными плащами.

Что же касается их возможностей, то они, безусловно, значительно сильнее любого человека и умеют невероятно высоко прыгать, но использовать магию, волшебство им не дано. Можешь сказать за это спасибо судьбе, ибо если б они были одарены еще и магическими способностями, то давно уже схватили бы тебя. Я знаю также, что им весьма неприятен солнечный свет, хотя он и не является для них существенным препятствием на пути к поставленной цели. Ни в коем случае нельзя недооценивать раззака как противника: эти твари чрезвычайно хитры и злобны.

– Много ли их у нас в Алагейзии? – спросил Эрагон, удивленный тем, как много всего знает Бром о таких вещах.

– Насколько мне известно, не очень много. Точно те двое, которых ты видел, и, возможно, есть еще несколько, но мне о них слышать не доводилось. По всей видимости, это последние представители некоего вымирающего народа. Король всегда держит их при себе и использует как своих личных охотников. Охотников на драконов! Стоит Гальбаториксу узнать, что в его землях появился дракон, и он посылает на разведку раззаков, путь которых зачастую бывает отмечен множеством смертей... – Бром помолчал, посылая в небеса одно кольцо дыма за другим и внимательно следя за их полетом. Эрагон лишь потом заметил, что кольца эти, видимо по воле Брома, меняют в полете свою окраску и хитроумно переплетаются. Но в ответ на его изумленный взгляд старый сказитель только подмигнул ему и ничего не сказал.

Эрагон не сомневался в том, что Сапфиру никто увидеть не мог. Так откуда же Гальбаториксу стало о ней известно? Когда он поделился с Бромом своими сомнениями, тот сказал:

– Вряд ли кто-то из жителей Карвахолла поспешил донести на тебя. Хотя все может быть... Ты бы все-таки рассказал мне, где нашел драконье яйцо и как вырастил Сапфиру? Это, возможно, немного прояснит ситуацию.

Эрагон колебался. Но, вспомнив все, что случилось с тех пор, как он нашел в горах «синий камень», решил, что неплохо было бы наконец-то с кем-то этим поделиться. Бром слушал его молча и очень внимательно, задав всего несколько коротких вопросов. Солнце уже

почти село, когда Эрагон завершил свой рассказ, и они с Бромом надолго замолкли, глядя, как разливаются по небу краски зари. Эрагон не выдержал первым и снова заговорил:

– Мне только очень хотелось бы знать, откуда там взялось это яйцо. А сама Сапфира этого, конечно, не помнит.

Бром насмешливо на него глянул:

– Еще бы ей помнить! Впрочем, этого и я не знаю... Хотя ты очень многое прояснил для меня своим рассказом. Я уверен, что никто, кроме нас, Сапфиру не видел, но у раззаков наверняка имелись шпионы и в Карвахолле, и в других селениях. Впрочем, теперь эти люди, скорее всего, уже умерли... В общем, нелегко тебе пришлось, Эрагон. Но ты очень многое успел, и я просто потрясен твоими успехами!

Эрагон, с безучастным видом любовавшийся закатом, вдруг встрепенулся и спросил:

– А кто тебе голову-то разбил? Похоже, будто кто-то в тебя здоровенным камнем запустил!

– Нет, это был не камень. Хотя действительно похоже... – Бром попыхтел трубкой и пояснил: – Я хотел кое-что разузнать и несколько раз подкрадывался к тому месту, где раззаки стояли лагерем. И в итоге они подстерегли меня в темноте. Ловушку они, конечно, устроили здорово, да только меня явно недооценили. В общем, мне удалось сбить их с толку. Хотя, – сухо прибавил он, – за собственную глупость мне все же пришлось заплатить. Меня так оглушили, что я замертво рухнул на землю и пришел в себя лишь на следующий день. А раззаки тем временем успели добраться до вашей фермы. И я не сумел их остановить... Впрочем, я тут же начал преследование, и как раз в этот момент мы с тобой встретились на дороге.

«Кто же он такой, если уверен, что мог бы сразиться с раззаками в одиночку? – думал Эрагон. – Они подстерегли его в темноте и сочли убитым, а он, оказывается, был всего лишь оглушен!»

Не придя ни к какому выводу, он с жаром спросил Брома:

– А когда ты заметил у меня на ладони тот знак, почему же сразу не сказал мне, что это были раззаки? Я бы сперва предупредил Гэрроу, а уж потом поспешил бы к Сапфире, и тогда, возможно, мы сумели бы спастись все втроем.

– Я тогда был совсем не уверен в том, как именно следует поступить, – вздохнул Бром. – Я полагал, что сумею отвести от тебя раззаков, а уж потом, когда они уберутся восвояси, непременно заставлю тебя во всем признаться. Но эти твари меня перехитрили. Я совершил большую ошибку, о которой глубоко сожалею. Да и тебе моя ошибка дорого обошлась!

– Кто ты? – вдруг резко спросил его Эрагон. В голосе его звучала горечь. – И откуда у тебя, простого деревенского сказителя, меч Всадника? Откуда ты столько знаешь о Всадниках и о раззаках?

Бром выбил трубку, помолчал и ответил:

– По-моему, я достаточно ясно дал понять: я не намерен обсуждать с тобой источник своих знаний.

– Но мой дядя умер! Умер! – воскликнул Эрагон, взмахнув рукой, точно мечом. – И я до сих пор верил твоим речам только потому, что Сапфира выказала к тебе уважение. Но теперь я тебе не верю! Ты не тот, за кого себя выдаешь! И все эти годы, живя в Карвахолле, ты попросту притворялся! Я требую: объяснись!

Бром довольно долго не отвечал, глядя на дым, вьющийся над костром. Морщины у него на лбу становились все глубже, а брови все сильнее сдвигались на переносице. Он почти не двигался – лишь порой подносил трубку к губам и затягивался. Наконец он все же заговорил:

– Ты, по всей вероятности, никогда прежде об этом не задумывался, но ведь всем известно, что большую часть своей жизни я прожил отнюдь не в долине Паланкар. Я поселился в Карвахолле относительно недавно и лишь здесь стал выступать в роли сказителя. Впрочем, в разные времена и для разных людей мне пришлось играть разные роли... У меня чрезвычайно

богатое и сложное прошлое, мой мальчик. Отчасти в связи с желанием забыть об этом прошлом я и решил поселиться в здешних краях. Ты прав: я действительно не тот, за кого себя выдаю.

– Ха! – воскликнул Эрагон. – Так кто же ты?

– Я тот, кто здесь специально для того, чтобы помочь тебе, – улыбнулся Бром. – И не придирайся к словам – это самые правдивые слова, какие я произносил когда-либо в своей жизни. Но на вопросы твои я все же отвечать не намерен. В данный момент тебе совершенно не нужно знать, какова была моя жизнь в прошлом. Да ты пока что и не заслужил права знать об этом. Разумеется, простой деревенский сказитель не может обладать такими знаниями и умениями, но ведь я вовсе не деревенский сказитель. И тебе придется принять это к сведению и примириться с тем фактом, что я никогда не стану рассказывать историю своей жизни первому встречному!

Эрагон сердито глянул на него и, буркнув: «Ладно, я ложусь спать!» – отошел от костра, чрезвычайно обиженный тем, что его назвали «первым встречным».

Бром, казалось, ничуть этому не удивился, но в глазах его промелькнула печаль. Он расстелил свое одеяло поближе к костру, а Эрагон улегся под боком у Сапфиры. И вскоре тишина воцарилась в их маленьком лагере.

## Изготовление седла

Стоило Эрагону открыть глаза, и осознание того, что Гэрроу умер, тяжким грузом легло ему на сердце. Натянув одеяло на голову, он тихо заплакал. Хорошо было бы лежать в этом теплом полумраке и не двигаться... спрятаться ото всех на свете... обо всех позабыть... Черт бы побрал этого Брома! Эрагон сразу же перестал плакать, вытер глаза и вылез из-под одеяла.

Бром уже готовил завтрак.

– Доброе утро, – сказал он.

Эрагон что-то буркнул в ответ и, сунув тут же заледеневшие пальцы под мышки, присел на корточки у огня, ожидая, когда будет готова еда. Ели быстро, стараясь проглотить пищу, пока не остыла. Поев, Эрагон тщательно протер свою миску снегом и расстелил украденную бычью шкуру.

– Что это ты собираешься делать? – спросил Бром. – Вряд ли стоит таскать эти шкуры с собой.

– Я хочу сделать седло для Сапфиры.

– Хм?.. – Бром подошел поближе. – Вообще говоря, для драконов существует два типа седел... Одно твердое и высокое, как для лошади, но для его изготовления нужно немало времени и специальные инструменты, а у нас нет ни того, ни другого. Можно, конечно, сделать и мягкое седло... Собственно говоря, это просто несколько слоев кожи, проложенные между седоком и спиной дракона. Такими седлами пользовались в тех случаях, когда важнее всего были скорость и подвижность Всадника, хотя эти седла далеко не так удобны, как твердые.

– А ты не можешь рассказать мне, как выглядело мягкое седло? – попросил Эрагон.

– Лучше я его сделаю.

– Пожалуйста, делай. – И Эрагон, пожав плечами, отошел в сторонку.

– Ладно. Только и ты смотри внимательно. Когда-нибудь тебе придется самому такое седло делать.

С разрешения Сапфиры Бром измерил длину ее шеи и окружность груди, потом из одной шкуры вырезал пять ровных широких полос, а из другой – еще около дюжины разных более мелких деталей. Оставшуюся кожу он нарезал на длинные тонкие полоски и с помощью этих ремешков стал сшивать отдельные детали будущего седла. Для каждого стежка приходилось сперва делать две дырки в толстой коже, и Эрагон стал помогать Брому. Прodeвая ремешки в дырки, Бром затем просто завязывал их каким-то хитрым узлом, оставляя длинные концы – пряжек-то у него не было, – чтобы можно было распустить узел и перевязать его заново, когда дракон подрастет.

Основная часть седла состояла из трех одинаковых деталей, сшитых вместе и пришитых к дополнительной прокладке. Спереди к седлу крепились широкая петля, точно соответствовавшая по размеру одному из острых шипов на шее Сапфиры, а широкие ремни, пришитые с обеих сторон седла, следовало пропустить у драконихи под брюхом и там закрепить. Вместо стремян можно было использовать петли, сделанные на разной высоте вдоль боковых ремней. Петли были небольшие и довольно тугие, и ноги должны были держаться в них прочно. Между передними ногами дракона пропусклся широкий раздвоенный ремень, который, охватывая обе ноги, крепился к седлу.

Пока Бром занимался седлом, Эрагон починил свой ранец и приготовил обед, а также еду в дорогу. К вечеру все дела были завершены, и усталый Бром, надев седло на Сапфиру, проверил, насколько ей в нем удобно, кое-что подправил, снял седло и удовлетворенно улыбнулся.

– Здорово ты потрудился, – нехотя признал Эрагон.

Бром кивнул.



– Все всегда нужно делать как следует. Самому же потом лучше будет. Но, если честно, кожа была очень жесткая!

«Не хочешь ли опробовать новое седло?» – спросила Эрагона Сапфира.

«Давай лучше завтра, – сказал ей Эрагон, накрывая седло одеялом. – Сейчас уже слишком поздно». На самом деле ему вовсе не хотелось садиться на спину драконихи – последствия его первой поездки на ней все еще сильно давали о себе знать.

Обед съели быстро. Мясо, приготовленное Эрагоном, оказалось довольно вкусным. Поев, Бром вопросительно посмотрел на Эрагона:

– Ну что, завтра в путь?

– Не вижу причин дольше тут оставаться.

– Пожалуй... – Бром беспокойно заерзал. – Видишь ли, Эрагон, я должен извиниться за то, что все так вышло... Честное слово, я этого не хотел! Твоя семья не заслужила такого горя. Ах, если б можно было повернуть назад!.. Мне очень жаль, поверь.

Эрагон молчал, в глаза Брому он старался не смотреть. Через некоторое время Бром снова заговорил:

– Нам вскоре понадобятся лошади...

– Тебе, может, лошадь и понадобится, а у меня есть Сапфира.

– Ни одна лошадь не может угнаться за летящим драконом, – покачал головой Бром, – а Сапфира слишком молода, чтобы нести нас обоих. Кроме того, нам безопаснее оставаться вместе, да и ехать верхом на лошади гораздо удобнее, чем идти пешком.

– Но так будет гораздо труднее угнаться за раззаками, – возразил Эрагон. – Верхом на Сапфире я, наверное, смог бы отыскать их за день или за два, а на лошадях мы еще невесть сколько времени будем их догонять – если вообще когда-нибудь догоним и сможем с ними сразиться.

– И все равно тебе придется пересест с дракона на лошадь, – медленно и внятно проговорил Бром, – если ты, конечно, хочешь, чтобы я тебя сопровождал.

Эрагон задумался.

– Ну ладно, – проворчал он. – Давай раздобудем лошадей. Но покупать их придется тебе. У меня денег совсем нет, а воровать я больше не хочу. Нехорошо это.

– Это с какой точки зрения посмотреть, – усмехнулся Бром. – Итак, прежде чем мы отправимся в путь, запомни как следует: раззаки – верные слуги короля, так что им будет повсеместно оказываться поддержка, да и закон для них не писан. И у них повсюду найдутся и тугие кошельки, и добровольные помощники. Кроме того, не забывай, что для Гальбаторикса важно либо превратить тебя в своего слугу, либо попросту убить – хотя вряд ли сведения о тебе самом уже достигли его ушей. Но чем дольше тебе удастся избежать встречи с раззаками, тем сильнее будет тревожиться король, отлично понимая, что с каждым днем вы с Сапфирой становитесь сильнее и с каждой минутой все больше возрастает вероятность того, что присоединитесь вы не к нему, а к его противникам. Ты должен быть очень осторожен, ибо запросто можешь превратиться из охотника в преследуемую жертву.

На Эрагона эти слова произвели весьма сильное впечатление. Глубоко задумавшись, он крутил в руках прутик и молчал.

– Ну, довольно разговоров, – прервал молчание Бром. – Поздно уже, а у меня от усталости все кости ломит. Завтра еще успеем наговориться.

Эрагон согласно кивнул и затушил костер.

## Теринсфорд

Рассвет был пасмурным, дул пронзительный ветер, но в лесу стояла тишина. После легкого завтрака Бром и Эрагон присыпали костер снегом и собрались в путь. К своему ранцу Эрагон прикрепил лук и колчан со стрелами – чтобы удобнее было дотянуться в случае чего. На Сапфиру надели седло: ей придется побыть в нем до тех пор, пока они не раздобудут лошадей. Меч Заррок Эрагон крепко привязал к седлу Сапфиры – ему совсем не хотелось тащить его на себе. А кроме того, он отлично понимал, что в его руках этот меч пока что не страшнее дубинки.

В зарослях ежевики Эрагон чувствовал себя в полной безопасности, но стоило им выбраться оттуда, и он сразу насторожился. Тревога терзала его душу. Сапфира, взлетев, кружила над ними. Вскоре деревья поредели: они подходили к ферме.

«Когда-нибудь я еще непременно вернусь в эти места! – уговаривал себя Эрагон, с тоской глядя на разрушенный дом и амбар. – Я уйду отсюда не навсегда, этого просто не может быть! Этого никогда не будет! Я обязательно вернусь...»

И он, расправив плечи, решительно зашагал на юг, в неведомые ему края.

Сапфира тем временем успела улететь далеко на запад, к горам. Когда она совсем пропала из виду, Эрагону стало не по себе. К сожалению, даже сейчас, когда никого поблизости не было, они не могли быть вместе – случайный прохожий легко мог бы заметить с дороги летящего дракона.

На подтаявшем снегу следы раззаков были видны плохо, но Эрагон не слишком по этому поводу беспокоился: вряд ли они ушли куда-то в сторону – ведь это самый удобный и короткий путь на юг. А вот когда они выйдут из долины и дорога разделится на несколько троп, будет довольно трудно определить, какой именно путь выбрали раззаки.

Оба молчали, стараясь идти как можно быстрее. Истерзанные ноги Эрагона кровоточили там, где на ранах лопнула свежая корочка. Чтобы отвлечься от мучительной боли, он первым нарушил молчание:

– Так что же все-таки умеют делать драконы? Ты говорил, что тебе кое-что об этом известно.

Бром засмеялся, словно отмахиваясь от этого вопроса, и крупный сапфир в его кольце ярко блеснул.

– К сожалению, – сказал он наконец, – знаю я о драконах чрезвычайно мало. Во всяком случае, по сравнению с тем, что мне хотелось бы знать о них! Между прочим, на тот вопрос, который задал ты, люди пытались ответить в течение многих столетий, так что пойми: сведения, которые я могу сообщить тебе, уже изначально являются неполными. Драконы всегда были существами загадочными, хотя, наверное, сами вовсе не стремились к этому.

Прежде чем я отвечу на твой вопрос, надо рассказать тебе кое-что о драконах вообще. Ты только запутаешься, если мы начнем обсуждать столь важную и сложную тему с середины, ничего не узнав о самой природе драконов. Я начну с их жизненного цикла. И если данный предмет не покажется тебе слишком утомительным, мы перейдем к следующей теме.

Бром рассказал Эрагону, как спариваются драконы и сколько времени требуется, чтобы из яиц вылупились детеныши.

– Видишь ли, – говорил он, – когда дракониха откладывает яйцо, детеныш внутри него уже совершенно готов к вылуплению. Однако же благоприятных обстоятельств он выжидает долго – иногда несколько лет! Когда драконы жили в диких краях, на свободе, подобные обстоятельства главным образом зависели от количества пищи. Но с тех пор как драконы заключили союз с эльфами, некоторое количество своих яиц, обычно одно или два, они каждый год передавали в дар Всадникам. И сидевшие внутри яиц дракончики выжидали, даже не думая про-

клевываться, пока не появлялся тот, кому суждено было стать Всадником и хозяином данного дракона. Хотя никто так и не понял, каким образом, сидя в яйце, маленький дракон мог это почувствовать. Обычно делали так: Всадники, выстроившись в ряд, по очереди касались яйца, ожидая, что оно само «выберет» кого-то из них.

– Ты хочешь сказать, что Сапфира могла и не проклянуться из яйца, если бы я ей не понравился? – недоверчиво спросил Эрагон.

– Вполне возможно.

И Эрагон чуть не лопнул от гордости: еще бы, из всех жителей Алагейзии Сапфира выбрала именно его! Интересно, сколько же времени ей пришлось ждать? И он вздрогнул от холода, подумав о том, каково ей было сидеть в тесном яйце, скрючившись, среди холодных гор.

А Бром продолжал свой рассказ. Он разъяснил Эрагону, что и когда драконы едят. Взрослый дракон, оставаясь на одном месте, может месяцами обходиться без пищи, но в период спаривания драконы должны есть каждую неделю. Некоторые растения способны избавить их от болезней, другие же, напротив, чрезвычайно для них вредны. Существуют различные способы ухода за когтями драконов и за их чешуей, например...

Бром рассказывал еще долго; он рассказал также, как следует себя вести при нападении вражеского Всадника – будь ты пешим, конным или тоже сидящим верхом на драконе – и как вступить с таким врагом в схватку. Живот дракона, говорил он, отлично защищен панцирем чешуи, а вот подмышки у него мягкие, беззащитные. Эрагон то и дело прерывал Брома, задавая ему различные вопросы, но Бром, похоже, был этим как раз очень доволен. За столь увлекательной беседой время летело незаметно.

К вечеру они подошли к Теринсфорду и уже в темноте стали искать место для ночлега. И тут Эрагон вдруг спросил:

– А кто был тот Всадник, что владел Зарроком?

– О, это был могущественный человек, – ответил Бром, – многие боялись его. Он не только обладал огромной властью, но и невероятной физической силой.

– А как было его имя?

– Этого я тебе пока не скажу. – Эрагон запротестовал было, но Бром был непреклонен. – Некоторых вещей тебе пока лучше не знать: они могут быть для тебя опасны, к тому же они способны отвлечь тебя от основной цели. Нет никакого смысла преждевременно тревожить твою душу – ведь у тебя пока нет ни власти, ни возможностей, чтобы противостоять тем, кто хотел бы использовать тебя и твоего дракона во имя Зла.

– Знаешь что? – гневно сверкнул глазами Эрагон. – Ты, по-моему, просто получаешь удовольствие от того, что все время меня дразнишь, всякие загадки мне загадываешь! Между прочим, я еще не окончательно решил, хочу ли и впредь путешествовать вместе с тобой, так что лучше не зли меня. А если хочешь что-то сказать, говори прямо, не увиливай!

– Ладно, не сердись. В свое время ты все узнаешь, – примирительным тоном сказал Бром, но Эрагон еще долго что-то бурчал себе под нос, совершенно в этом не убежденный.

Наконец они нашли подходящее место для ночлега и разожгли костер. Сапфира присодинилась к ним, когда мясо было уже почти готово.

«Успела ли ты поохотиться?» – спросил у нее Эрагон.

Она даже фыркнула от удовольствия:

«Вы бы еще помедленнее шли! Можно слетать за море и вернуться, и то от вас не отстать!»

«Не груби! – прикрикнул на нее Эрагон. – Скоро мы станем продвигаться быстрее, вот только лошадей раздобудем».

Но Сапфира, выдохнув целое облако дыма, издевательским тоном заявила:

«Только вряд ли вам раззаков догнать удастся. До них вам несколько дней пути. И они, похоже, подозревают, что их преследуют. Иначе зачем они до такой степени разрушили ферму? Они это сделали специально, желая вас разозлить и вынудить их преследовать!»

«Не знаю, может быть», – растерянно ответил Эрагон, охваченный внезапной тревогой.

Но тут Сапфира свернулась в клубок с ним рядом, и он с наслаждением прислонился к ее теплому брюху. Бром, сидевший напротив, старательно очищал ножом от сучков две длинные ветки, потом одну из них бросил Эрагону, который машинально поймал ее и удивленно посмотрел на Брома поверх потрескивающего огня.

– Защищайся! – рявкнул Бром, решительно вскакивая, и тут Эрагон увидел, что палка, которую он держит в руках, выстругана в виде примитивного меча. «Значит, Бром хочет со мной сразиться? – понял он. – Интересно, на что он рассчитывает? Ну, ладно, раз хочет, то пусть и получит! Если он думает, что ему меня победить удастся, то сильно ошибается!»

Он тоже вскочил на ноги, видя, что Бром уже обошел костер и приближается к нему. Некоторое время они стояли лицом к лицу, потом Бром сделал резкий выпад, взмахнув своим «мечом», и отразить удар Эрагон не успел. И вопль боли тоже сдержать не смог, когда «меч» Брома здорово съездил ему по ребрам.

Впрочем, он тут же ринулся в атаку, но Бром легко парировал его удары. Эрагон сперва хотел нанести противнику рубящий удар по голове, но в последний момент передумал и решил тоже ударить Брома по ребрам. И тут же звонкий стук разнесся по всему лесу: Бром, естественно, успел его удар отразить.

– Импровизируешь? Это хорошо! – воскликнул он, весело блеснув глазами. Рука его совершила какое-то, казалось, незаметное движение, и у Эрагона правая сторона головы прямо-таки взорвалась от боли. Он мешком рухнул на землю и пришел в себя, когда Бром принялся брызгать ему в лицо холодной водой.

Отплеываясь, Эрагон сел. В голове стоял звон, на лице противной коркой запеклась кровь. Бром стоял рядом, держа в руках сковороду, полную подтаявшего снега.

– И совсем не обязательно было так лупить меня по башке! – сердито сказал ему Эрагон и заставил себя подняться. Голова у него сильно кружилась, ноги были как ватные.

Изогнув бровь дугой, Бром ехидно заметил:

– Вот как? Между прочим, настоящий противник не станет спрашивать, стоит тебя лупить по башке или не стоит! А потому и я не стану этого делать. Что ж, прикажешь идти на поводу у твоего... неумения владеть оружием? Так оно, конечно, легче будет, да только вряд ли целесообразнее. – Он поднял с земли палку, которую выронил Эрагон, и протянул ему: – А теперь – защищайся!

Эрагон тупо посмотрел на протянутый ему «меч» и покачал головой.

– Даже и не надейся! С меня довольно! – Он отвернулся и чуть не упал – такой удар обрушился ему на спину. Злобно оскалившись, он обернулся.

– Никогда не поворачивайся к противнику спиной! – рявкнул Бром и, кинув Эрагону палку, бросился в атаку. Эрагон тут же отступил под его натиском, а Бром крикнул: – Не размахивай зря руками! Немного присядь, согни ноги в коленях! – Он выкрикивал свои наставления, ни на секунду не переставая двигаться и останавливаясь лишь для того, чтобы показать, как именно делать тот или иной выпад. – Так, а теперь повтори, но только медленно!

Некоторое время они упражнялись в замедленном темпе, потом схватка вновь стала яростной. Эрагон быстро усваивал уроки, но, сколько бы он ни старался, пока что ему удалось отбить не более двух-трех ударов, нанесенных Бромом.

Закончив тренировку, Эрагон рухнул на расстеленное одеяло и застонал. Он был весь избит – Бром отнюдь не жалел его, орудуя своим «мечом». Сапфира протяжно заворчала, а потом издала какой-то странный звук – то ли кашель, то ли кудахтанье – и, смешно вывернув губы, продемонстрировала свои потрясающе белые и острые зубы.

## **Конец ознакомительного фрагмента.**

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.